

Составитель
Татьяна Жукова

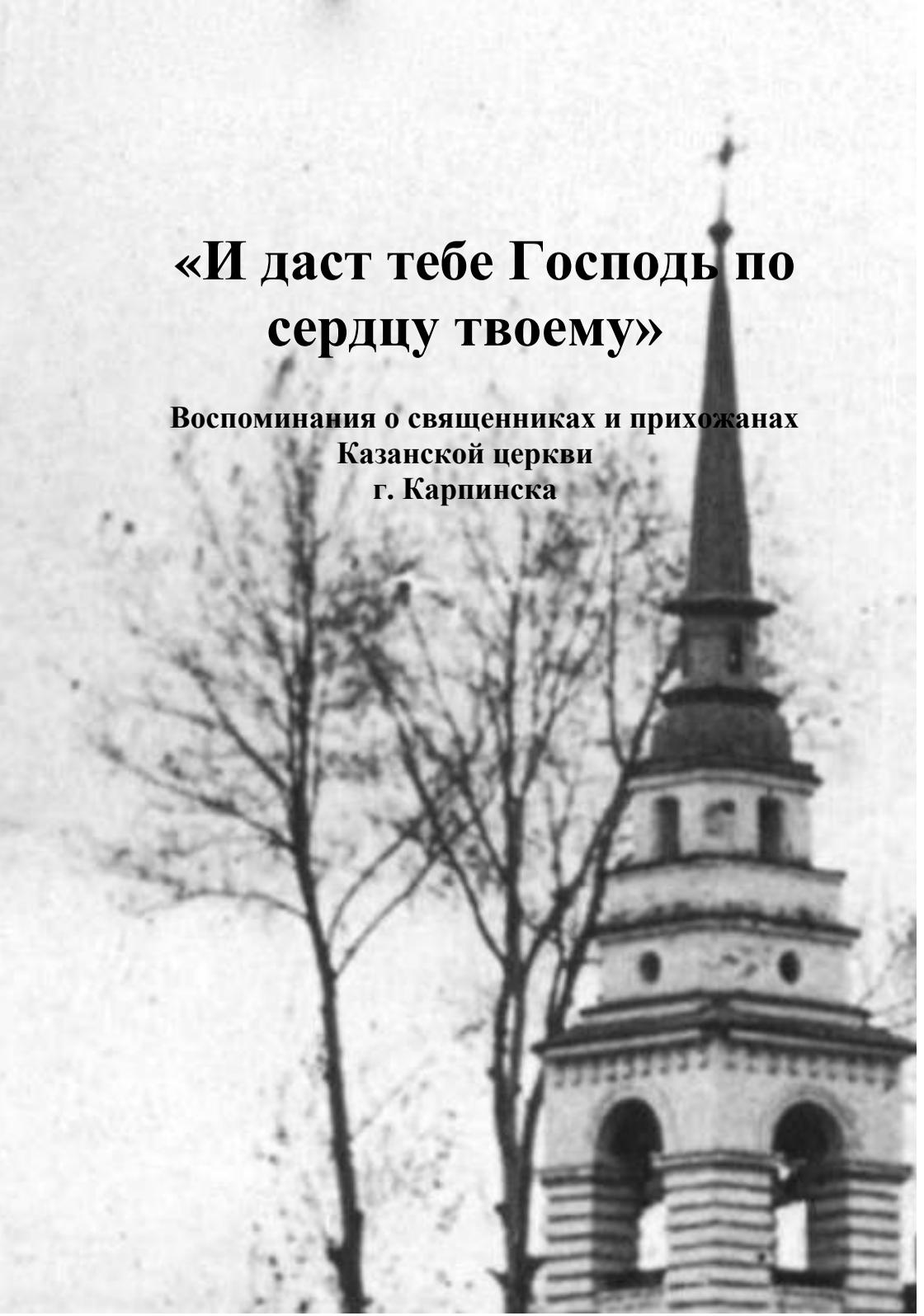
Составитель благодарит всех, кто предоставил материал для этой книги.

Настоящая книга включает в себя воспоминания людей разного возраста, образования и общественного положения о жизни прихода Казанской церкви города Карпинска в послевоенный период и вплоть до начала XXI века. Часть материалов можно отнести к краеведческим. Фотографии, помещенные в книгу, предоставлены семьей Воиновых, многими прихожанами и В.В. Сувориным. Инициатор написания – депутат Думы ГО Карпинск, один из учредителей благотворительных фондов по восстановлению храмов г. Карпинска, М.Э. Бураев. Большая часть воспоминаний принадлежит старейшей прихожанке, певчей и регенту Казанской церкви Татьяне Константиновне Любогощинской. В течение трех месяцев Татьяна Константиновна помогала, вносила уточнения в материал, собираемый составителем и после того, как вся работа была завершена, 14 декабря 2013 года, в возрасте почти 91 год, умерла.

Книга рассчитана на читателей – прихожан церкви города Карпинска.

с Т.И. Жукова, текст, 2013

с Т.И. Жукова, оформление, 2013

**«И даст тебе Господь по
сердцу твоему»**

**Воспоминания о священниках и прихожанах
Казанской церкви
г. Карпинска**

Старое кладбище

В последние дни осени я искала на старом кладбище возле Казанской церкви одно надгробие. Надпись на чугунной плите когда-то очень удивила меня и потому запомнилась. Всего пять-шесть слов на могиле умершего младенца написали родители в день смерти своего маленького сына.

Увядаящая трава стелилась возле подножия высоких надгробий с крестами. Стояли мраморные пни на могилах людей, когда-то трудившихся в Богословском лесничестве. Разноцветная листва покрывала надписи, желто-красной аппликацией выделяясь на темном фоне старинных плит.

Я обошла все могилы, но той, что искала, не нашла.

В 1970-х годах на кладбище бывшего Богословского завода, ставшего городом Карпинском, развернулась стройка, потревожившая прах давно ушедших из этого мира жителей.

Бурные 90-е, перевернувшие всё в стране, перелопатили и на многострадальном кладбище возле церкви еще не один десяток могил, оставив по периметру стен Казанской забетонированную траншею. А могила, которую я искала, когда-то находилась у самой стены церкви справа от крыльца.

"Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту," – поется на погребении от имени близких, провожающих своего родного усопшего человека. "Плачу и рыдаю" - это так понятно. Естественно плакать над гробом дорогих людей. Даже Спаситель, Иисус Христос заплакал, когда ему сказали, что умер друг Его Лазарь.

Но Спаситель для того и пришел к нам, чтобы сказать, что есть Бог и есть вечная жизнь - умершие оживут. И стоит Церковь на земле, чтобы соединить человека с Богом. Стоит церковь на христианском кладбище, чтобы торжественно проводить

в

загробный мир веровавших во Христа усопших и напомнить живущим о жизни вечной.

А надпись, которую я искала, нашлась в городском музее. Сотрудники успели записать имена и эпитафии с надгробных плит и памятников, оставшихся после стройки 70-х. Это были несколько очень простых слов:

«Здесь покоится милый прах младенца Николая Васильевича Второва «Покойся, милое дитя, до радостного дня».

На кладбище возле Казанской церкви

«Если бы можно было найти человека, который бы не знал превращений, производимых переменами времен года, - пишет Святитель Игнатий (Брянчанинов). - Если бы привести этого странника в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным, показать ему обнаженные деревья, и поведать о той роскоши, в которую они облекутся весной: то он, вместо ответа, посмотрел бы на вас и улыбнулся - такую несбыточную басню показали бы ему слова ваши! Так и воскресение мертвых кажется невероятным для мудрецов, блуждающих во мраке земной мудрости, не познавших, что Бог всемогущ,

что многообразная премудрость Его может быть созерцаема, но не постигаема умом созданий. Богу все возможно: чудес нет для Него. Слабо помышление человека: чего мы не привыкли видеть, то представляется нам делом несбыточным, чудом невероятным. Дела Божии, на которые постоянно и уже равнодушно смотрим, - дела дивныя, чудеса великия, непостижимыя.

И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его прообразовательным, таинственным действием!»

Вот и у нас скоро зима, и наши деревья уснут зимним смертным сном, а пока стоит теплая и сухая осень. На Казанской перекрывают крышу, бросая вниз на дорожку изогнутые листы железа, в несколько слоев покрытые синей краской. Совсем скоро крыша и купола будут новые. От старого дореволюционного кладбища, на котором когда-то построили церковь, осталось лишь то, что попало в церковную ограду. К «тихому пристанищу» притекли христиане, жившие здесь еще недавно.

Справа от алтаря, немного в глубине, стоит восьмиконечный каменный крест на высоком постаменте – на этом месте похоронен священник:

«Здесь покоится Протоиерей Алексей Степанович Бабин, скончался 1881 19 января, 62 лет от роду. Мир праху твоему добрый пастырь».

А ведь еще за год до его смерти в списке настоятелей Введенского собора от 1880 года значился протоиерей Алексей Стефанович Бабин, о котором сообщалось, что ему 61 год, он окончил Пермскую семинарию и служит во Введенском соборе с 1860 года.

Рядом с протоиереем Алексеем Бабиным похоронены его сестры, никогда не выходявшие замуж и namного пережившие своего брата: «Здесь покоится священническая дочь девица Агриппина Степановна Бабина. Скончалась 1904 года 16 апреля 70 лет от роду. Здесь же покоится священническая дочь девица Мариамна Степановна Бабина. Скончалась 1906 года 13 октября 78 лет от роду».

Возле дорожки, идущей вокруг храма, справа от алтарной апсиды видно новое современное надгробие с изображением

священнослужителя с женой. Надпись на черной гранитной плите лаконична: «Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь. Уваровы Александр Евлампиевич, диакон, 1872 – 1927 (и) Клавдия Онисифоровна (Луканина)»

Диакон Александр был сыном священника Евлампия Уварова, 1840 года рождения, служившего в 1880-х годах во Введенском соборе. Как и отец, диакон Александр также служил в соборе.

Женился на дочери священнослужителя Онисифора Луканина – Клавдии, родились дети Виталий, Нина и Мария. Сын Марии (Уваровой) Воеводкиной – Александр Львович Воеводкин умер сравнительно недавно, в 2005 году. Его дети Иван и Любовь, те, кто установил новый памятник на старом кладбище возле Казанской.

Любовь Александровна Проскуракова (Воеводкина), внучка Марии Александровны Воеводкиной (Уваровой):

«Маленькую меня баб(уш)ка Мария водила на кладбище возле Казанской церкви, где слева от церкви, с западной стороны были похоронены ее родители и говорила: «Любанька! Здесь похоронены мои мама и папа» Мы приносили цветы, и я подходила к могиле, чтобы осторожно положить их на чугунную плиту с именами прадеда и прабабушки.

В 2010 году мой брат Иван Александрович Воеводкин обратился к священнику Казанской с просьбой установить надгробную, но теперь, получается, памятную плиту, возле церкви справа от алтаря. Отец Антоний согласился, принимая во внимание, что могила наших прадеда и прабабки, находившаяся у стены церкви, была скрыта во время каких-то работ, то ли ремонта, то ли чего-то еще, и все кости, что откопали, были перезахоронены в одну общую могилу. Нам хотелось сохранить память о похороненных на этом кладбище наших родных, и теперь надгробие с именами Уваровых возобновит память о них в следующих поколениях потомков священнослужителей Уваровых и Луканиных».

В прошлом году приезжали в Карпинск потомки Мащьяновых, разыскивающих могилы своих родственников. Они передали диакону Павлу Головкову дореволюционные фотографии своих родных.

С северной стороны Казанской церкви есть могилы Мащьяновых. За невысокой кованой оградкой стоят два памятника со следующими надписями: «Здесь покоится тело рабы Божией Анны Ивановны Мащьяновой. Родилась 9 декабря 1873 года. Скончалась 1903 г. 21 декабря», «Здесь покоится тело раба Божия Иоанна Александровича Мащьянова. Родился 22 января 1872 года. Скончался 1911 г. 9 июля».

«Жильцы божественного света» они смотрят на нас из другого бытия:

«Здесь покоится тело псаломщика Богословского Введенского собора Аристарха Павловича Зубкова 30 лет от роду. сМир праху твоему»;

«Под сим камнем покоится тело рабы Божией Дросиды Григорьевны Мелехиной, скончавшейся 20 апреля 1897 года. Жития ея было 91 год от роду.

О Боже! Сильный наш Спаситель,
Пошли душе её покой,
Всели её в Свою обитель
И со Святыми упокой».

Под старым кедром, едва ли не заставшим строительство Казанской церкви, справа от дорожки, ведущей в храм - могила Ивана Ивановича Белавина, в 1877 году окончившего Петербургскую медико-хирургическую академию, прошедшего военным врачом Русско-турецкую войну и трудившегося в Обуховской больнице Санкт-Петербурга.

Крест на могиле И.И.Белавина

Как пишет о нем в своей книге «О людях в белых халатах» Людмила Николаевна Руднова, будучи приглашен в Богословский завод, Иван Иванович без сожаления отказался от карьеры столичного доктора и приехал на Урал.

Большая работа о И.И. Белавине, написанная историком-архивистом, уроженцем нашего города М.С. Бессоновым - это еще одна веха в сохранении памяти об Иване Ивановиче Белавине, об этом замечательном человеке, наряду с тем деревянным крестом, что стоит возле Казанской церкви на его могиле уже несколько десятилетий.

**«Чаю воскресение мертвых и
жизни будущего века»**

Икона Спаса Нерукотворного

Протоиерей Игорь Леонидович Котомцев, настоятель Свято-Троицкого собора г. Красноярска. С 1989 г. по 1998 г. настоятель Казанской церкви к. Карпинска:

«Казанская церковь строилась как кладбищенская, и все изображения в ней были неслучайны.

Роспись на потолке - это схождение Спасителя во ад, Его сошествие в царство мертвых. Храм кладбищенский, потому тематически стены церкви расписывали исходя из того, что здесь будут отпевать умерших, и людям, приходящим проводить покойного, все будет напоминать о будущей жизни, о том, что по вере во Христа их и тех, кто умер, Христос сошедший во ад и выведший оттуда праведников, упокоит в селениях праведных и тех, кто все свое упование возложил на Господа.

Не просто так написан сюжет справа на южной стене храма, изображающий пророка Иону, выбрасываемого морскими волнами на берег. На Вечерне Великой Субботы читаются 15 паремий, в том числе и чтение отрывка из Ветхого Завета о пророке Ионе. Пророк Божий Иона пробывший «во чреве китове» три дня и три ночи, и чудесным образом спасенный, явился прообразом Воскресения Христова, и напоминает нам, что, как Иона из чрева морского зверя, из уз смерти вернулся к жизни, так и наши усопшие родственники и знакомые оживут к вечной жизни.

Преподобный Максим Исповедник, икона которого написана в стенной нише с левой стороны – небесный покровитель строителя Богословского завода – Максима Походяшина. В память о Походяшине, о его трудах по строительству завода и великолепного собора в Богословске, храмоздатели Казанской кладбищенской церкви написали на северной стене изображение его небесного заступника перед Богом.

Это напоминание нам, живущим, о необходимости добрых дел, и о том, что после смерти мы отходим на суд Божий, где нет лицемерия, а все: раб и господин, царь и воин, богатый и нищий – все в равном достоинстве и каждый от своих дел или прославится, или постыдится».

Сергей Борисович Еремеев, прихожанин Казанской церкви, с 2007 г. - Богословского собора:

«История карпинского храма во имя Казанской иконы Божией Матери интересовала меня давно - история церкви, где со дня её основания и по сей день не прерывалась молитва, а следовательно, не рвалась нить, связующая поколения, где не прекращалось молитвенное общение прихожан, живущих ныне и уже почивших и отошедших ко Господу.

В книге «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» протоиерея Валерия Лавринова, о храме говорится коротко – кладбищенская церковь, приписанная к Введенскому собору, построена в 1841 году «на средства прихожан при содействии и пособии горного начальника М.И. Протасова».

Долгое время существовало ошибочное мнение, что, раз церковь была приписана к Богословскому собору, то и служили в нем, как это часто практиковалось, чередные священники, то есть настоятеля и постоянного штата в нем не было.

Однако, стараниями фонда содействия краеведению «Богословский Урал», мне в руки попала копия акта приёма должности **первого настоятеля Казанской церкви иерея Иоанна Бабайлова от 1841 года**, в которой, кроме прочего, упоминался и штат церкви: настоятель – протоиерей, второй священник и диакон.

Революция и репрессии 1930-х годов не могли не коснуться священников, клира и прихожан Казанской

церкви. После того, как были арестованы отцы Олимп Попов и Филарет Слозцов, службы в храме перестали совершаться. Церковь юридически не закрывалась, но с конца 1937 года, в связи с отсутствием священнослужителей, служба не проводилась. Богослужения возобновились в 1944 году».

Казанская церковь города Карпинска, 1960-е годы

Священник Олимп Поликарпович Попов

Биографическая справка:

Олимп Поликарпович Попов родился в 1874 году.

В 1897 году служил псаломщиком в Афанасьевской церкви в селе Зюздино-Афанасьевское Глазовского уезда Вятской губернии. По данным Екатеринбургской епархии в 1926 году священник Олимп Попов служил во Всехсвятском храме при Михайловском кладбище г. Екатеринбурга. В 1937 году, будучи протоиерем, служил в Казанско-Богородицкой церкви Богословска, репрессирован, 10 ноября приговорен к 10 годам лагерей.

Протоиерей Олимп Попов имел дочь, работавшую учителем. Внуки Леонид Михайлович Головки и Геннадий Михайлович Головки погибли в Великой Отечественной войне. Внук Вячеслав Михайлович Головки, доктор филологических наук, член Союза Российских писателей, родился в пос. Северском Свердловской области в 1944 г.

Священник Филарет Васильевич Словцов

Биографическая справка:

Филарет Васильевич Словцов, окончил Пермскую семинарию. По данным Екатеринбургской епархии в 1937 году, будучи протоиереем, служил в Казанско-Богородицкой церкви Богословска, репрессирован, 10 ноября 1937 г. приговорен к 10 годам лагерей.

Его отец - Василий Петрович Словцов, 1844 г.р., окончил Пермскую семинарию, женился на Екатерине Степановне Поповой, старшей дочери протоиерея Стефана Попова, настоятеля Максимовской церкви в Турьинских Рудника. С 1881 года, после перевода отца Стефана в Богословский Завод, в свою очередь становится настоятелем Максимовской церкви, позднее он - митрофорный протоиерей, благочинный Богословского

горного округа. В 1922 году 22 мая приговорен к пяти годам тюрьмы. Амнистирован условно, умер в 1924 году. Похоронен на кладбище Иоанно-Предтеченского храма г. Екатеринбурга.

Дед протоиерея Филарета Словцова по матери - протоиерей Стефан Петрович Попов, 1827 г.р., более двадцати лет служил в Максимовской церкви Турьинских Рудников и пятнадцать лет, до своей смерти в 1898 году – настоятелем во Введенской соборной церкви Богословского Завода.

Родной дядя по матери - Александр Степанович Попов, изобретатель радио.

Протоиерей Стефан Попов с женой Анной Степановной и сыном Александром. Рядом с матерью сидит дочь Августа, в 1-м ряду – дочь Капитолина и внучка Анна Васильевна Словцова. Богословск. 1887 г. (подпись с сайта правнучки А.С. Попова Правнучка.ру)

Возобновление служб

«Весной 1943 года, - вспоминает одна из старейших прихожанок Казанской церкви (В.И.Б.), - я зашла к своей крестной, Дерягиной Марии Павловне, что жила на Угольных коях. У нее на квартире стояла офицерша, охранявшая военнопленных немцев, и эта женщина сказала мне, что открыли церковь, давай ходим. Я согласилась, хотя в церковь тогда не ходила. На улице было очень темно и грязно, мы шли с копеек через лес, и когда зашли в церковь, то первое, что запомнилось, пахло сыростью. Я не помню, был ли это Великий пост, но это была весна. Мы зашли, народу много и все стоят на коленях. Как и на улице, в церкви было тоже очень темно, хотя горели свечки, на паникадиле стояло несколько свечей и одна, как тогда говорили, «на воздухе», то есть у алтаря над царскими вратами, где сейчас поднимают зажженную лампаду. Мы тоже встали на колени и молились.

Вскоре, летом 1943 года, я ушла на фронт».

Регулярные богослужения в Казанской церкви начали проводиться в 1944 году, когда в Карпинск приехал отец Макарий Филистеев, но какие-то события, связанные с богослужением 1943 года были возможны. Мог провести службу приехавший для этого священник. Возможно, люди собрались на совместную молитву в связи с боями

Сталинградской битвы, продолжавшейся с июля 1942 по февраль 1943 года.

Обстановку того времени описывают воспоминания архимандрита Кирилла Павлова: «Великая и страшная Отечественная война была попущена самим Господом, который не желая никому погибнуть, всех пережигал в этом горниле, очищая развращенный и утративший веру народ, чтобы спасти тех, которых можно спасти...И когда стали открывать храмы, такой был подъем в народе. Народ шел в храмы... После Сталинградской битвы, когда мы прибыли в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошел в Тамбов. Там открыли единственный храм. Собор был весь голый, одни стены... Народу – битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник, о. Иоанн, который впоследствии стал еп. Иннокентием Калининским, такую проникновенную проповедь произнес, что все, сколько было в храме народа – навзрыд плакали. Это был сплошной вопль».

Советское государство, оставаясь по своей идеологии атеистическим, еще недавно осуществлявшее жесточайший террор против Русской Церкви, под напором трагических событий Великой Отечественной войны было вынуждено изменить свой курс в отношениях с Церковью.

Сентябрь 1943 года стал переломным моментом. Состоялась историческая встреча Сталина с митрополитами Сергием Страгородским, Алексием Симанским и Николаем Ярушевичем, в результате которой, 12 сентября 1943 года, митрополит Сергей был избран Патриархом.

Кое-где на местах стали открываться храмы, но кардинального поворота в политике руководства по отношению к церкви не произошло. Антицерковный натиск ослаб, но продолжался уже скрытно.

Что касается Казанской церкви в Карпинске, оставшейся без священников после ареста в октябре 1937 года протоиерея Олимпа Попова и протоиерея Филарета Словоцова, избрание Патриарха и общее изменение обстановки способствовало тому, что в 1944 году на приход в Карпинск приехал священник – протоиерей Макарий Филистеев.

К тому же все годы, с 1938 по 1944-й, староста Казанской церкви Александра Дмитриевна Исакова хлопотала о возобновлении богослужения.

Казанская церковь г. Карпинска, 1950-е годы

Александра Дмитриевна Исакова

Алевтина Михайловна Бессонова, г. Екатеринбург:

«Моя бабушка Александра Дмитриевна Исакова (урожденная Францева) родилась в 1890 году. В 1910 году вышла замуж за Исакова Павла Ивановича, который работал шорником на медеплавильном заводе. Родились дети: в 1911 году дочь Нина, моя мама, в 1917 году дочь Екатерина, в 1921 году сын Павел. В том же 1921 году муж погиб на производстве.

В 1924 г. Александра Дмитриевна вышла замуж за Савинцова Якова Федоровича, от которого родились дети: Сергей в 1925-м, Мария в 1927-м и Анатолий в 1930-м. Муж Яков Федорович умер в 1933 году. В 1940 г. сына Павла призвали в армию, а в 1943 он погиб под Кривым Рогом.

Бабушка моя была домохозяйкой и постоянно связана с церковью. Она была старостой Казанской церкви в Карпинске (Богословске) с начала 1930-х годов и, как мне помнится, примерно, до 1952 г. После того, как церковь закрыли, она со своими детьми дежурила в ней, чтобы ничего не украли. Так как церковь была закрыта, крещения проводили в доме бабушки. Для этого приезжал священник. Даже одну старушку отпевали, я это хорошо помню.

Во время войны она ездила в Свердловск, где хлопотала, чтобы открыли церковь. Это я запомнила, так как она брала меня с собой. Во время войны мы жили у бабушки, так как мама работала, а отец был на фронте. Бабушку все любили и уважали. У нее в доме находили приют одинокие старушки.

← **На фотографии прихожане и священнослужители Казанской церкви в начале 1930-х годов**

Сидят слева направо:

2-я Анна Григорьевна Юшкова (урожденная Лапкина),

3-я Александра Дмитриевна Исакова (урожденная Францева),

4-й священник Василий Васнецов,

5-й священник Виктор Александрович Кушкин,

6-я его жена Ольга Сергеевна Кушкина,

7-я Анисья Григорьевна Воложенинова (урожденная Лапкина),

8-я возможно, Лидия Григорьевна Фролова (урожденная Лапкина).

Стоят слева на право:

2-й слева Павел Сидорович Колосницын,

3-я его жена Екатерина Ивановна Колосницына (урожденная Исакова). (Павел Сидорович и Екатерина Ивановна помогли своей племяннице, оставшейся без матери в 23 года; дочь и внучка племянницы в 2000-х годах пели в Казанской церкви).

5-я Зоя Васильевна Агафонова (урожденная Воложенинова, дочь Анисьи Григорьевны Воложениновой),

6-я Александра Васильевна Панёва (урожденная Воложенинова, дочь Анисьи Григорьевны Воложениновой) (?)

7-я Нина Павловна Федосеева (урожденная Исакова, дочь Александры Дмитриевны),

8-й диакон (?).

В нашей семье сохранились хорошие воспоминания о священнике Викторе Александровиче Кушкине и фотографии начала тридцатых годов, когда он служил в Казанской церкви.

В начале 1955 года бабушка заболела. Задышалась. Я даже приносила кислородную подушку. В апреле 1955 года моя любимая бабушка умерла».

Виктор Александрович Кушкин

Согласно данным опубликованным протоиереем Валерием Лавриновым в работе «Обновленческий раскол в Екатеринбургской (Свердловской) епархии в годы Великой Отечественной войны» «в декабре 1943 г. принесли покаяние причт Екатеринбургской кладбищенской церкви г. Алапаевска.

Настоятель церкви Михаил Оглоблин был принят в сущем сане и оставлен в должности настоятеля. Протоиерей Виктор Кушкин как двоеженец вскоре лишен сана и назначен псаломщиком».

Протоиерей Михаил Оглоблин служил в Казанской церкви г. Карпинска с сентября 1935 по август 1937 года.

Виктор Николаевич Прутов, с 1958 г. прихожанин, певчий, чтец и пономарь Казанской церкви:

Виктор Александрович Кушкин служил в нашем храме после войны регентом и псаломщиком. Раньше он был священником, но жена его умерла, оставив, кажется, трое детей. Он женился второй раз на Ольге Сергеевне. Еще у него было два сына. Он никогда, сколько я его видел не

входил в алтарь, считая для себя невозможным вступать в это священное место после того, как его лишили сана. До войны он служил в нашей церкви, потом они с женой и детьми уезжали, а после войны снова приехали. Жили Кушкины за кладбищем по улице Свободы, рядом с домом, где всегда жили священники, служившие в Казанской церкви.

Когда я стал приходить на службы в церковь, то старался встать возле Виктора Александровича в то время, как он выходил читать посреди церкви шестопсалмие. Я стоял рядом и слушал, как он читает, учился у него. Читал он довольно быстро и негромко. В общении был серьезный, никогда не шутил.

Умер Виктор Александрович где-то году в 1960-м. Перед смертью заболел. Ударил палец на ноге, палец распух, никак не заживал. Дальше - больше, и ногу отняли. Сколько-то времени он ходил на костылях.

28 августа в праздник Успения Божией Матери, Виктор Александрович пошел в церковь на службу. Вышел из дома, перешел через дорогу, упал и умер. Народ как раз шел на службу, к нему подбежали, но сделать уже ничего было нельзя. На ночь перед похоронами меня позвали читать над его гробом псалтырь. Я молодой был, чуть больше двадцати лет, а тут оставили ночью одного с покойником, страшно было. Все сидели у отца Спиридона в соседнем доме, а я один ночью читал, потом отец Спиридон пришел ко мне, сменил меня.

Татьяна Константиновна Любогощинская, с 1946 г. прихожанка и певчая Казанской церкви:

«Виктор Александрович мне говорил: Татьяна, какой у тебя хороший голос и память очень хорошая, тебе надо быть на клиросе и за псаломщика, и за регента.

Может, я и разбиралась в службе, но, мы столько раз с мужем уезжали из Карпинска и приезжали обратно, что

псаломщиком и регентом я стала только после смерти моего мужа Николая, когда в 1992 году отец Игорь Котомцев поставил меня регентом вместо Елены Палецких».

В семейном архиве **Алевтины Михайловны Бессоновой (Федосеевой)** сохранилась фотография семьи Кушкиных, подаренная её родственникам - Павлу Сидоровичу и Екатерине Ивановне Колосницыным с надписью: «На добрую память незабвенному другу Павлу Сидоровичу и Екатерине Ивановне от семейства Кушкиных. Я всегда буду вспоминать Вас, Павел Сидорович, как близкого родного друга. Желал бы, чтобы и Вы подольше не забывали меня. Хорошая взаимная память о друзьях лечит жизненные раны. Пр. Виктор Кушкин. 20 августа 1935 г.»

Виктор Александрович Кушкин с женой Ольгой Сергеевной (крайняя справа) и сыновьями, страшим Игорем и младшим Аркадием.

Веся Иванова Шмакова, дочь певчей Казанской церкви Нины Александровны Шмаковой, г. Карпинск:

Игорь Кушкин, старший сын Виктора Александровича Кушкина, недолго, что-то около года, работал мастером в механическом цехе № 6 Рудоремонтного завода, а брат его Аркадий – механиком в цехе № 7. Я была знакома с Игорем Кушкиным, потому что в конце 1950-х работала с ним в одном цехе, закрывала наряды и насчитывала зарплату.

Виктора Александровича знала по рассказам моей мамы, которая пела в церкви, а он был у них регентом.

Однажды я встретила с ним и его женой Ольгой Сергеевной в кинотеатре, мы даже сидели рядом. Виктор Александрович приветливо поздоровался со мной и улыбнулся, Ольга Сергеевна держалась строго. Тогда я увидела, что их сын Игорь был вылитый портрет своего отца.

Потом Игорь уехал в Свердловск, женился. Еще однажды мы случайно встретились с ним и его женой, когда они приезжали в Карпинск. Потом они уехали, куда, я не знаю.

Правый клирос

Виктор Николаевич Прутов:

После Виктора Александровича Кушкина, когда он умер, регентом стала Мария Степановна Рожкова, иногда заменяла её Любовь Федоровна Ляшко, еще Раиса Александровна, работавшая в конторе «Вахрушевугля», приходила, и она иногда руководила правым хором.

После Марии Степановны регентовал Борис Гаврилович Недошивин, он жил на Волчанке. Приезжал Петр Васильевич Каменев, бас, тоже с Волчанки, с 4-го разреза. Любил громко запеть, нет-нет, да закричит, а они его одергивают: Тише, ты!.. Но он хорошо помогал хору своим басом.

Петр Васильевич Каменев (в центре) со священниками отцом Василием Козловым (слева) и настоятелем отцом Михаилом Воронцовым возле Казанской церкви, 1958 г.

Хор пел нотное «Покаяния», «Свете тихий», «Ныне отпускаеши», «Единородный Сыне», на Литии красивые длинного распева «Господи, помилуй!» и потом тихонько сорок и пятьдесят раз: «Господи, помилуй!».

Люди, что приезжали с поселков или кому домой возвращаться было далеко, чтобы на следующий день идти на литургию, оставались ночевать у многих прихожан, что жили неподалеку от церкви, и к Антонине Яковлевне Надёжиной, которая одно время была старостой, тоже приходили. У нее в доме на Советской в нижнем этаже широченные завалины были, как большие лавки, на них она и стелила им спать.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Мы с мужем Николаем Ефимовичем приехали в Карпинск после войны в 1946 году. Стали в церковь ходить.

Я сначала стояла у двери у самого притвора, подпевала потихонечку. Валенки у меня не было, а были туфли с каблуками и резиновые сапоги – вся моя обувь. Приходила в церковь после работы, уставала. Возьму, сниму обувь, мне кто-нибудь подаст половичок под ноги, чтобы я не озябла.

Николай уже на клиросе пел, у него был красивый баритон, у Петра с Волчанки – бас, еще Борис Гаврилович с ними пел тенором, потом он регентом стал, тоже с Волчанки приезжал. Воинков псаломщиком был.

Так я стояла в храме, а через год Мария Степановна Рожкова, она при Викторе Александровиче Кушкине иногда оставалась за регента, поставила меня на клирос.

Пела я с Ниной Александровной Шмаковой, мы два дисконта были. У Нины Александровны очень красивый дисконт, ну и я пела громко. Зоя Агафонова и Шура

Панёва, Марфа - вторые голоса и с ними матушка Варвара отца Бориса пела. Еще Дюльдина Анастасия. У нее был второй альт. Такой низкий природный голос, что она легко пела третью партию.

На левом клиросе из мужчин пели Ефим Димитрич Гилев - тенор и Иван Федорович Кузьминых - бас.

Спевки проводились только под большие праздники. Пели все разное: несколько мелодий «Херувимских», несколько «Милости мира», «Отче наш» кроме обиходной, еще и «птичку».

Пели антифонно на два клироса. Большой хор: «Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем», второй подхватывает: «Блаженны

нищи духом, яко тех есть Царство Небесное», за ними мы: «Блаженны плачущии...» и так попеременно до конца. И Херувимскую так пели: «И-же хе-рууви-и-мы».

Левый продолжает сначала пониже «Тай-но!», и второй раз повыше «Тай-но!» и затихая: «О-обра-зу-ю-ще». И в праздники, и в воскресенье так и пели. Хорошо было и радостно.

На левом клиросе пели Бажина Таисия, Мария Ивановна – альтом, Лиза Истомина, Ефим Димитрич, Иван Федорович Кузьминых, иногда с ними пела матушка Мария Воронцова.

Николай Ефимович и Татьяна Константиновна Любогощинские, 1950-е

Певчие правого клироса в день престольного праздника
Казанской иконы Божией Матери 4 ноября 1955 года

Слева направо:

Регент Виктор Александрович Кушкин,
Зоя Васильевна Агафонова,
Мария Николаевна Попова,
Нина Александровна Шмакова,
Мария Степановна Рожкова,
Любовь Федоровна Ляшко,
Евдокия Андреевна Виноградова,
Николай Ефимович Любогощинский,
Матушка Варвара Макаровна Цыпышева,
Анастасия Ивановна Дюльдина,
Александр Федорович Воинков.

← **Клир и певчие Казанской церкви 4 ноября 1955 г.
в праздник Казанской иконы Божией Матери**

1-й ряд: Андрей Иванович Виноградов,
Матушка Мария Александровна Воронцова,
Протоиерей Михаил Воронцов,
Протоиерей Борис Цыпышев,
Псаломщик Виктор Александрович Кушкин,
Рожкова Мария Степановна,
Попова Мария Николаевна;

2-й ряд: Анна Максимовна,
Мелехина Феодосия Стратоновна,
Ольга Сергеевна Кушкина,
Матушка Варвара Макаровна Цыпышева,
Дюльдина Анастасия Ивановна,
Шмакова Нина Александровна,
Виноградова Евдокия Андреевна,
Ляшко Любовь Федоровна,
Агафонова Зоя Васильевна;

3-й ряд: Тарасов Иван Петрович,
Любогощинский Николай Ефимович,
Любогощинская Татьяна Константиновна,
Воинков Александр Федорович.

Интересно, что большинство женщин-певчих на
фотографиях без платков.

В семейном архиве Нины Александровны Шмаковой сохранилось две фотографии церковного хора Введенского Богословского собора начала XX века

На первой фотографии (стр. 43), сделанной около 1908 г., слева от священника стоит юная Анастасия Ивановна (Дементьева) Дюльдина (а крайний справа в верхнем ряду, в шляпе, её отец – Иван Петрович Дементьев). Все девушки и девочки церковного хора без головных уборов.

В хоре пели три брата Шмаковых: Александр Григорьевич – регент (сидит крайний справа во 2-м ряду), Иван Григорьевич (третий слева в 1-м ряду) и Арсений Григорьевич (второй справа в 1-м ряду).

⬅ На второй фотографии (стр. 42), снимок ок. 1912 года, кроме Анастасии Ивановны (четвертая справа), её подруга - еще одна будущая певчая Казанской церкви – Нина Александровна (Неверова) Шмакова (четвертая слева). Как видим, и здесь все девушки без платков.

То, что непривычно для нас в конце XX – начале XXI века было обыденным и общепринятым для городского населения России того времени.

«В императорской России платки надевали на голову только крестьянки в деревнях, а в городах дамы приходили в храм обычно в шляпах или с непокрытой головой. Девочки, подростки и барышни вообще никогда платков на голову не надевали... Что хорошо видно на фотографиях тех лет».(Воспоминания об архиепископе Иоанне Шанхайском Владимира Рэна, 20 февр 2010 г.)

Нина Александровна Шмакова

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Нина Александровна красивая была, всегда такая светленькая, чистенькая, опрятная, голос никогда не повышала. Когда меня поставили петь на клирос, я стояла рядышком с ней, и она мне говорила: «Ты прислушивайся».

С другой стороны от Нины Александровны стояли Мария Попова, дальше Шура (Александра Васильевна Панёва) и Зоя (Зоя Васильевна Агафонова). Шура с Зоей родными сестрами были.

Нина Александровна любила порядок, во время пения она всегда ногой отбивала такт. Голос у нее был милостивый, дискант исключительный. Если кто-то чем-то возмущался, она умела как-то всех умиротворить. Зоя, бывало, вскипятится, завозмущается, а Нина Александровна скажет ей, вроде, твердо, строго, и в то же время с сочувствием: «Успокойся, успокойся...». Глядишь, все уладилось. Хоть бы раз она на кого-нибудь голос повысила – никогда такого не было, а жизнь-то она какую прожила!

Биографическая справка:

Нина Александровна Шмакова, урожденная Неверова, родилась в 1894 году в Надеждинске, день ангела 30 декабря по ст/ст – память св. мц. Анисьи, так как при рождении была названа Анисьей, но имя ей это не нравилось, и она называла себя Ниной. Рано осталась без матери. Когда отец с детьми

переехал в Богословский завод, то лет с тринадцати Нина стала петь в хоре Введенского собора, где познакомилась со своим будущим мужем Иваном Григорьевичем Шмаковым.

Иван Григорьевич и Нина Александровна обвенчались во Введенском соборе в 1913 году 22 сентября по ст/ст.

До рождения своих детей Шмаковы взяли новорожденного мальчика умершей в больнице при родах женщины - Ваню Меньшенина, но ребенок заболел и скоро умер. 11 октября 1915 года родился сын Иван,

умерший через 11 дней. В 1917 году родился сын Александр, умерший через год. В 1919 и 1922 родились дочь Вера и сын Константин. В феврале 1923 родилась дочь Вевея (первая), умершая в январе 1924 года. В 1924 и 1927 родились дочери Зоя и Галина.

В 1928 году от туберкулеза умерла сестра Ивана Григорьевича – Инна Калиничиева, в 1921 году похоронившая мужа Павла. Остались сиротами дети Надежда (1919), Людмила (1920 г.р.), Владимир (1921), в возрасте от 7 до 9 лет, которых Нина Александровна и Иван Григорьевич Шмаковы взяли к себе в семью. В 194? году в возрасте немногим более 20 умирает приемная дочь Людмила.

В 1929 и 1935 у Шмаковых родились дочь Вевея (вторая) и сын Вадим.

В ноябре 1941 года у Нины Александровны от туберкулеза скончался муж, а в июне-июле 1942 года один за другим от менингита умерли дети Вадя, 6-ти лет и Галя, 14-ти лет.

В 1943 забирают на фронт сына Костю, а в 1944-ом на него приходит похоронка.

К своим пятидесяти годам, Нина Александровна похоронила двоих из четырех приемных детей, пять из девяти родных детей, мужа и, на последнего из сыновей, Костю получила похоронное извещение.

Зоя Константиновна Богданова, внучка:

Когда в 1944 году на Костю пришла похоронка, бабушка не могла смириться с известием о смерти сына.

Она сожгла похоронку и буквально вымолила его у Бога - через двенадцать лет после плена и Магаданских лагерей он вернулся домой.

Но на этом страдания бабушки не закончились. В 1949 году у нее умерла 24-летняя дочь Зоя, оставив ей 2-летнего

больного сына Вадима, и вся дальнейшая жизнь бабушки была связана с заботой об этом ребенке.

Дочь Нины Александровны – Зоя

Бабушка была глубоко верующим человеком, и только вера в Бога помогла ей вынести все, что выпало на ее долю.

Вевея Ивановна Шмакова, дочь:

Когда в 1944-м открылась Казанская церковь, мама пошла туда петь, и сколько-то денег ей там платили. У мамы был дискант, и она имела лучшую партию.

В детстве, еще до революции, когда однажды приезжал в Богословск Архиерей, он возил ее в Надеждинск на какой-то праздник, говоря: «Она – соловей! У меня нет в хоре такого голоса».

Мама была грамотная, с детства пела в церкви. Отец, так же, как и мама, в детстве пел в церковном хоре Введенского собора, где регентом был его старший брат Александр Григорьевич Шмаков. После революции папа в церковь не ходил. Он не был коммунистом, но, работая бухгалтером в Богословском Лесничестве, и разрешая маме держать в доме иконы, был против того, чтобы она водила в церковь детей. Ему хотелось, чтобы мы росли современными людьми. Но мама все равно брала нас с собой на службы. Я помню, что шла с неохотой. А вот сестра Вера, та верующая была. Она, хотя это запрещалось в советское время, тем не менее, ходила в церковь и даже венчалась там со своим мужем. Когда Вера слегла, то говорила: «Меня никто и не помянет». Я ей пообещала, что буду ходить, и с тех пор приходила в церковь каждое воскресенье ставить свечи и поминать всех своих родных. Скоро на работе узнали, меня вызвали, угрожая увольнением, «чистили», но держали.

Нина Александровна с дочерью Верой и внуком Анатолием

Парторг говорил мне: «Если будешь в церковь ходить, мы тебя уволим». А начальник планового отдела, где я работала, Евгений Васильевич Маковский, заступался, возражал парторгу, что никто меня не уволит, и что у меня не голова, а дом советов, ведь я работала точно и без ошибок. И еще не один раз мне напоминали, что у меня мать ходит в церковь, на что я отвечала: «Я своей матери в этом не возражаю и запретить ей не могу, не имею права».

Мама умерла в Успенский пост 22 августа 1973 года.

Дня за два до смерти ее парализовало, и она лежала без сознания. Когда она умерла, то к нам пришли на ночь читать над гробом псалтырь женщины-прихожанки. Отпевали маму в церкви, и из нашего дома на улице Свободы гроб несли в Казанскую на руках. Один мужчина, сосед, несший гроб, не менялся, сказал, что такую добрую женщину он может нести хоть всю жизнь.

Внук Вадим

Вадим учился в школе до четвертого класса, но с арифметикой не справлялся, и потому учебу пришлось ему оставить. Тем не менее, он много читал и в детстве, и став взрослым. Когда однажды ему попали в руки мемуары Георгия Константиновича Жукова, он часами сидел над ними, конспектируя их. Со своей тетей Вевеей часто ходил в библиотеку и, обладая отличной памятью, многое прочитанное запоминал наизусть.

У Вадима была добрая душа. Если он видел на улице бабушку, несущую тяжелую сумку, то обязательно предлагал свою помощь, а когда его чем-нибудь угощали, то ничего не брал, говоря: «Спасибо, я дома кушаю». Помогал соседям, когда те просили его сделать тяжелую и грязную работу. Он просто не мог не помочь людям. Подростком часто приезжал на Веселовку к семье дяди Константина Ивановича Шмакова. Катал по поселку своих маленьких двоюродных сестер Галю, Зою и Надю в «карете», в больших санках с высокой выгнутой металлической ручкой.

Но больше всего он любил бродить. То придет на покос к дяде Косте, то и вовсе - уедет в Воронеж, то отправится к родственникам на Украину, то в Сибирь. Ко всей родне съездил. Мог просто пойти в магазин за хлебом и вдруг уезжал. Шел на вокзал, садился в товарный поезд, и машинисты брали с собой этого крепкого симпатичного парня, потому что уже его знали. В дороге он им помогал, кидая уголь в топку. Как-то раз ему даже подарили шинель и фуражку машиниста. Шинель та потом долго висела у нас в сенках на гвозде, а в доме лежала книжечка с расписанием поездов. Когда паровозы и тепловозы заменили электровозами, на пассажирские поезда его стали брать проводники, там он мыл полы в вагонах и разносил чай.

Однажды на вокзале кто-то сказал ему поставить под колесо вагона башмак. Что в точности произошло, никто не знает. Только его увезли в Краснотурьинск с раздавленной стопой, где раздробленные кости сложили, но началось нагноение раны, и ему отняли ногу до колена. Врач хотела ампутировать ногу выше, но тетя Вевея на это согласия не дала, сказав: «Режьте, но только до колена». Врач с раздражением выговорила Вевею: «Вы ничего не соображаете в медицине». Но она стояла на своем, понимая, что сложностей с протезом будет намного больше, если ногу отнимут выше. И, слава Богу, всё обошлось. А Вадим и с одной ногой не сидел на месте, копал и полол огород, носил воду и топил печку.

Пока Нина Александровна была жива, она все время следила, чтобы внук не убежал. Но как уследить? С утра она готовит обед на кухне и из дома ни ногой, потому что понимает, что если только выйдет хотя бы на минутку в огород, внука и след простынет.

Вадя лежит в комнате на полу и читает книгу, потом начинает посматривать то на часы-ходики, то на бабушку и, наконец, говорит:

- Так!

Делает паузу и с расстановкой, с ровной интонацией в голосе объявляет:

- Московское время четырнадцать часов.

Нина Александровна молчит.

- Мне уже надо идти, - еще пока нерешительно произносит Вадим

- Никуда ты не пойдешь!

- Мне идти надо! – настойчиво произносит Вадим, но вдруг берет, уже отложенную книгу, и продолжает её читать.

Вроде, успокоился. И у Нины Александровны отлегло от сердца. Только день прошел, второй – и все! Нет Вади...

И опять Нина Александровна посылает дочь в милицию, где Вевея Ивановна просит сделать запросы во все концы страны. То выяснится, что он уехал в Нальчик, и тогда она едет, чтобы забрать его из больницы, то из монастыря придет письмо, что он у них, пришлите денег на обратную дорогу, то чуть живой, грязный и больной явится Вадя к Зое, двоюродной сестре, в Кандалакшу. Он даже к родственникам соседей ездил, стоило только ему увидеть у них на столе конверт с адресом.

После смерти бабушки за Вадимом приглядывала тетя Вея. Последнее время уже на протезе он больше ездил по церквям и монастырям. И в тот раз на свой день рождения Вадя ехал в Верхотурье к Симеону праведному.

То ли его ссадили с электрички, то ли еще какие-то обстоятельства возникли, но почему-то он шел по путям, а дело было зимой в январе 2002 года, и по сторонам от железнодорожного полотна высоко лежал расчищенный снег. Так что, когда пошел поезд, Вадя не смог отойти на

безопасное расстояние от путей, и его затянуло и протащило составом.

Из Верхней Туры сообщили о происшествии в Карпинск, и последний привет тети Вее от Вадима принес постучавший в квартиру милиционер.

8 января 1947 года на Святых днях Рождества Христова Вадим родился и на Рождество Христово 2002 года отошел ко Господу.

Зоя Константиновна Богданова, внучка:

Моя бабушка, Нина Александровна Шмакова, с самого детства, еще с тех лет, когда они вместе пели во Введенском соборе, дружила с Анастасией Ивановной Дюльдиной.

Их связывала молитвенная дружба и та тяжелая доля, которая им обоим выпала. После войны они ходили на службу в церковь, где также вместе, как когда-то давно, еще в детстве, теперь они пели уже в Казанской. На Вербное воскресенье бабушка с бабой Назей, так называли близкие Анастасию Ивановну, приезжала к нам на Веселовку за вербой. Анастасия Ивановна рано лишилась мужа, в войну получила похоронку на сына, но, так же, как моя бабушка, не потеряла веру, молилась Богу о своих близких и умерла через четыре года после моей бабушки.

Нина Александровна Шмакова (слева) и Анастасия Ивановна Дюльдина, певчие Казанской церкви, 1960-е

Анастасия Ивановна Дюльдина

Куштанова Людмила Ювенальевна, внучка:

Моя бабушка, Дюльдина Анастасия Ивановна, певчая хора Казанской церкви, родилась в 1890 году 14 декабря по старому стилю в Богословском горном округе в семье Ивана Петровича Дементьева и Екатерины Павловны, урожденной Уфимцевой. В семье их было пятеро детей. Кроме Анастасии, сестры Варвара и Агния и братья Андрей и Михаил. Отец, Иван Петрович Дементьев, учился в Ирбите, после чего работал в Богословске на медеплавильном заводе. Мать рано умерла.

Семья Дементьевых. Сидят Иван Петрович и старшая дочь

Варвара, умершая в возрасте восемнадцати лет, после которой за хозяйку в доме осталась Анастасия (в центре)

Будучи верующими людьми, родители Анастасии ходили в храм, где Иван Петрович пел в хоре, и вместе с ним лет с десяти пела и дочка Назя. В церковном хоре она познакомилась, подружилась с Ниной Неверовой (в замужестве Ниной Александровной Шмаковой, которая, так же, как и бабушка, сначала пела в соборе, а после того, как собор закрыли, в хоре Казанской церкви). Бабушка закончила гимназию.

В 1921 году вышла замуж за сына купца третьей гильдии Вениамина Павловича Дюльдина и жила в доме вместе с родителями мужа. У Вениамина и Насти родилось трое детей: в 1923 – Вадим, он погиб во время Великой Отечественной войны 15 декабря 1942 года; в 1925 – Ювеналий и в 1928 – дочь Ариадна.

В 1933 году бабушкиного мужа арестовали и приговорили к 10 годам лагерей, где он умер 18 ноября 1942 года.

Бабушка пела в Казанской церкви и иногда брала с собой и нас, внуков. Мы сидели с правой стороны, где стояли певчие, слушали хор и гордились тем, что бабушка красиво поет.

Анастасия Ивановна жила с семьей сына Ювеналия, работавшего сначала в Энергоуправлении, затем на Электромашиностроительном заводе. Когда отец стал строить дом для своей семьи, то бабушка попросила его, чтобы он построился поближе к церкви. По просьбе матери отец выбрал место для дома на Первомайской

улице рядом с Казанской, так что бабушке было совсем близко ходить в церковь на службы.

В начале 1970-х годов бабушку парализовало, но через год, благодаря заботе о ней близких она встала на ноги и прожила еще пять лет. А 28 августа 1977 года на улице Мира возле городского музея ее старшего любимого внука Вадима сбила насмерть машина, и бабушка слегла. Больше она не встала и 17 сентября 1977 года умерла. Перед смертью к бабушке приходил священник, отец Михаил Воронцов, и мы слышали, как он пел и молился в комнате бабушки. Сын бабушки, мой отец, Ювеналий Вениаминович, бывший в то время начальником цеха на Эльмаше, не посмотрел на то, что тогда не приветствовалось все, что касается церкви, и привез к нам домой священника.

Отпевали бабушку в церкви.

С семьей Дюльдиных, как рассказала внучка Анны Павловны (Дюльдиной) Павловой, **Вероника Алексеевна Прилецкая**, связано строительство дома во дворе Казанской церкви.

Двухэтажный на восемь окон дом Дюльдиных стоял рядом с домом Сопковых на главной улице Богословского завода, рядом с Введенским собором.

Павел Михайлович Дюльдин возле дома. Начало XX века

В свое время Павел Михайлович Дюльдин купил этот дом, достроил и разместил в пристроенной части магазин с высоким крыльцом и отдельным парадным входом, торговал рыбой, привозимой с Оби, зерном, промышленными товарами. Во дворе дома стояли большие амбары.

В 1923 году Павел Михайлович умер, в 1933 арестовали сына, и к началу войны жена Павла Михайловича, Васса Петровна, сначала сдала пристрой в наем под книжный магазин, затем, во время войны в правой жилой части дома расположилась, снимая площади, контора машзавода. А в конце Великой Отечественной войны, когда в Казанской церкви возобновились службы, и встал вопрос о необходимости строительства дома для причта, Дюльдины помогли церкви со строительным материалом.

Дочь и внучка Павла Михайловича и Вассы Дюльдиных – Анна Павловна Павлова (Дюльдина) и ее дочь Нина Семеновна Павлова, имевшие права собственности на дом родителей по адресу Советская, 6, и будучи прихожанками Казанской церкви, разобрали амбары и отдали строительный материал в церковь.

Из этого материала в 1945 году во дворе церкви был построен (фундамент – деревянные стулья) двухэтажный дом общей площадью 78 кв. метров. Он получил адрес Первомайская, 61. После постройки в 1970-х годах пятиэтажного дома на месте, где находилось старое церковное кладбище, новый многоквартирный дом получил адрес Первомайская, 61, а церковный дом стал числиться под номером 61 «а». В 1959 году рубленые стены дома снаружи поштукатурили и побелили.

**Двухэтажный дом для церковного причта, стоящий на территории Казанской церкви по адресу: улица Первомайская, 61.
Фото вверху 1950-х годов, внизу - после 1959 года**

В семейном архиве Александра Федоровича Воинкова сохранились фотографии владыки Товии (Остроумова) во время его приезда в Карпинск для посещения паствы Казанской церкви пимерно в 1945-1946 годах. На своей фотографии Александр Федорович подписал, что рядом с владыкой Товией (Остроумовым) (возглавлявшим Свердловскую и Челябинскую епархию с декабря 1944 по март 1957 гг.) сидит (справа) протоиерей Дмитрий Фесвитянинов (с февраля 1945 г. благочинный церковью 3-го округа). Слева протоиерей Николай Адриановский (секретарь епархии, с 1943 по 1946 гг.).

Еще один священник на этой фотографии, второй справа, не известен, но можно предположить, что это настоятель Казанской церкви. С 1944 по 1946 гг. настоятелем Казанской церкви Карпинска, по данным прот. Валерия Лавринова, являлся отец Макарий Филистеев.

На другом снимке того же события, где со священством запечатлены еще и несколько прихожанок, стоящую крайней слева женщину, узнала через семьдесят лет после данного события внучка певчей Казанской церкви Анастасии Ивановны Дюльдиной – Людмила Вениаминовна Куштанова.

Удивительно, как иной раз, находится информация о людях, запечатленных на старых фотографиях.

Выяснилось, что это - Нина Семеновна Павлова, дочь Анны Павловны (Дюльдиной) Павловой. То есть, одна из тех Павловых, что разобрали свои амбары и отдали материал в церковь для строительства дома. А девочка в центре кадра – ее дочь Вероника.

Дочь другой нашей прихожанки, бухгалтера Казанской церкви Александры Ивановны (Исаковой) Киселевой, Тамара Семеновна (Киселева) Першина, узнала в двух женщинах справа свих родственниц - мать и дочь Клюкиных.

Крайняя справа - Александра Федоровна (Клюкина) Исакова – жена её родного дяди, Ивана Ивановича Исакова. Вторая слева – мать Александры Федоровны, Анастасия Клюкина.

Коренные жительницы Богословска, Клюкины были отличнымистряпухами. Их приглашали стряпать на свадьбы и готовить обеды, когда приезжали владыки.

Отец Макарий Филистеев¹

¹ Материал о протоиерее Макарии Филистееве добавлен в 2021 году, когда волею случая нашлись родственники батюшки, служившего в Казанской церкви в период с 1944 по 1946 год. Огромная благодарность родным, поделившимся с нами этими уникальными свидетельствами жизни батюшки.

Протоиерей Макарий Петрович Филистеев

Внучка отца Макария Филистеева, Евгения Николаевна Бородулина, выйдя на пенсию, смогла собрать документы, касающиеся жизни её деда. Благо, что постсоветское время позволяло это сделать. Она обращалась с запросами в Екатеринбургскую епархию, ей помогал священник храма г. В. Пышмы, где жила Евгения Николаевна. Наконец, были получены копии справок, рапортов и других бумаг, подтверждающих, а часто и открывающих заново для потомков отца Макария, биографические факты его жизни как священника, служившего в Русской Православной Церкви в самые трагические годы XX века.

Документы из семейного архива предоставлены родственниками Протоиерея Макария Петровича Филистеева.

Евгения Николаевна Бородулина:

Макарий Петрович (1882 – 1946 гг.) из крестьянской семьи, стал священником.

Матушка Александра Александровна (1889 – 1974 гг.) из купеческой семьи, была вынуждена скрывать свое происхождение.

В годы репрессий отцу Макарию и матушке Александре в ноябре 1928 года пришлось расторгнуть брак и жить отдельно только для того, чтобы уберечь семью, детей. Желая спасти своих близких от гонений, отец Макарий жил отдельно. Он приходил навестить жену и детей ночью, и также ночью уходил.

Протоиерей Макарий не был репрессирован, но власти не давали ему служить на одном месте, постоянно лишая регистрации, и он вынужден был писать прошения в Московскую Патриархию о переводе на другое (очередное) место служения. Патриархия шла навстречу

священнослужителям, перемещая их, хотя и сама находилась под дамокловым мечем властей.

Отец Макарий служил в церквях на Урале, в Казахстане (в Казалинске), Туркмении (в Ашхабаде), Узбекистане (в Самарканде) и снова на Урале. В семью приходил только ночью, также ночью и уходил из дома.

Александра Александровна была большой души человек. Маленькая, сухонькая, она безропотно переносила все тяготы жизни, воспитывала шестерых детей (два мальчика умерли в детстве) и внуков.

Во время Великой Отечественной войны все три их сына воевали, защищали страну. Один сын, Анатолий, погиб, второй, Семен, был тяжело ранен, а третий сын Николай и внук Владимир стали кадровыми военными офицерами.

В сентябре 1943 года И.В. Сталиным было принято решение освободить из ссылок священнослужителей, восстановить духовное образование, открыть приходы и монастыри.

Протоиерей Макарий был направлен Московской Патриархией в город Карпинск восстанавливать церковную жизнь, служить в церкви.

Умер в городе Карпинске 16 февраля 1946 года от паралича сердца в возрасте 64-х лет.

Могила протоиерея Макария не сохранилась, так как на месте захоронений построены многоэтажные дома.

Среди документов есть автобиография Макара Петровича Филистеева, датированная 1923-м годом.

Возможно, этот текст он сам напечатал на пишущей машинке, и мы читаем его на пожелтевшем и истершемся на сгибах от долго хранения в сложенном виде, листке.

Автобиография Филистеева Макара Петровича

«Родился в 1882 году в крестьянской семье в деревне Бор Камышловского уезда. Работать в хозяйстве отца начал с 8 лет, учиться с 10 лет и на 13-ом году окончил начальное училище.

В 13-14 лет я начал работать за взрослого: пахал, рубил дрова, ездил в лес по сено, дрова и т.п.

Желая получить какое-нибудь образование, я решил пятнадцати лет уйти от отца, что и сделал летом 1897 года. Работая и служа на мелких должностях около города Ирбита и в самом городе в течение 6-7 месяцев, я ничего не мог сделать для своего образования. А потому решился учиться какому-нибудь ремеслу.

В конце 1898 мне удалось поступить в переплетную мастерскую города Верхотурья, где я с перерывами работал около двух с половиной лет и за последнее время был мастером.

Макар Петрович Филистеев

Около полутора лет жил и работал в разных городах России.

В 1902 году я вернулся домой, где был призван к воинской повинности. По болезни уха в солдаты взят не был, а зачислен рядником ополчения. С осени 1903 года

опять служил то в переплетных, то писцом и готовился на звание учителя.

В 1904 году при Екатеринбургской мужской гимназии выдержал испытание на звание учителя начальных училищ, но поступить учителем не удалось.

В 1906 г. в г. Уфе выдержал экзамен на звание учителя 2-х классных школ (**прим.** – включавших 4 года обучения) и с 1906 по 1912 г. был учителем земских училищ Уфимского земства.

До 1917 г. после окончания счетоводных курсов Побединского служил в торговых фирмах в разных городах Сибири оптовиком, бухгалтером и т.д.

В 1918 году был учителем вечерних классов для взрослых.

Как до революции, так и после революции активных выступлений чисто политического характера как «за», так и «против» советской власти не делал, вообще старался быть в стороне, т.к. имея семейство в 9 человек, боялся репрессий, следствием чего могло быть голодание семьи.

В 1919 году при отступлении Колчаковских войск с Урала был в Камышлове мобилизован на нестроевую должность и в течение 3-х месяцев служил писарем в 27 полку, а затем заболел тифом.

По выздоровлении поступил счетоводом бухгалтером на Омскую ж.д. на военно-заготовительный пункт (5 армии Красных войск), где пробыл до 23(?) мая 1920 г.

Уволившись из армии, я приехал домой, пробыл две недели и затем, как не имея средств к существованию, я уехал в Тюмень, где и поступил в Тюменский Губсохз инструктором кооперации и работал до 1 июня 1922 г.

Дома в деревне Чупиной, где у меня живет семейство, весной 1922 года, сделав посев на своей пашне, я снова поступил инструктором в Екатеринбургский Губсохз, при Камышловской конторе.

**Александра Александровна
Филистева, жена Макара
Петровича Филистева**

Летом 1923 года я поступил через Центросоюз инструктором в Екатеринбургский ЦРК.

В партии никакой не состоял и не состою. В газетах, журналах, комиссиях вне служебных обязанностей не участвовал.

Инструктор-статистик ЦРК /М.Филистеев/»

Неизвестны обстоятельства, так резко изменившие всё в жизни семьи Филистеевых, и подвигнувшие Макара Петровича, оставив светскую работу и мирскую должность, встать на крестный путь служения Богу.

К 1925 году почти восемь лет, прошедших после революции уже не оставляли иллюзий в том, как относится новая власть к Православной Церкви и к верующим.

В 1918-1919 гг. на территории Екатеринбургской епархии претерпели мученическую смерть не менее 45 клириков. Арестам подверглись 25 священников, и около 50 священников скрывались от преследования.

В декабре 1920 г. был упразднен епархиальный совет. По всей стране началась национализация монастырских хозяйств.² В 1922-м развернулась компания по изъятию церковных ценностей.

19 марта 1922 г. в связи с сопротивлением верующих разорению церквей в г. Шуе В.И. Ленин писал: "...исключительно благоприятный момент, когда мы можем разбить неприятеля на голову. Когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы должны провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше."³

Советская власть, осознав невозможность быстрой ликвидации Церкви, взяла курс на медленное, но верное разложение её изнутри. Обновленческий раскол, возникший в 1922 году, надломил единство Русской Православной Церкви. Обновленческая церковь задумывалась ГПУ как единственная законная в СССР и противопоставлялась патриаршей⁴

² Новая и новейшая история епархии Екатеринбург-епархия.ру

³ Протоиерей Владислав Цыпин. Истории Русской Православной Церкви. Синодальный и новейшие периоды (1700-2005гг.) azbyka.ru

⁴ Протоиерей Валерий Лавринов. Обновленческий раскол в Екатеринбургской (Свердловской) епархии в годы Великой Отечественной войны.

<http://os.x-pdf.ru/20istoriya>

В 1925 году, в связи с кончиной святейшего патриарха Тихона, положение церковного управления усложнилось. Поскольку 7 апреля 1925 г. власть перешла к местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Петру (Полянскому), а после его ареста 10 декабря 1925 года, к заместителю местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), то встал вопрос о легитимности.

Воспользовавшись ситуацией, власти спровоцировали еще один раскол (Григорианский), в котором та часть епископов, духовенства и мирян, которые поддержали зарегистрированный в январе 1926 года Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), стали называться «григорианами».⁵

В таких обстоятельствах Макарий Петрович принимает священный сан и становится священником.

О.Макарий с матушкой и сыном

⁵ М.С. Бессонов, М.Э. Бураев. От приписной до приходской. Карпинск, 2014. С.28-30

Ставленная грамота⁶

Божиею милостию
Смиренный Серафим, епископ Ялуторовский,
викарий Тобольской епархии

По благодати, дару и власти Всесвятого и живоначального Духа, данной нам от самого великаго Архиерея, Господа нашего Иисуса Христа, через святых и священных Его Апостолы, и их наместники и приемники благоговейнаго сего мужа учителя Макария Петрова Филистиева всяким первее опасным истязанием и прилежно испытавшее и достоверными свидетельствы, наипаче духовного его отца протоиерея града Ялуторовскаго Сретенского собора отца, Алексия Виноградова, о нем уверевшагося, по обычаю и чину святых Апостольские Восточныя Церкви, благословением и рукоположением нашим, содействующу томужде животворящему и всесовершающему Святому Духу, посветили мы во иерея ко храму с. Липовскаго Рождества Христова.

Восьмого июня по старому стилю тысяча девятьсот двадцать пятого года отец Макарий был рукоположен в священный сан.

⁶ Ставленная грамота – документ, выдаваемый епископом священнослужителю, в удостоверение действительности и правильности его рукоположения, с указанием его степени и принадлежащих ему прав.

Служение протоиерея Макария Филистеева

8/21–VI 1925 г. Епископом Ялutorовским Серафимом рукоположен в сан диакона. Через неделю 15–VI 1925 г. рукоположен в сан священника ко Христорожд. церкви Липовского села Туринского уезда, но служить пришлось в с. Никольском при св. Никольской церкви.

С 05.04.1925 Серафим (Коровин) Епископ Ялutorовский, викарий Тобольский. Скончался в 1932 г. в ссылке.⁷

21/III 1926 г. Епископом Стефаном назначен к Никольской церкви с. Б. Камыш Ирбитского уезда.

С 12.09.1924 Стефан (Знамировский) Епископ Шадринский, викарий Свердловской. С 1926 по 29.09. 1927 епископ Свердловский. 18.03.1942 г. расстрелян.⁸

15/VII 1927 г. перемещен Епископом Аркадием в с. Ляпуновское того же уезда к Сретенской церкви.

Аркадий (Ершов) Епископ Кунгурский. С ноября 1931 – управлял Свердловской епархией. Через две недели сослан в Казахстан. В 1937 г. расстрелян.⁹

В конце 1929 г. перешел в Туркестанскую епархию.

28/XII 1929 г. назначен Митрополитом Никандром в г. Казалинск к Богородицкой церкви.

1927–1933 Никандр (Феноменов) митрополит Ташкентский. Скончался в Ташкенте в 1933 г.¹⁰

⁷ azbyka.ru

⁸ drevo-info.ru

⁹ azbyka.ru

¹⁰ martirologvyatka.ortox.ru

15/І 1930 г. перемещен настоятелем в Никольскую церковь г. Ашхабада.

2/У 1933г. перемещен настоятелем к Георгиевскому молельному дому в г. Самарканд.

С 17 июня 1936 по 28 декабря 1937 о. Макарий состоял за штатом.

С 29/ХІІ 1937 г. по благословению Блаженнейшего Митрополита Сергия утвержден священником Спасской церкви с. Елизавет Свердловской епархии.

17/VI 1938 по резолюции Его Блаженства возведен в сан протоиерея (справка № 473 от 17/VI 1938 г.)

Апрель 1939 г. Его блаженству Патриаршему Местоблюстителю Сергию Митрополиту Московскому и Коломенскому

От протоиерея Спасской церкви
с. Елизавет Свердловской обл.
Макария Филистеева

Рапорт

При Спасской церкви я прослужил 14 мес. Вследствие плохо отапливаемой церкви, а также по суровости климата вообще, я несколько раз болел сильно простудой. Болезнь моя еще осложнилась от разных скорбных переживаний в связи с вызовом меня по случаю предполагаемого закрытия церкви.

По совету и настоянию врачей 10/III я выехал для поправки здоровья в теплый климат, в Ашхабад. Пробыв всего только три недели в Ср. Азии, я настолько поправился, что 5/IV приехал уже в Свердловск.

В мое отсутствие церковный совет, не зная, когда я вернусь, вынужден был пригласить на мое место иеромонаха Никандра Шумилова, который теперь и служит.

Фактически освободившись от своей должности, я все-таки считаю нравственным долгом еще послужить церкви, насколько хватит сил.

Настоящим прошу Вас, ваше Блаженство, отчислить меня от занимаемой при Спасской церкви должности и временно оставить в распоряжении Патриархии впредь до получения места.

Не могу ли я через канцелярию узнать, где есть свободные места в городах России, на Северн. Кавказе и Ср. Азии?

Прошу святых молитв и благословения
протоиерей Макарий Филистеев.

20/IV 1939 Справка Московской Патриархии № 228: согласно прошению с сего числа увольняется за штат. В священнослужении не запрещен.

25/V 1939 Митрополитом Московским и Коломенским Сергием, согласно прошению, назначен священником к кладбищенской Успенской церкви города Балашова.

Получив назначение, отец Макарий поехал в г. Балашов.

Из рапорта Митрополиту Сергию (Страгородскому)
от протоиерея Макария Филистеева

10/VI я лично докладывал Вашему Высокопреосвященству о своих злоключениях в г. Балашове.

Из Москвы, подав заявление в Главное Управление Милиции, вернулся обратно в Балашов и прожил там до 25/VI, ожидая решения органов. 25/VI опять был вызван, где получил “предложение” выехать на родину, где я, якобы, должен получить паспорт. Дома живу уже месяц, а паспорта все еще не получил. Полагаю, что из Балашова его и не послали сюда.

Очевидно, придется получать паспорт из милиции на общем основании как утерявший его.

Относительно регистрации в Балашове пока питать надежду нельзя. Все силы направлены к закрытию (регистрации).

Прилагаю при сем справку церковного совета Успенской церкви (Балашова). Прошу освободить меня от назначения и дать право подыскивать себе место здесь на Урале, поскольку мне не удалось устроиться в центре России.

25/VI-1939 г. Справка дана отцу протоиерею Филистееву М.П. в том, что в виду отказа в регистрации горсоветом г. Балашова, мы считаем его свободным от обязательств (в

отношении) нашего прихода, что удостоверяю подписью и приложением печати.

Председатель церковного совета А.Касимовский.

В 1934г. возобновляются массовое закрытие церквей, аресты, заключение в лагеря и тюрьмы, высылки и ссылки священнослужителей и деятельных прихожан. Места ссылок и лагерей переполняются незаконно репрессированными за веру.

После арестов 1934-1935 гг. епископат поредел настолько, что с 1935 года Митрополит Сергей вынужден был управлять епархиями Русской Церкви с помощью викарного епископа Дмитровского Сергея (Воскресенского) и канцелярии, в штат которой входили один секретарь и одна машинистка.¹¹

Во всей Свердловской области к началу Великой Отечественной войны на свободе оставалось не более двух десятков зарегистрированных священнослужителей.

Церковные общины, обремененные постоянными нападкамии властей, старались сохранить богослужение.

Благочинных не имелось, поэтому митрополит Сергей (Страгородский) лично поддерживал связь непосредственно с приходскими советами.¹²

¹¹ Протоиерей Владислав Цыпин. Истории Русской Православной Церкви. Синодальный и новейшие периоды (1700-2005гг.) azbyka.ru

¹² Новая и новейшая история епархии Ekaterinburg-eparhia.ru/hstory

Справка

Церковный совет настоящим удостоверяет, что здесь на месте в связи с требованием рабочих и, частью, колхозников, отобрать от общины церковь или закрыть ее, создалось критическое положение. Особенно опасность угрожает Отцу Протоиерею, а посему ему О. Филистееву церковный совет, давая справку предлагает обратиться о сем с рапортом к Его Блаженству, прося разъяснить, как далее поступать.

Председатель церковного совета Савина
Члены Стукова, Подгорбуная

Запись отца Макария на обложке своей Псалтири.

На 30/ХІІ ст/ст видел во сне М. Арс. в митре ... цвета. Он заставил меня служить литургию, причем, я должен был читать Апостол, но не знаю какой. Спрашиваю его: какой? Он говорит: к Филиписеям. И я проснулся. Утром прочитал указанный Апостол. Вижу, что он утвердил меня в вере.

Вечером опять сон. Нахожусь на доске... на краю глуб колодца... должен упасть и разбиться ...боясь двигаться, кричу, пошлите Николая и поднимайте осторожно меня, а то разобьюсь...но избежал беды.

Заканчивается запись словами: Снам верить нельзя. И я не верю, а записал только, как подтверждение, что сны пугают во время болезни.

Что переживал о. Макарий на протяжении многих лет гонений от властей, притеснений от раскольников?

Из жития Антония Великого известно, что перенеся тяжкие страдания от бесов, Антоний Великий, увидев Господа, воскликнул: где Ты был, милосердный Иисусе? На что Господь отвечал ему: Я всегда был рядом с тобой, только желал видеть твое мужество.

Примерно так.

“Не предаждь зверем душу исповедающуюся тебе”, - подчеркнуты отцом Макарием слова в его Псалтири.

28/X 1939 г.

Его Блаженству Блаженнейшему Сергию Митрополиту Московскому и Коломенскому

Церковный совет Свято-Духовской церкви доводит до сведения Вашего Блаженства, что священника Кусова Василия Ивановича сняли с регистрации. Совет просит Ваше Блаженство благословить, назначить протоиерея Филистеева Макария Петровича настоятелем в нашу церковь. Просим ваших святых молитв и благословения.

Председатель ц.с. Плясунова
Секретарь Петрова

5/XI 1939 г.

Его Блаженству Блаженнейшему Сергию Митрополиту Московскому и Коломенскому

От протоиерея
Макария Филистеева

Прошение

Согласно просьбе Св. Духовской общины, что на Ивановском кладбище, облисполком зарегистрировал меня с 1/XI сего года священником при Св. Духовской церкви; а посему настоящим прошу меня благословить и утвердить священником при указанной церкви.

13/XI 1939г. согласно прошению церковного совета Свято-Духовской церкви на Ивановском кладбище г. Свердловска Митрополитом Московским и Коломенским Сергием протоиерей Макарий Филистеев назначен настоятелем Свято-Духовской церкви.

В 1918-1944 гг. на территории Екатеринбургской епархии были репрессированы не менее 340 священнослужителей, из них расстреляны 148 человек. После 1938 года на Урале не осталось ни одного епископа, уцелевшие священники переходили на гражданскую работу.

В 1930 г. в епархии было закрыто не мене 100 церквей, в Свердловске осталось только 2 кладбищенские церкви:

Иоанно-Предтеченская (григорианская «митрополита» Григория (Яцковского)) на Ивановском кладбище и

Всехсвятская (обновленческая «митрополита» Сергия (Корнеева)) на Михайловском кладбище.

Патриарших приходов в Свердловске не было.

В 1932 г. Свердловскую епархию возглавил архиеп. Софроний (Арефьев). Архиерею удалось получить в пользование левый подвал Иоанно-Предтеченской кладбищенской церкви, где был устроен престол в честь Сошествия Св. Духа на апостолов.¹³

Вот почему в письме церковного совета Свято-Духовской церкви к митрополиту Сергию (Страгородскому) с болью сообщается, что они молятся в маленьком убогом храме - церковь находится в подвале Ивановского храма.

9/1 1940 г. Письмо от церковного совета Свято-Духовской церкви г. Свердловска Его Блаженству

¹³ Новая и новейшая история епархии Ekaterinburg-eparhia.ru/history

Блаженнейшему Сергию Митрополиту Московскому и Коломенскому

Ваше Блаженство!

По воле Божией мы молимся в нашем маленьком убогом храме. Служит у нас О. протоиерей Макарий Петрович Филистеев. К своим пастырским обязанностям О. протоиерей относится усердно и с благоговением; нужды верующих исполняет аккуратно, но самое главное заслуживает внимание то, что он вступил на служение в нашем храме в трудное для нас время. Другие отцы, кто из малодушия и боязни, кто по другим житейским обстоятельствам, не хотят нести свой пастырский долг.

О. протоиерей не устранился вступить на этот тернистый путь. А потому в знак глубокой признательности за его самоотверженный подвиг и для дальнейшего его поощрения община усердно просит Ваше Блаженство наградить О. протоиерея палицею к дню его Ангела, имеющего быть 19 января с/с¹⁴ сего года.

Предыдущие награды были даны ему: наперсный крест в 1933 году и протоиерейство два года назад.

Просим Вашего Святительскаго благословения и Ваших святых молитв.

Предс. Церк. Сов. Плясунова

Секретарь ц.с. Петрова

Члены общины Свято-Дух. Кафедр. Собора: Вяткина, Субботин, Федоров, Лобанова, Петрова, Иванова, Галашева, П. Сафонов, Земнов, Орлова, Брусницын и другие.

2/II 1940 г. согласно прошению церковного совета и общины Свято-Духовской церкви г. Свердловска Митрополитом Московским и Коломенским Сергием протоиерей Макарий Филистеев награжден палицею.

¹⁴ 1 февраля по новому стилю, день памяти прп. Макария Великого.

Июль 1940(?) г. Его Блаженству Патриаршему
Заместителю Блаженнейшему Сергию Митрополиту
Московскому и Коломенскому

От протоиерея
Макария Филистеева

Рапорт

В течении 9 мес. регистрация и прописка моя в Свердловске проходила беспрепятственно. 17/VII неожиданно был вызван в обл. милицию, где меня с прописки сняли и взяли подписку из города выехать в 24 часа, что я и выполнил. Аналогично поступили и с другими 3-мя священниками. Причину выставляют: «нетрудовой элемент должен оставить город в виду квартирного кризиса».

Во всем городе служит один священник григорианец прот. Андриановский.

Сообщая о сем, прошу Ваше Блаженство не оставить меня в будущем, если потребуется Св. Церкви мое служение.

Григорианский прот. Андриановский принимает «участие» в нашем храме, а именно, ему хочется устроить опять прот. Кусова Василия, с которого в феврале с/г Вами снят сан, и таким образом, храм наш превратить в григорианский. Он уверяет, что Кусов будет милицией прописан. Это для церковных советов нашего течения является большим искушением, так как желание продолжения служения в храме заставляет идти слабых в вере на различные сделки с совестью. Я разъясняю и противодействую означенным деяниям Кусова и Андриановского и думаю, что успех не будут иметь означенные лица.

Прошу вашего благословения. Недостойный протоиерей М. Филистеев.

Адрес: г. Свердловск, Гл. почта, до востребования.

К началу Великой Отечественной войны в Свердловской области имелось 9 обновленческих приходов, ими управлял благочинный «протопресвитер» Дмитрий Фесвитянинов.

Последним действующим приходом (в Свердловске перед войной) оставалась, принадлежавшая григорианам Иоанно-Предтеченская церковь, община которой во главе с настоятелем прот. Николаем Адриановским воссоединилась с церковью в конце 1941 – нач. 1942 г.

Зимой 1941-1942 г. настоятель церкви прот. Николай Адриановский принес покаяние митр. Сергию (Страгородскому), и был назначен управляющим каноническими приходами на территории Свердловской области.

7 сентября 1943 г. была восстановлена Свердловская епархия. Управляющим был назначен архиеп. Варлаам (Пикалов) с титулом Свердловский и Челябинский. Вскоре архиерей был арестован. В декабре 1944 года епархию возглавил епископ Товия (Остроумов),

В военные годы свердловское духовенство и миряне (как православные, так и обновленцы) внесли немалый вклад в дело защиты Родины. Первыми перечислили средства на «сооружение самолетов» управляющий (уже) сергиевскими приходами прот. Николай Адриановский и управляющий обновленческими приходами «протопресвитер» Дмитрий Фесвитянинов, за что получили личную благодарность от И.В. Сталина. В 1946 г. епископ Товия, протоиереи Николай

Адриановский и Дмитрий Фесвитянинов за патриотическую деятельность были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»¹⁵.

В январе-феврале 1945 г. вернулись в Патриаршую Церковь главные оплоты обновленчества на Урале – свято-Троицкая церковь Ирбита Михаило-Архангельская церковь Кушвы. Настоятели протопресвитеры Александр Амосов и Дмитрий Фесвитянинов были приняты в сане протоиерея и остались в прежней должности.¹⁶

В 1945 г. протоиерей Дмитрий Фесвитянинов был принят епископом Свердловским Товией в общение с Патриаршей Церковью и назначен благочинным 3-го округа.¹⁷ А в 1946 г. назначен секретарем Свердловской и Челябинской епархией и членом Епархиального совета.

Когда по этому поводу зароптало духовенство, епископ Свердловский Тovia, сказал, что Фесвитянинов был хорошим организатором у обновленцев, будет хорошим организатором и у нас.¹⁸

¹⁵ Новая и новейшая история епархии [Ekaterinburg-eparhia.ru/history](http://ekaterinburg-eparhia.ru/history)

¹⁶ Протоиерей Валерий Лавринов. Обновленческий раскол в Екатеринбургской (Свердловской) епархии в годы Великой Отечественной войны.

<http://os.x-pdf.ru/20istoriya>

¹⁷ Православная газета, № 7(41) 1996 г. Екатеринбург. www.orthodox-newspaper.ru

¹⁸ Протоиерей Валерий Лавринов. Обновленческий раскол в Екатеринбургской (Свердловской) епархии в годы Великой Отечественной войны.

<http://os.x-pdf.ru/20istoriya>

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко»

Последнее место служения протоиерея Макария Филистеева

В 1944 г. от верующих Свердловской области поступило 93 ходатайства об открытии церквей, из них было удовлетворено четыре.¹⁹

Староста Казанской церкви г. Карпинска Александра Дмитриевна Исакова была одной из тех прихожан храмов Свердловской области, что ходатайствовали об открытии своих церквей. Она ездила во время войны в Свердловск, и можно предполагать, что благодаря ее стараниям после пяти-шести лет с момента ареста в октябре 1937 г. священников обновленцев Филарета Словоцова и Олимпа Попова, а в июне 1938 г. свящ., также обновленца Алексея Муромцева, приход, наконец, вернулся в Патриаршую Церковь. Приехал в 1944 году настоятелем в Казанскую отец Макарий Филистеев, и службы возобновились.

Воспоминания, связанные с 1943-1946 годами **Любови Дмитриевны Гальшевой**.

Любовь Дмитриевна рассказывала, что в 1943 году её ребенком привезли в детский дом в Карпинск, и она с подружками бегала играть на кладбище у церкви. К ним подходил батюшка.

«Батюшка, - как она вспоминает, - не очень старый, красивый, как звали, не помню, учил нас, что надо перекреститься, войдя в церковь. Когда мы появлялись на церковном дворе, он встречал нас словами: «Ну, что, соколята?» (Может, не «соколята», а «воробьята» или «галчата», или «голубчата»), но это было какое-то ласковое

¹⁹ Протоиерей Валерий Лавринов. Обновленческий раскол в Екатеринбургской (Свердловской) епархии в годы Великой Отечественной войны.

<http://os.x-pdf/ru/20istoriya>

«птичье» имя). Спрашивал: «Как живете?» Мы говорили: «Хорошо живем!» Как нас учили, так мы и говорили.

Батюшка знал нас детдомовских, выносил нам просфорки и еще, политые чем-то вкусным, кусочки белой булочки, которые мы называли «сладкие кусочки» ».

В 1947 году детский дом переехал в другое здание, ближе к Введенскому собору, и на кладбище у Казанской девочки уже не бегали.

В 1945 году Казанский приход посетил епископ Свердловский Товия. Его сопровождали секретарь епархии протоиерей Николай Адриановский и благочинный протоиерей Дмитрий Фесвитянинов.

В первом ряду слева направо **прот. Николай Адриановский, епископ Товия, прот. Дмитрий Фесвитянинов и настоятель Казанского храма г. Карпинска отец протоиерей Макарий Филестеев.**

Отец Макарий и прот. Дмитрий Фесвятянинов – почти ровесники, один 1882, другой 1881 года рождения.

Прот. Дмитрий Фесвятянинов прожил 96 лет и умер 7 ноября 1977 года.

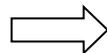
Прот. Николай Адриановский (1895-1957) прожил 62 года. Погребен на Ивановском кладбище г. Екатеринбурга близ могилы арх. Григория (Яцковского), скончавшегося вне общения с православной церковью в 1932 году.²⁰

Отец Макарий умер в праздник Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа²¹, в день памяти Симеона Богоприимца.

В этот день, когда Православная Церковь празднует Сретение Господне, в Иерусалимском храме более двух тысяч лет назад святой праведный Симеон взял Богомладенца Иисуса Христа на руки и пророчески изрек:

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоих Израиля».

Протоиерей Макарий Петрович Филистеев
1 февраля²² 1882 – 16 февраля 1946 года

²⁰ drevo-info.ru

²¹ Отдание праздника Сретения 22 февраля

²² 1 февраля по новому стилю день Ангела отца Макария

Матушка Александра Филистеева прожила 86 лет и умерла в г. Пышме в 1974 году.

Дети отца Макария и матушки Александры:

Юлия (1908 – 1978) жила в В.Пышме, работала бухгалтером, директором рынка;

Людмила (1911 – 1998) жила в г. Талице, работала бухгалтером;

Анатолий (1913-1944) лейтенант, убит на войне;

Елена (1919 – 2002) жила в г. В. Пышме, бухгалтер;

Николай (1921-1963) капитан 1-го ранга, фронтовик;

Семен (1915 – 1975) жил в г. В. Пышме, фронтовик, адвокат;

Иоанн (сент. 1925 – май 1926) умер в младенчестве;

Виктор (окт. – апр. после 1926 г.) умер в детстве.

Потомки отца Макария ныне живут в Верхней Пышме, Талице, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Владимире, в Подмоскowie и Германии.

**Матушка Александра Филистеева с детьми и внуками
1950-е годы**

Акафист св. праведному Симеону Верхотурскому с записями, сделанными отцом Макарием.

На последних страницах акафиста записано стихотворение Св. праведный Симеон

Святой праведный Симеон

По утру, слыша церковный звон,
Блаженный отрок Симеон
Спешил молиться в Божий дом.
Здесь духом в небо неся он.

В храме на Спаса взирая,
Руки своя к нему простирая,
Пламенную молитву творил,
Усердно он Бога просил:

Спасителю мой, укажи мне
Путь, имже достигну Тебе.
Дела земные страшны мне,
Я вижу только смуты в стране.

Ведь недавно заморили в тюрьме
Патриарха Гермогена, это знают везде.
Меня что-то гнетет и куда-то зовет,
Где же найду душевный покой?
И всею душою был я Твой!
Был ему ответ: Сибирь тебя спасет.

Годы идут, отрок юношей стал,
Смело диавола стрелы он отражал,
Богатства и славу он попирал,
Путь простоты себе он избрал.

Исполняя заветы Христа,
Он оставил мать и отца,
Надел коты и кафтан,
И с того время юродом он стал.

Нищий, с сумой за плечами,
Шел он днем и ночами.
Грады и веси минуя,
Небесного града взыскаю,
Глухой Сибири достиг,
Где решил он по гласу жить.

На извилистой речке Туре
В небольшом Меркушине селе
Навсегда здесь поселился
И духом, как младенец веселился,
Что обрел покой души,
Что избежал он суеты.

Усердно храм посещая,
Этим пример подавая,
Мирян к Богу влеча,
Божью закону уча,
Учил брата прощать,
Венчанием брак освящать,
Нищему помощь подать,
В нужде всем помогать.

Сам же даром одежду он шил
И молитвам домашних учил,
Пример любви всем подавал,
Ко спасению всех призывал.

Души Христу уловлял,
От грехов их очищал.
Любил на берег реки удаляться,
Рыбной ловле там предаваться.

Сядет под елью на камень,
На воду взор его направлен,
Думы в небо вперял,
Окружающей тишине он внимал.

Вечер, солнце закатом играя,
Красным отсветом все заливая,
Толпу вогулов освещает.
Среди них с поднятою рукой
Вдохновенно о Боге вещает
Обещая Небесный им покой.

Подвиг юродства средь мира нес,
Труд апостольства на себя беря,
Симеон, сил своих не щадя,
Часто от злых воду бесчестия пил,
Мало в грешном мире пожил.

Но многое в жизни совершив,
К кончине праведных подошел.
Тайны Святыя пред нею приняв,
И так из мира сего он ушел,
Чистым пред Бога представ.

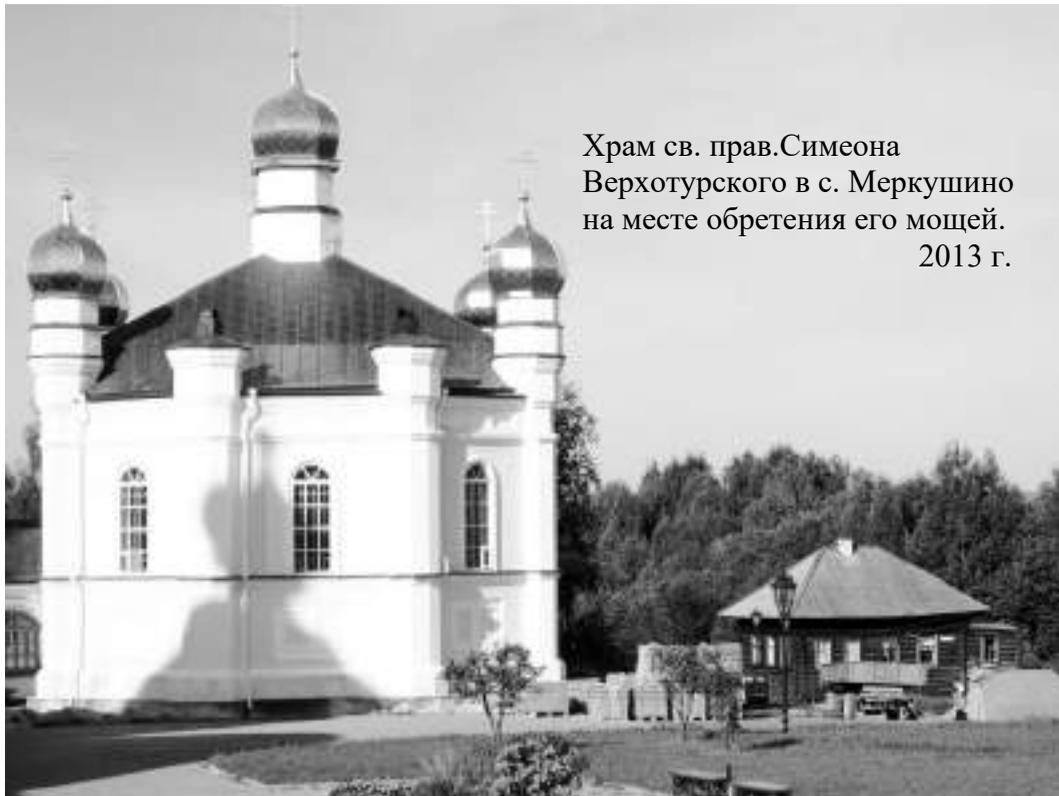
Бедные нищие слезы лили,
Прихожане храма молитву несли,
Притч потребное все совершили,
И так праведника тело похоронили.

Но любовь и добро не гниет,
Разложиться телу она не дает.
Проходит длинных полвека,
Земля гроб наверх отдает.

Кто слышал это от века,
Мощи святого наверх выходят!
Многие чудеса стали твориться
И многие шли сюда молиться.
Митрополит Сибирский мощи открыл,
Всем верным
Чтоб из источника сего всяк пил.

**На фото священник храма Симеона
Верхотурского в с. Меркушино
2013 г.**

Храм св. прав.Симеона
Верхотурского в с. Меркушино
на месте обретения его мощей.
2013 г.

Верхотурский Свято-Николаевский монастырь.
Здесь почивают мощи св. прав. Симеона Верхотурского,
Г. Верхотурье, 2014 г.

Богословский завод, 2000-е гг.

Где похоронен Протоиерей Макарий Филისტеев?

С ноября 1919 года кладбище возле Казанской церкви в документах ЗАГСа именовалось как Богословское кладбище и действовало оно по декабрь 1938 года.

С 1939 и до начала 1950-х годов захоронения производились на следующем кладбище - в лесу, на территории (нынешнего парка и возле него), примерно ограниченной улицами Мира и Некрасова, Лесопильной и продолжением ул. Куйбышева. На этом же кладбище хоронили солдат, умерших от ран в эвакуационных госпиталях, через которые с осени 1941 до марта 1942 г. прошло около трехсот раненых бойцов Красной Армии.

Надо сказать, что земля, в которой покоятся все умершие жители Богословска (Карпинска), начиная с января 1939 и до 1950-х, эта земля практически не была потревожена, хотя сохранилось совсем немного могил с крестами, и даже с оградкой и с табличками.

Вид на старое кладбище в сторону улицы Некрасова

Умершие в госпиталях солдаты были похоронены примерно на том месте, где стоит памятник им. Это конец 1941 – начало 1942 гг. Могилы же умерших жителей Карпинска с 1944 г. и до конца – 1949 находятся в сохранившейся лесной части парка. Там же, по всей вероятности, и был похоронен отец Макарий.

То есть, примерно, в середине парка под старыми соснами.

Вид на кладбище 1939-1950-х годов с ул. Лесопильной.

В центре снимка памятник, воинам, умершим в 1941-1942 годах, на дальнем плане лес с захоронениями, примерно с 1944 до начала 1950-х гг.

Мария Степановна Рожкова

Мария Степановна Рожкова жила в Верхнем Уфалее Челябинской области, где у нее 20 декабря 1919 года родился сын, названный непривычным для слуха современного человека редким именем – Ерминингельд. Выбор имени всегда не случаен, а тем более, когда выбирают христианское имя своему ребенку верующие родители. Подвижник православной веры, святой человек, именем которого нарекают родители своё дитя, становится его небесным покровителем. Если открыть святцы, то среди православных святых, упоминаемых в месяцеслове, мы увидим святого с именем Ерминингельд.

Святой мученик Ерминингельд, царевич Готфский, будучи христианином, уклонившимся, как и отец в арианскую ересь, вернулся к православию. Отец его, царь Лувингильд, арианин, ни лаской, ни угрозами не мог заставить сына вернуться к прежней вере и приказал (в 586 году) казнить его. Твердость царевича в вере и мужество его перед смертью заставили царя раскаяться в содеянном, и со временем, стойкость сына и верность его Христу даже до смерти, изменили отца, и он как царь содействовал утверждению православия в своей стране.

Каким был сын Марии Степановны Рожковой? Скромный человек, по отзывам знавших его людей, он доблестно воевал на Великой Отечественной войне. Его героизм был отмечен Орденом Боевого Красного Знамени и орденом Красной Звезды. После войны он работал сначала в Энер-гоуправлении, а с 1960 г. на Карпинском Электромашиностроительном заводе. С 1971 г. по 1980 г. – директор завода.

**Мария Степановна Рожкова с иереем Стефаном
Булдаковым и диаконом Гавриилом Чесноковым, 1953 г.
Казанская церковь, г. Карпинск**

За свою трудовую деятельность сын Марии Степановны, Евгений Константинович Рожков (те, кто знал его, называли его Евгением), был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета.

Интересно, что сын Анастасии Ивановны Дюльдиной (певчей Казанской церкви), Ювеналий Вениаминович, и сын Марии Степановны Рожковой (певчей и регента хора Казанской церкви), Евгений Константинович, вместе работали и в Энергоуправлении, и на Эльмаше, вместе отдыхали и рыбачили.

Виктор Николаевич Прутов:

Мария Степановна Рожкова, регент, и Любовь Федоровна, подменный регент, руководили хором, который доходил до двадцати человек, а ведь еще и левый хор пел. Когда Петр Каменев с Волчанки приезжал на праздники или Великим Постом, особенно красиво пели нотное «На реках вавилонских» и «Покаяния». Обязательно пользовались камертоном. Они, и Мария Степановна, и Любовь Федоровна учились до революции в женской гимназии, где их учили сольфеджио.

Мария Степановна со своими певчими Н.А. Шмаковой, А.И. Дюльдиной и З.В. Агафоновой

**Похороны Невониной Матрены Илларионовны, апрель 1957 г., Казанская церковь г. Карпинска
В первом ряду певчие: Анастасия Ивановна Дюльдина и Мария Степановна Рожкова, за ними – Мария Николаевна Попова и Зоя Васильевна Агафонова**

Зоя Васильевна (Воложенинова) Агафонова

По воспоминаниям **Маргариты Семеновны Воложениновой**, родственницы Зои Васильевны, во многих Богословских семьях до революции было не принято, чтобы жены и дочери работали. Не работала и Зоя Васильевна.

Она вышла замуж, мужа звали Иван, но рано овдовела, и детей не было. Жила по Республике, дом 19.

С 1930-х годов и почти до самой войны Зоя пела на клиросе в Казанской церкви, до того дня, когда службы на время прекратились, в связи с арестом последних священников, отца Олимпа Попова и отца Фила-рета Словцова. Но, как только службы возобновились, Зоя Васильевна вернулась в церковный хор.

Зоя Васильевна, слева, с сестрой Шурой (?) и Кушкиными о. Виктором и Ольгой Сергеевной, 1930-е гг.

Рассказывают, что когда Зою Васильевну приглашали в гости, и, собравшись за столом, вся родня пела, она запевала так красиво, что люди на улице останавливались, слушая доносившийся из открытых окон голос, и позже, при встрече, у хозяйки спрашивали, кто это пел?

Зоя Васильевна родилась в семье Василия Ивановича и Анисьи Григорьевны Воложениновых, у которых было восемь детей, из них Зоя – самая старшая. За ней шла сестра Шура, с которой они с молодых лет и до самой старости пели в церковном хоре. Братья Степан и Александр воевали. Степан ушел добровольцем на Финскую войну и погиб, он был хороший лыжник и поэтому его призвали в лыжный батальон. Александр воевал во время Великой Отечественной войны, имел ордена и медали. Старший из братьев, Иван Васильевич Воложенинов, 1904 г.р., с тринадцати лет пошел работать. За доблестный труд на угольном разрезе был награжден Звездой героя Социалистического труда, став первым героем Социалистического труда на Северном Урале, двумя орденами Ленина, а до этого, в 1939 году Калинин вручил ему медаль «За трудовую доблесть». Сестра Капиталина служила капитаном в органах НКВД, курировала в военные годы Карпинский Машиностроительный завод. Еще были сестра Клавдия, работала связисткой, и брат Федор.

Маргарита Семеновна Воложенинова:

Мой свёкор Иван Васильевич Воложенинов и его сестра Зоя Васильевна рассказывали, что в конце 1920-х годов началось разорение Введенского собора, были направлены люди в храм. Одни из окон первого и второго этажа выбрасывали иконы, а другие внизу их пешней били и раскалывали. Через дорогу от Собора стояли жители Богословска и не просто плакали – рыдали в голос.

Тетя Зоя знала, что в соборе всё будут громить, её об этом предупредил знакомый (как раз, именно тот человек, который и возглавлял эти действия). Она пришла и, когда иконы выкидывали в окна, успевала какие-то из них подбирать и, пряча в юбке, уносить вниз под горку. Ночью

её брат Иван Васильевич Воложенинов перенес иконы к себе в дом и спрятал. Несколько лет иконы сохранялись в доме. Они, конечно, не стояли на виду, потому, что хозяин был коммунистом. Но все же, эти святые образа тетя Зоя и Иван Васильевич спасли, и Иван Васильевич отнес их в Казанскую церковь, когда после войны маленькая церковь стала работать.

**Зоя Васильевна Агафонова и (слева направо):
регенты Виктор Александрович Кушкин и Борис
Гаврилович Недошивин, дьякон Борис Костромин,
протоиерей Василий Козлов. У Казанской церкви
4 ноября 1958 года**

Александра Васильевна Панёва

Биографическая справка:

Александра Васильевна (Воложенинова) Панёва родилась в Богословском заводе в семье Василия Ивановича и Анисьи Григорьевны (Лапкиной) Воложениновых 6 мая 1899 года в день памяти мученицы царицы Александры, пострадавшей в 303 году в Римской

империи. (Скорее всего, что дата - 6 мая, это не день рождения, а день Ангела Александры Васильевны, которая, как и все православные христиане в дореволюционной России, отмечала не день своего рождения, а день памяти

Сестры Зоя Васильевна и Александра Васильевна

своей святой покровительницы, в данном случае - мученицы Александры). Кстати будет сказать, что на правом клиросе Казанской церкви на иконостасе размещается большая икона мученицы Александры, императрицы Римской, перед которой многие годы стояла на службах и пела Александра Васильевна.

В 1923 году Александра Васильевна вышла замуж за Панёва Алексея Петровича. Муж был старше её на двадцать лет. Родились дети:

Надежда 22.06.1924 г.р., Вера 6.11.1926 г.р., Анатолий 29.11.1929 г.р.

В 1930-х годах Панёвых раскулачили, отобрали лошадь, а в 1937 г. мужа арестовали и посадили в тюрьму, но жена и родные стали писать Калинин, и Алексея Петровича освободили. В начале войны, в возрасте шестидесяти с лишним лет, он неудачно спрыгнул с лошади, заболел и умер 16 (15) февраля 1942 года.

Александра Васильевна работала телефонисткой на Угольных копях. При Колчаке, как она говорила, стояли телефонистки под прицелом и страху натерпелись, когда им, угрожая оружием, не разрешали звонить, соединять, кого бы то ни было, и, вообще, трогать аппаратуру.

В советское время она продолжала работать телефонисткой на разрезе. Родилось четверо внуков: Татьяна и Анатолий у дочери Надежды; Людмила у дочери Веры и Любовь у сына Анатолия. Пока внуки были маленькие, водила их в Казанскую церковь на причастие.

Александра Васильевна много лет (и до и после войны) пела в хоре Казанской церкви.

В 1965 году у неё умерла дочь Вера в возрасте тридцати восьми лет. Осталась сиротой пятнадцатилетняя внучка Люда, и Александра Васильевна стала жить вместе с внучкой. Сначала бабушка помогала встать Людмиле на ноги, потом Людмила ухаживала за

Дочь Вера

бабушкой до самой ее смерти. Года с 1975 Александра Васильевна из дома в виду болезни не выходила, и потому больше не могла бывать в церкви. Умерла Успенским постом 26 августа 1979 года от кровоизлияния в мозг.

Певчие дружили между собой, ходили и, если это было в Краснотурьинске, ездили друг к другу в гости. На день Ангела из Волчанска приезжал поздравить Нину Александровну регент Борис Гаврилович.

В дни церковных праздников у настоятеля Казанской, отца Михаила и матушки Марии Воронцовых собирались певчие, члены церковного актива. Батюшку с матушкой приглашали к себе и прихожане.

Во дворе церкви стоят (слева направо): Мария Степановна Рожкова, матушка Мария и отец Михаил Воронцовы, Борис Гаврилович Недошивин.

Сидят: Анастасия Ивановна Дюльдина, за ней – Нина Александровна Шмакова, сестры Зоя Васильевна Агафонова и Александра Васильевна Панева, Любовь Федоровна Ляшко и Попова Мария Николаевна. 1950-е гг.

Воспоминания старых прихожан неожиданно открывают для нас бытовую картину жизни мирян и священников Казанской церкви тех далеких лет. Отец Спиридон любил романс «Накинув плащ, с гитарой под полою», и часто его пел с Татьяной Константиновной Любогощинской. Отец Михаил ходил на рыбалку, и любил посидеть на берегу Турьи, хотя не был искусным рыбаком. Про Анастасию Ивановну вспоминают, что она была веселая и, вообще, «хохотушка», а Нина Александровна – серьезная и любила посмотреть по телевизору фильм или постановку. Дружная компания певчих правого клироса, состоящая из Анастасии Дюльдиной, Любви Федоровны Ляшко, сестер Зои и Шуры, во главе с регентом Борисом Гавриловичем, активно участвовала в самодеятельности.

У Людмилы Владимировны Шапкиной, внучки Александры Васильевны Панёвой, сохранились две фотографии певчих в цветастых сарафанах, на одной из которых - момент выступления их коллектива на празднике в клубе строителей с Любовью Федоровной Ляшко в качестве солистки.

На другой фотографии, в составе самодеятельного коллектива, видим Бориса Гавриловича Недошивина (сидит в центре), Александру Васильевну Паневу (крайняя слева во втором ряду), Зою Васильевну Агафонову и Анастасию Ивановну Дюльдину (стоят справа налево в третьем ряду) и Любовь Федоровну Ляшко (сидит крайняя справа)

Александр Федорович Воинков

Биографическая справка:

Александр Федорович родился 11 (10) августа по н/ст 1913 (2) года в деревне Любино, в семи километрах от села Байкалово Ирбитского уезда.

В 1931 году, после того, как у Воинковых отобрали в коммуну молотилку и весь скот, отец завербовался на работу в Надеждинск.

С родителями, двумя братьями и двумя сестрами Александр Федорович переехал в Надеждинск, где с октября 1931 г. работал в столе найма Metallургического завода. Затем сменил место работы.

В ноябре 1937 переехал в Богословск, где до 1939 года работал заведующим магазином, а затем торговым инспектором «Леспродторга».

**Александр
Федорович
Воинков, 1950-е
годы**

Женился на Марии Горбуновой. Но прожили они недолго - сначала умер их маленький сын, а вслед за ним заболела туберкулезом и умерла жена Мария.

Больше десяти лет оставался вдовцом, живя сначала за речкой, потом в доме на улице Белинского вдвоем с мамой, Олимпиадой (в документах Алимпиадой) Евплавной, переехавшей в Карпинск в 1943 году после смерти мужа Федора Алексеевича, и ставшей, так же как и сын, постоянной прихожанкой Казанской церкви.

Олимпиада Евплавна Воинкова

С июля 1940 г. по сентябрь 1944 г. работал в должности руководителя группы технаба треста «Богословуголь».

В 1959 году Александр Федорович женился на Лидии Ивановне Строгановой. Родилось трое детей: в 1960-м Сергей, в 1962-м Иван, в 1964-м Анна.

Александр Федорович Воинков с женой Лидией (справа)

Лидия была постоянной прихожанкой Казанской церкви и пела на левом клиросе.

А.Ф. Воинков состоял в церковной двадцатке, был старостой, председателем ревизионной комиссии. Много по тем временам фотографировал, сохранив в своем семейном архиве большое количество фотографий, в том числе и фотографии священников, служивших в Казанском приходе. Имея хороший голос (баритон) и слух, Александр Федорович пел и читал на клиросе.

**С настоятелем Казанской церкви протоиереем
Михаилом Воронцовым, конец 1960-х гг.**

Незадолго до смерти А.Ф. Воинков принял монашество с именем Александр в память святого благоверного князя Александра Невского. Умер 13 августа 2006 г.

**Отец Михаил и матушка Мария Воронцовы с Сережей
Воинковым, ок. 1967 года**

Сергей Борисович Еремеев:

Примерно в 1940-1943 году, когда в Казанской церкви не было священника, - рассказывал мне Александр Федорович Воинков. - С церкви сняли колокола и увезли на переплавку в Центральные механические мастерские треста «Богословуголь» (с апреля 1943 г Рудоремонтный завод).

А.Ф. Воинков договорился с начальником технического снабжения треста «Богословуголь» Петром Тихоновичем Антоновым, под началом которого он

работал, о возможности вызволения колоколов. Петр Тихонович, приезжий, глубоко верующий человек, бывший одно время даже алтарником при епископе, распорядился спрятать от постороннего глаза церковные колокола, завалив их разным металлоломом. Далее события развивались примерно следующим образом. Приход обратился к руководству завода с просьбой о покупке металлолома на свои нужды. Заплатили немалую сумму - собранные прихожанами семнадцать тысяч рублей, и, прикрытые жестяными желобами, кусками ржавого железа, колокола увезли обратно в церковь.

Надо ли говорить о том, насколько серьезно рисковали и начальник техснаба Антонов, и его подчиненный, руководитель группы техснаба Воинков, вывозя с территории предприятия ценный для промышленности металл колоколов под видом металлической рухляди.

На каждом заводе имелся представитель органов НКВД, и нетрудно представить, что грозило этим людям, если бы уполномоченный проверил вывозимый в телеге на лошадке, якобы, металлолом.

Меньше, чем, через год в Казанскую церковь был назначен священник, возобновились богослужения, и на какое-то время колокола вновь зазвучали, призывая верующих людей на молитву.

**Те самые, спасенные А.Ф. Воинковым,
колокола Казанской церкви**

Иконостас Казанской церкви, украшенный на Троицу

Празднично украшенный алтарь Казанской церкви, 1960-е

Виктор Николаевич Прутов:

Церковные службы шли долго, каноны Воскресный, Крестовоскресный, Богородице и Празднику, читали на двенадцать. На клиросе командовал Александр Федорович Воинков.

- Канон бы поменьше читать, - говорил отец Михаил Воинкову.

- Как положено по уставу, так и читаем, отвечал ему Александр Федорович.

Первый час начинали читать с «Милость и суд воспою тебе, Господи...», опуская первые два псалма. Возможно, что это было связано с тем, что городские власти регламентировали время богослужений: вечерняя служба, к примеру, могла продолжаться не дольше двух часов, а раз на чтение канонов уходило больше времени, значит, первый час приходилось сокращать.

Народу ходило очень много. Приезжали из Волчанска, Краснотурьинска, Ауэрбаха, Североуральска.

На службе с владыкой Климентом, справа алтарник В. Прутов

Старушки ночевали в сторожке, в крестилке, уходили домой к прихожанам. На богослужениях пели два хора, тогда и я, если был свободен от пономарства, пел с ними.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

По приезду в Карпинск мы с моим мужем Николаем первым делом пошли в церковь. Отец Макарий, служивший в Казанской церкви, спросил, венчаны ли мы и, узнав, что нет, обвенчал.

После этого городские власти не давали нам покоя. Вызвали мужа в горисполком, который в те годы в бараче находился, стали его отчитывать. Он им: венчаться – это наше личное дело! Но власти дали команду в Углестрой, куда Николай устроился работать бухгалтером, снять его с работы, и его тут же уволили со словами: такие работники нам не нужны!

Раз не нужны – мы уехали на Алтай.

А.Ф.Воинков (слева) и члены церковного совета с отцом Михаилом

Татьяна Константиновна Любогощинская

Биографическая справка:

Татьяна Константиновна (Рябцева) Любогощинская родилась недалеко от Казани в селе Никольское Спасского района 15 января 1923 года. Всегда отмечала только именины - день памяти святой мученицы Татьяны - 25 января по новому стилю.

В семье было шестеро детей, Татьяна – старшая.

Отец, Константин Варфоломеевич, прошел войну, работал наездником на конезаводе (в Никольском разводили чистокровных русских рысаков, и он выезжал с ними на ипподромы в Куйбышев и другие города). Мать – Александра Ивановна.

В селе стояла неразрушенная трехпрестольная церковь Казанской иконы Божией Матери с приделами Николая Угодника и Дмитрия Ростовского. В ней крестили новорожденную Татьяну. Родители были верующие. Сестра Валентина и племянница пели и сейчас поют в церкви. Отец шил сапоги священникам.

Всю войну, с восемнадцати лет, Татьяна работала трактористкой. При перетяжке мотора, на нее упал картер, в результате чего она перенесла тяжелую операцию, после которой уже не могла иметь детей. В 1945 году вышла замуж за приехавшего в их село после госпиталя в командировку Николая Ефимовича Любогощинского. Короткое время жили в Мичуринске. Завербовались в Карпинск.

В Казанскую церковь г. Карпинска Татьяна Константиновна стала ходить сразу по своему приезду в 1946 году. В Казанской церкви они венчались с мужем. На протяжении нескольких десятилетий Татьяна Константиновна пела на клиросе Казанской. К Казанской

они всякий раз возвращались с мужем, после каждого из пяти своих переездов в разные концы страны.

С 1946 г. работала в детском саду треста «Вахрушевуголь». В 1947-м уехали с мужем на Алтай. В 1954 г. вернулись, работала мастером-десятником в «Углестрое». В 1961-м уехали с мужем Йошкар-Олу. В 1962 г. вернулись, работала в Казанской церкви, записывала требы. С лета 1963 до лета 1966 работала в горбольнице санитаркой в хирургическом кабинете. Врачи-хирурги в кабинете травматологии, Миронов и О.А. Устинов, медсестра Серафима, санитарка Маша, все знали, что Татьяна ходит в церковь, но относились с пониманием, и шли навстречу, когда надо было её подменить в большие церковные праздники.

В 1966 году еще раз уехали с мужем Йошкар-Олу. В 1967-м вернулись, снова устроилась на работу в больницу. В 1971 году уехали на Украину в Донецк. В 1974-м году вернулись. С 1974 по 1983 работала прачкой в детском саду № 27 по улице Карпинского. С 1992 года при отце Игоре Котомцеве стала регентом церковного хора и пела в Казанской церкви до 1999 года.

В 1999 настоятель Казанской церкви иеромонах Климент (Бояренко) набрал новый хор из молодых прихожан и учителей музыкальной школы. Татьяну Константиновну пригласили петь во вновь открытый в г. Волчанске храм Николая Чудотворца. В Никольском храме г. Волчанска Татьяна Константиновна пела с Людмилой Тимофеевной Корионовой, Татьяной и Анной Жуковыми у священника Михаила Штепуло. Когда отца Михаила назначили настоятелем в маленькую церковь Иоанна Богослова в Краснотурьинске, то Татьяна Константиновна пела с тем же хором и там.

**Во дворе Казанской церкви возле могилы
И.И. Белавина сидят в центре Татьяна Константиновна
и Николай Ефимович Любогощинские. Крайняя
справа их кума, Лидия Воинкова, 1960-е**

Николай Ефимович Любогощинский

Биографическая справка:

Николай Ефимович Любогощинский родился 29 апреля 1914 года в селе Знаменка Мичуринского района Тамбовской области. Был женат. Участвовал в Великой Отечественной войне, получил ранения.

После войны женился во второй раз на Татьяне Константиновне Рябцевой.

Работал бухгалтером.

В 1946 году приехал с женой в Карпинск, после чего, в течение жизни несколько раз уезжал с женой в другие города, и всякий раз возвращался в Карпинск. Все годы своей жизни в Карпинске Николай Ефимович пел в хоре Казанской церкви.

В 1990 году его парализовало, отнялась речь. Жена, Татьяна Константиновна, ухаживала за ним, но, примерно, через полгода, 22 февраля 1990 г., Николай Ефимович умер.

Перед смертью и в течение болезни священники причащали его. Отпевал иерей Игорь Котомцев.

В гостях у отца Михаила Воронцова и матушки
← Марию стоят:
(слева направо) Татьяна Константиновна Любогощинская,
Николай Ефимович Любогощинский, Анисья Григорьевна
Антоненко, отец Михаил, Таисия Григорьевна Бажина,
матушка Мария Воронцова, отец Спиридон;
сидят: Иван Федорович и Марфа Исидоровна Кузьминых.
Карпинск, 1964 г.

Борис Гаврилович Недошивин

Родился в начале 1900-х годов. Был женат, жену звали Нина.

Почти сорок лет пел на клиросе в Казанской церкви г. Карпинска. Жил в г. Волчанске.

В начале 1990-х годов Бориса Гавриловича с женой забрала к себе дочь, жившая в Санкт-Петербурге.

**Борис Гаврилович
Недошивин (слева) и диакон
Борис Костромин, 1958 г.**

Вера Дмитриевна Горяйнова, г. Волчанск:

Борис Гаврилович был простой, хороший человек, с юмором, любил пошутить, умел до старости удивляться.

Мы вместе с ним ездили на службы с 4-го разреза в Карпинск. Стоим, ждем автобус. Он говорит: «Что же они там в церкви не придумали - не подумали прислать за нами автобус?»

Я ему: «Борис Гаврилович, бензин ведь дорогой!» Пошутили немного и, вроде, теплее стало, и ждать автобуса уже не так долго.

Дочь Шустовой Марии Федоровны, г. Волчанск:

После войны люди из Волчанска часто ходили в Карпинск в церковь пешком (20 км). Дороги путем еще не было, шли по лежневке. Батожок в руки – и пошли.

Народу в храме - руку не вытащишь, чтобы перекреститься, а если поднимешь руку, то уже не

опустишь, до того много людей приезжало отовсюду и приходило. Например, семья Ореховых: бабушка Анна, сноха Лида, сыновья Иван, Роман, дочери Галя, Оля, Нина, Миля, Таня, Аня – на все праздники они с Волчанки приезжали в Казанскую церковь в Карпинск.

Постоянными прихожанами были многие жители Волчанска, имена которых только Бог весть, в том числе Вера Дмитриевна и Александра Дмитриевна Горяйновы, Валентина Петровна Менжаева, Вера Степановна Богданова, Вера Кузьминична Мильчакова...

Моя мама, Шустова Мария Федоровна, пока была в силе, ездила в Казанскую церковь постоянно, и очень часто люди её просили отпеть своих умерших родственников. Она брала свой паспорт, ей давали «похоронную» и денежку, а иногда не давали денег, тогда она сама платила. Её даже матушка, что в Казанской требы записывала, однажды спросила, до каких пор она будет заказывать отпевания? На что мама ответила – до тех пор, пока люди будут доверять.

**Борис Гаврилович
Недошивин
и иерей Василий Губаль,
Казанская церковь,
1980-е годы**

Ксения Алексеевна Плохова

Биографическая справка:

Ксения Алексеевна (Уржумова) Плохова родилась 24 января 1922 года в деревне Ложкино Челябинской области в семье Алексея Арефьевича и Натальи Кирилловны Уржумовых. Несколько детей у Алексея и Натальи умерли во младенчестве, выжили четверо: Ксения, Татьяна, Василий и Николай.

С семидесятых годов и до 2000-го Ксения Алексеевна пела на правом клиросе Казанской церкви г. Карпинска.

Ксения Алексеевна Плохова:

Папу выслали. Приехали за ним ночью, потихоньку забрали и увезли. Мама говорит им: «Куда вы его повезли? Мне хоть скажите, я ведь, все-таки жена его». Они: «На Северный Урал, на лесозаготовку». Увезли папу в Богословск на известковый карьер. Начал он нам писать письма оттуда, и мы приехали к нему. По специальности папа был кузнец.

Жили очень бедно, тяжело. Я стала подрастать и один дядечка, богословский житель, что часто приходил к нам, как-то сказал мне: «Хоть бы ты скорее подрастала, пошла бы на работу папе с мамой помогать, кормить остальных». Я старшая была. До меня все дети, что рождались у мамы, умирали, а на мне остановились умирать, и еще трое после меня родилось, и все выросли.

Хозяйственник над лошадами, Коркин, тоже ходил к нам, посмотрит, как мы тяжело живем, говорит мне: «Милая моя красавица, я пойду к начальнику, поговорю с ним. Если он тебя возьмет на работу, то я за тебя буду ручаться, чтобы тебя взяли». Потом, и правда, пришел и

говорит: «Не знаю, как ты захочешь, но я с начальством договорился, тебя возьмут на работу – лошадок гонять». И в 1939 году 9 мая я поступила на известняковый карьер. Камень, что добывали на карьере, грузили в вагонетки и возили на дробилку. Использовали известковый камень при расплавке металла в мартене.

Небольшие вагонеточки цепляли к лошадкам. В них мужчины грузили камень, и мы на двух лошадках две девушки-коногоны возили камень. Моторами поднимали вагонеточки наверх и там, в люк камень высыпали. Дальше камень поступал в дробильный корпус, где он измельчался на небольшого размера, примерно со спичечный коробок, кусочки, и отправлялся в Серов. Город Серов назывался тогда Кабаковск.

Я у начальников была на хорошем счету, потому что все делала, что укажут. Когда наставят много железнодорожных платформ под погрузку камня, а рабочих не хватает, рабочие из высланных, они ведь в большинстве больные, немощные были, тогда нас отправляли, и мы еще и на тачках сами возили камень.

Во время войны я вышла замуж за Всеволода Михайловича Плохий, 1916 г.р. Он жил на Ворошиловском поселке и работал на известняковом карьере машинистом в дробильном корпусе.

Мне никто из ребят особо не нравился, хотя за мной многие бегали. Но Всеволод особенно проходу не давал. Он своим нахальством меня и взял, такой «фулиган» был. Бойкий. Мы вместе участвовали в самодеятельности, где он не только танцевал, но и на голове мог ходить.

Кавалер, с которым я дружила до войны, с Турьинских рудников, аккурат тогда был на войне. А Всеволод... Пойду потихоньку от него другой улицей, чтобы он не увидел, смотрю, а он уже навстречу мне идет.

- Ты зачем сюда пришел? – возмущаюсь.

- А ты зачем от меня убегаешь? Я все равно от тебя не отступлюсь.

И так я вышла за него замуж. Первым родился у нас мальчик.

Когда я еще дружила со своим первым кавалером, он мне говорил:

- Ксения, когда мы с тобой поженимся, и у нас будут дети, то если у нас будет мальчик...

Я смущалась и прерывала его:

- Что ты, Николай, ерунду городишь?

- Это ведь дело житейское, - невозмутимо продолжал он. – Так вот, если первый у нас будет мальчик, назовем его Володей, а если девочка – Надей.

Так что, когда мы со Всеволодом поженились, и у нас родился мальчик, то мы назвали его Володей, потому что Всеволоду нравилось это имя.

Такой бойкий мальчишечка сынок у нас рос, очень ласковый. Все друзьями у него были. На любую беду он откликался. Из-за этого и умер. На производстве, где Володя работал, женщине оторвало руку. Он пошел сдавать кровь для нее, и в больнице одной иглой взяли кровь у двоих человек, занесли ему инфекцию, и он умер. Двое детей осталось – Лена и Алеша.

В городе Ош, где Володя работал, его начальник говорил нам:

- Какой хороший человек и специалист! Как он разобрался в машинах! Больше мы не найдем такого.

А я слушала и думала:

- Вы-то специалиста найдете, а вот я уже своего сына не найду.

Всю жизнь я проработала на известковом карьере. Сначала лошадок гоняла, а после войны стала машинистом электровоза. Лошадок тогда уже не было – их заменили машины. Я выучилась на курсах электриков, сдала

экзамены и стала машинистом электровоза. Так до пенсии и работала на электровозе.

По выходным дням ходила в церковь. Любила ходить одна, чтобы много не разговаривать после службы, тем более, после причастия. Папа, мне всегда говорил: «Помолилась – молчи, не болтай с подружками, не делай плохое нашему Спасителю».

Когда я приходила в церковь, там пел хор, и батюшка пел, и я им подпевала. Однажды Борис Гаврилович, он видимо прислушивался, как кто в храме поет, сказал мне:

- Ксения, пошли к нам на клирос.

Я ему:

- Борис Гаврилович, я ведь малограмотная или совсем не грамотная. Я не смогу там ничего.

- Все сможешь.

И притащил меня, поставил с певчими.

Пели тогда Татьяна Любогощинская, Галина Волосникова, Анна Демачева, Параскева, Евдокия. Параскева и Евдокия были с Угольных копей. И еще из Краснотурьинска к нам в Казанскую женщины приезжали, и они пели. Народу было много на клиросе, но клирос уже был один, а не два, как раньше. На два клироса народу не хватало.

Борис Гаврилович, руководитель наш, был строгий и справедливый. Прямо говорил:

- Если ты не можешь что-то спеть правильно, то ты и не пой! Не мешай другим.

Когда еще служил отец Михаил Воронцов, иногда он подходил к нам и говорил: вам замечание, то-то и то-то неправильно.

Некоторые из певчих любили выкрикивать, петь громче других.

Он предупреждал:

- Пой, как положено. Как Господь кому что дал, так и пой, не выжимай из себя ничего напоказ.

Певчие Казанской церкви с отцом Игорем Котомцевым:

Галина Ильинична Волосникова,
Екатерина Сулова,
Екатерина Петровна Цимбой,
Ксения Алексеевна Плохова,
Георгий Константинович Бажин,
Елена Палецких

Карпинск, 1991 год.

Матушка Мария Воронцова, старенькая уже была, когда могла, с нами пела, очень добрая женщина была, как и отец Михаил.

После праздничной службы мы всегда оставались и собирались у отца Михаила за общим столом.

К праздникам готовились, кто свободен от работы был, приходили на спевку.

В последнее время я плохо себя чувствовала, уже не могла петь, но мне так нравилось петь, что я все равно ходила в церковь. И так было, что меня уносили с крылоса в сторожку - плохо с сердцем становилось. Порок сердца признавали, расширение желудочка. Но вот уже скоро 91 год будет, а я все живу.

На фотографии Ксения
Алексеевна Плохова в декабре 2013 года

Михаил Никифорович Перепелкин

Биографическая справка: Михаил Никифорович Перепелкин, ок. 1900 г.р. В 1930-х годах их крепкую крестьянскую семью из-под Кургана с пятью братьями и сестрами Ириной, Агафьей выслали на Урал. В 1946 г. Михаил Перепелкин построил дом на улице Некрасова (№ 75). Был женат на Елене Тимофеевне, работавшей в Энергоуправлении на подстанции, имел дочерей Лиду и Любу. Перепелкины ходили в церковь, помогали в уборке храма и территории.

Михаил Никифорович умер в сентябре 1962 г.

Левый клирос

Кузьминых Иван Федорович

Биографическая справка: Кузьминых Иван Федорович родился в 1882 (3) году в деревне Нижний Талман Тугулымского уезда. Служил на действительной службе в Санкт-Петербурге в Гвардейском Павловском полку.

7 февраля 1909 г. обвенчался с Марфой Исидоровной Заровнятных. В конце декабря 1913-го года у Кузьминых родилась дочь Клавдия, а через полгода в августе 1914-го началась Первая мировая война. Иван ушел на фронт, где попал в плен и четыре года находился в Германии. Дал обет Богу, что если останется живой и вернется домой, то сходит пешком к Симеону праведному в Верхотурье. В 1919-м году вернулся из плена и был мобилизован в армию Колчака, где воевал до 1922-го года.

22 (24) августа 1924 г. родилась дочка Лидия (Лидия Ивановна (Кузьминых) Важенина, жена Михаила Федоровича Важенина). Росла в семье Кузьминых и приемная дочь, племянница Марфы Сидоровны, Августа.

1 февраля 1930 года Иван Федорович был раскулачен и 17 апреля 1931 г. выслан вместе семьей под Ивдель на Самский рудник. В 1939 г., когда началась коренная реконструкция Богословских Угольных копей и строительство больших карьеров, Кузьминых переправили в Богословск на копи. Последние годы перед пенсией Иван Федорович работал конюхом на конном дворе. (Конный двор в Карпинске был не один. Иван Федорович работал у Сергея Васильевича Жилина). На том же конном дворе заведовал хозяйственной частью Андрей Иванович Виноградов, бывший в церкви казначеем, и Николай Васильевич Гурьянов, так же, как и Иван Федорович, входивший в церковную двадцатку.

← Прихожане Казанской церкви после субботника.
Мужчины (справа налево) Иван Федорович
Кузьминых, ... (?), Михаил Перепелкин. Конец 1950-
х – начало 1960-х гг.

Зинаида Трифоновна (Кузьминых) Архипова, внучка
Кузьминых, прихожанка:

Как только в Казанской церкви возобновились Богослужения, дедушка стал ходить на службы, читать и петь на клиросе. Соседские дети звали моего дедушку Дедом Морозом, потому что он всегда ходил с конфетами, и раздавал их по дороге в церковь, к тому же он был с большой бородой и высокий. Ребята, жившие возле Казанской, знали, в какое время дедушка идет на службу, и как только он показывался из леса, бежали к нему навстречу получать угощение.

Бабушка, Марфа Сидоровна, так же, как и дедушка, постоянно ходила в церковь и часто водила с собой нас, внуков. Маленькие, мы иногда стояли или сидели в церкви на подоконнике левого окна у панихидного стола.

**На фотографии у
Казанской церкви крайний
справа Иван Федорович
Кузьминых**

Клир и двадцатка Казанской церкви. На солее стоят (слева направо) Андрей Иванович Виноградов, протодиакон Арсений Дядио, протоиерей Михаил Воронцов,

протоиерей Василий Козлов, Иван Федорович Кузьминых,
Иван Петрович Тарасов, Николай Ефимович
Любогощинский. 1957 год.

Дедушка и бабушка дружили с прихожанами Казанской, с семьей Бажиных, Георгием Константиновичем и Таисьей Григорьевной, с Гурьяновыми, Николаем Васильевичем и Алевтиной Евгеньевной. Когда приехал отец Михаил, то и они с матушкой Марией тоже стали нашими частыми и дорогими гостями. Их всегда приглашали к нам на большие церковные праздники и на дни Ангела бабушки и дедушки.

Года за два до смерти дедушка стал слабеть и уже не мог ходить на службу. Но ему очень хотелось попасть в церковь, и тогда внук Иван увозил его туда на мотоцикле.

В 1969 году дедушка умер, а бабушка, Марфа Сидоровна, пережила его на восемь лет и умерла в 1977 году.

Лидия Ивановна (Кузьминых) Важенина с родителями, конец 1960-х гг.

Ефим Дмитриевич Гилев

Биографическая справка:

Ефим Дмитриевич Гилев родился 1 апреля 1884 года в селении Турьинские рудники Верхотурского уезда Пермской губернии.

Женился, и 12 сентября 1910 г. у него родился сын Александр.

Участвовал в Первой мировой войне. За проявленный героизм был награжден Георгиевским крестом.

По возвращении домой с фронта Ефим Дмитриевич узнал, что его жена умерла от тифа и, что он остался вдовцом с малолетним сыном на руках. Женился еще раз, обвенчавшись вторым браком с Какшаровой Александрой Павловной. Жена Шура, будучи на двенадцать лет моложе мужа, родила ему друг за другом шестерых детей: Петра 1920 г.р. – он воевал и погиб на фронте во время Великой Отечественной войны; Анастасию – медицинской сестрой она прошла всю войну и вернулась домой в 1946-м; Надежду, Людмилу, Михаила и Нину, которая умерла в младенчестве.

В Богословске, на нынешней Красноармейской улице, недалеко от Казанской церкви Ефим Дмитриевич построил дом, куда переехал с семьей из Турьинских рудников. Работал на угольном разрезе коногоном, вывозил уголь. Был постоянным прихожанином Казанской церкви. Пел на левом клиросе. Умер 1 апреля 1964 г.

Надежда Александровна Михель, внучка

«Дедушка был золотой – он фуражечку снимал перед маленькими детьми, когда с ними здоровался. Никогда не раздражался, даже когда мы, внуки, целой ватагой изо дня

в день гостили у них в доме и оставались на ночь, засыпая вместе с бабушкой вчетвером, а то и впятером на палатках.

Он постоянно читал толстую божественную книгу на непонятном для нас, детей, языке. Сидел в уголочке и читал или подшивал валенки. И нас, внуков, учил подошвы прошивать. На большие праздники брал нас в церковь. Мы знали, что в школе будут ругать, если узнают об этом, но все же шли. А церковь была недалеко, на горке.

Дедушка там пел. Сестра его баба Дуня Семенова, скромная, кроткая и приветливая, приезжала в нашу церковь по праздникам из Краснотурьинска.

В каждой комнате дедова дома висели иконы, а в большой комнате перед иконой всегда горела лампадка.

Перед тем как всем вместе сесть за стол, дед молился, но нас не заставлял, мы в школе уже по-другому воспитывались, все были пионеры, комсомольцы. Пока он читал, мы ждали, сел - едим.

Только ругал нас дед, что мы в кино ходим, скажет строго: «Опять бесовское кино пошли смотреть». А мы бегали в клуб железнодорожников на «Волга-Волга», «Трактористы». И баба Шура, нет-нет, да и сбежит вместе с нами украдкой от деда - хотелось ей кино посмотреть. Дедушка хоть и добрый был, но не так, чтобы мы из него веревки вили.

Умер он в свой день рождения. Дня за четыре до того лег, почувствовав слабость и упадок сил. Как будто сердце стало у него отказывать. Я только окончила медицинское училище и приехала работать в Карпинск. Дали мне участок, как раз, где жили дедушка с бабушкой. Пошла я на участок, пришла к ним, вижу, дедушка лежит. Я встревожилась, спросила, что, да как, и велела деду лежать, не вставать, а бабушке наказала кормить его пожиже, да покалорийнее.

Тут дед меня успокаивать стал:

- Ничего, ничего. Видно мой час настал.

Я с ним спорить:

- Перестань! Ты, что? Я только работать пришла, а ты мне что сотворишь – умрешь на моем участке?!

Молчит дедушка.

- Не думай о плохом, думай о хорошем! – говорю я ему.

А он опят своё:

- Ничего я не думаю... Меня уже Господь призывает.

На следующий день зашла его проведать – он всё также лежит, не ест ничего. На третий день, первого числа, у деда день рождения, я побежала поздравить его, фруктов купила. Прихожу, бабушка мне говорит, что дед весь день спит, не разговаривает. Подошла я к нему. Дедушка на боку лежал, я его позвала и к себе повернула, он глаза приоткрыл, закрыл и сделал последний вздох. Вот так тихо-тихо он и ушел от нас.

Отпевали деда в церкви. Гроб внуки несли на руках. Очень много народу собралось».

И пел церковный хор: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

На кладбище возле Казанской Николай Любогощинский, Ефим Гилев, Петр Каменев с певчими левого клироса. Конец 1950-х

Верховцева Мария Сергеевна

Биографическая справка:

Мария Сергеевна (Макарова) Верховцева родилась 8 февраля 1906 г. в селе Наваренское Агаповского района Челябинской области.

Вышла замуж за Верховцева Елисея Петровича. Родились дети: Ираида 1925, Геннадий 1928 г. и Екатерина 1930 г.р.

В 1931 году, когда младшей дочери Кате было семь месяцев, семью раскулачили и вместе с родителями мужа выслали на север Свердловской области в поселок Ауэрбах. После войны Мария Сергеевна переехала в Карпинск, где работала в яслях № 2 по Почтамтской улице у заведующей яслями Лидии Яковлевны Якимовой.

Пела на левом клиросе Казанской церкви.

Умерла 27 февраля 1993 г.

Дочь, Екатерина Елисеевна (Верховцева) Людвиг, как и мать, много лет бывшая прихожанкой Казанской церкви, работала в товарной конторе железнодорожной станции Карпинск.

В настоящее время, когда в 2007 году возобновились службы в Богословском Введенском соборе, стала прихожанкой собора.

Екатерина Елисеевна (Верховцева) Людвиг. Карпинск, начало 2000-х гг.

Владыка Мелхиседек во время его посещения Казанской церкви г. Карпинска в 1986 году с певчими: слева от Владыки Мария Сергеевна Верховцева, за ней Анна (Мишина) Модина; справа от Владыки (сверху вниз) Екатерина Сусллова, Анна Иосифовна Демачева, Любовь Кузминична Алексеева, Антонина Яковлевна Надёжина; крайняя справа в верхнем ряду – Сизова Евдокия Тихоновна, тетьа которой Иванова Елизавета Ивановна была певчей на левом клиросе.

Певчая Елизавета Ивановна Иванова

Елизавета Яковлевна Истомина

Биографическая справка:

Елизавета Яковлевна Истомина родилась 2 сентября 1905 г. в селе Мершиха Курганского уезда Тобольской губернии. Приехала в Карпинск в начале 1950-х. Работала уборщицей в ЖКО по улице 8 Марта. Пела в церкви на левом клиросе. Из своих скромных доходов посылала денежные пожертвования в монастыри. Когда дом, в котором находилось ЖКО, освободился, она купила одну половину дома, и после своей смерти завещала эту свою часть дома Казанской церкви. В возрасте 88-и лет Елизавета Яковлевна еще ходила на службы. Умерла 30 января 1994 г.

Татьяна Ивановна Жукова, певчая:

За две недели до смерти баба Лиза слегла. Детей у нее не было, ходили к ней кормить её и топить печку прихожане и соседи. Тетя Галя Андрианова, прихожанка Казанской, помогала ей, навещала. Она же и обмывала её после смерти, потому, что бабу Лизу в морг не увозили.

Когда баба Лиза умерла, то на ночь перед похоронами гроб с ее телом перенесли в церковь, читали над ней псалтырь, а утром на отпевание собралось много прихожан. Отпевал бабу Лизу отец Игорь Котомцев, пели певчие: Татьяна Константиновна Любогощинская, Ксения Алексеевна Плохова, Галина Ильинична Волосникова, Екатерина Сулова, Любовь Кузьминична Алексеева, Анна Иосифовна Демачева.

Умерла баба Лиза 30 января, а 7 января в Рождество Христово она еще пришла на праздничную службу и простояла на клиросе все шесть часов, с двенадцати ночи до шести утра даже не присаживаясь отдохнуть, что было для меня совершенно удивительно. В девяностые годы еще оставались в храме старушки, которые, как свечи, стояли все длинные службы, и не то, что ни с кем не разговаривали, не садились, они с ноги на ногу, казалось, не переступали. В возрасте под девяносто лет они стояли как влитые. Никаких замечаний никогда никому не делали. Они еще жили здесь, но уже как бы отходили в иной мир. Баба Лиза была одной из них.

На левом клиросе Казанской церкви. Крайняя справа во 2-м ряду Елизавета Яковлевна Истомина, 1970-е гг.

Антонина Яковлевна Надёжина

Биографическая справка:

Антонина Яковлевна (Кирюшина) Надёжина родилась в с. Копасово Атяшевского района Мордовии 22 февр 1918 года. Вышла замуж за Кузьму Герасимовича Надёжина. Родились дети: Валентин 22 ноября 1935 г., Мария 21 января 1938 г. и еще двое детишек.

К началу Великой Отечественной войны, в неполные двадцать три года осталась одна с четырьмя детьми на руках. 22 июля началась война, а 24 июля мужа забрали на фронт, где он пропал без вести. Фронт проходил совсем близко от их деревни. Днем все женщины уходили копать окопы. Ночью возвращались к оставленным дома детям, чтобы их накормить, а кормить было нечем, и двое детей у Антонины Яковлевны умерли. Остались сын Валентин 1935 г.р. и дочь Мария 1938 г.р.

В 1951 году приехала с детьми в Карпинск к сестре Анастасии. Сначала снимала квартиру у Дюльдиных, потом выкупила ту часть дома (номер шесть на Советской улице возле Собора), в которой жила.

Как только закончилась война, Антонина Яковлевна начала посылать всюду запросы о судьбе мужа. Сначала писала сама, потом писали её дети, потом внуки, и только в 2013 году, после почти 70-летних поисков, дочь Мария и внучки Елена, Татьяна и Нина узнали, что Кузьма Надёжин погиб 18 августа 1941 года под Подольском.

Антонина Яковлевна Надёжина умерла в 1998 году.

Нина Александровна Доровских, внучка:

Баба Тоня жила церковью. Вся душа у нее была там. Ночью она работала няней в яслях, а днем в церкви, где в разные годы с 50-х до 80-х она трудилась казначеем,

старостой, просфоры пекла, убирала в храме, и нас, внучек, постоянно брала с собой.

Во время службы, поскольку в храме всегда было много народу и очень тесно, бабушка отправляла нас на хора, то есть на балкон. Поддерживаемый двумя деревянными колоннами, с крутым деревянным маршем, балкон шел по западной стене храма и предназначался для певчих. Но хор пел у алтаря, а мы сидели на хорах.

Хорошо помню очень доброго батюшку, отца Михаила Воронцова, как он беседовал и занимался со мной еще маленькой. В 1971-м году я пошла в первый класс, а батюшка уехал от нас в 79-ом. От него исходило тепло. На мой день рождения, всегда неожиданно, и оттого это было особенно радостно, он дарил мне шоколадки, которых, казалось, в природе не существовало. Был он не чужим, а родным, и приходили к нему много людей за советом, с просьбами и за помощью. Когда он умер, бабушка с женщинами ездили к нему на похороны в Свердловск.

Батюшка с матушкой жили в доме, что стоял на церковном дворе. Матушка Мария развела возле дома маленький садик. В ее садике росли цветы и черная смородина, которой она всегда нас угощала.

Антонина Яковлевна Надёжина (слева) с матушкой Марией и отцом Михаилом Воронцовыми, 1960-е гг.

Перед службой и после ее окончания в тех же 70-х годах мой папа, Виктор Николаевич, звонил на колокольне. Правда, у него был простой перезвон, не такой красивый, как звонят сейчас молодые ребята. Иногда его заменяла тетя Лена Палецких, она тоже умела звонить.

Люди, приезжавшие в Казанскую церковь на службу из Краснотурьинска, приходили к нам ночевать, и мы всегда что-то варили, готовили, стряпали, чтобы их накормить, потому, что бабушка вела к нам всех, кого только можно было разместить.

Слева направо сидят:
Феодосия Стратоновна Мелехина,
Анисья Григорьевна Антоненко,
Аннушка(?) (жила при церкви),
Антонина Яковлевна Надёжина,
Зинаида Павловна Кочнева;
стоит Елена Палецких.

Карпинск, 1950-е годы

Георгий Константинович и Таисия Григорьевна Бажины

Георгий Константинович и Таисия Григорьевна пели на левом клиросе.

Таисия Григорьевна работала в церкви бухгалтером.

Виктор Николаевич Прутов:

«Таисия Григорьевна была строгая. Когда проводили инвентаризацию в доме у отца Спиридона, то она, как мне отец Спиридон потом рассказывал, все забрала, даже шторы с окон сняла, потому что вещи были церковные. Хотя, дом, в котором жил отец Спиридон, тоже был церковный.

Антонина Яковлевна, моя теща, тогда в Казанской церкви полы мыла, а Таисия Григорьевна – казначеем была. И она распоряжалась всеми, кто трудился в церкви. Требовала, чтобы приходили к восьми часам утра и весь день находились на месте, гоняла их.

Антонина Яковлевна полы помоеет и сидит целую смену до пяти. А ей, понятно, что некогда, ведь она еще и в садике ночной няней работала».

Таисия Григорьевна не любила фотографироваться, поэтому её практически нет на церковных фотографиях, кроме одной, что сохранилась в семейном архиве Ивана Федоровича Кузьминых, где они с Любогощинскими и Бажиными в гостях у отца Михаила и матушки Марии Воронцовых.

Лидия Ивановна Строганова (Воинкова)

Биографическая справка: Лидия Ивановна Строганова родилась 5 марта 1929 г. (17 июня, согласно записи в свидетельстве о рождении, выданном в 1944 году; 5 апреля день Ангела – память святой мученицы Лидии Иллирийской) в г. Острогожск Воронежской области в семье Ивана Ивановича и Анны Николаевны Строгановых. В то же время, дочь, Анна Александровна, помнит, что её мама, Лидия Ивановна, рассказывала о себе, что родилась она в г. Мариуполе. Отец её работал настройщиком инструментов.

Мать и брат Григорий трагически погибли, попав под поезд, когда собирали на путях уголь. Сын Гриша бросился спасать мать, но, не успев вытащить её от сдававшего назад состава, попал под колеса и тоже погиб.

Оставшись вдовым, отец с младшей дочерью Лидией, переехал в Воронежскую область, где в войну погиб во время бомбежки. Лида оказалась полной сиротой, жила у подруги своей матери, помогала ей по хозяйству, училась в ремесленном училище. Получила специальность токаря.

Старшая сестра Раиса, оставшаяся в Мариуполе, успела перед самой оккупацией Украины фашистскими войсками эвакуироваться на Урал. Их привезли в поселок Воронцовка на севере Свердловской области. После окончания фабрично-заводского обучения к ней приехала её младшая сестра Лида. Лида была верующая и иногда ездила из Краснотурьинска в церковь в Карпинск на праздничные

службы, где и познакомилась со своим будущим мужем Воинковым Александром Федоровичем. В 1959 году они поженились. Родилось трое детей: Сергей, Иван и Анна.

Лидия Ивановна была постоянной прихожанкой Казанской церкви, пела на левом клиросе.

Умерла 1 августа 1995 года.

Отец Игорь Котомцев с певчими. Крайняя справа Лидия Ивановна Строганова (Воинкова), 1989 г.

Так же на левом клиросе в разные годы пели Елена Палецких, Татьяна Алексеевна Малявкина – сестра Ксении Алексеевны Плоховой, Филицата Казакова, Вяткина Вера Ивановна, Ирина Тряпицына из Краснотурынска и многие, многие другие.

Пели певчие, чьи фамилии неизвестны, только имена: Дарья и Федор, Агриппина, Агния, Мария, Архип, Алексей, Ангелина, Мария, Мария, Анна, Фаина, Галина, Валентина, Прасковья, Пелагея...

Архистратиг Михаил

Протоиерей Михаил Владимирович Воронцов

Благодаря найденной в архивах историком Михаилом Сергеевичем Бессоновым анкете, которую отец Михаил Воронцов собственноручно заполнил в 1969 году для городских властей Карпинска, мы можем, хотя бы в общих чертах, представить основные вехи его жизни.

Биографическая справка: Протоиерей Михаил Владимирович Воронцов родился в 1890 году 4 ноября по н/ст. в городе Иркутске. Закончил Иркутское двухклассное духовное училище и, экстерном, Иркутскую гимназию.

**Отец Михаил и матушка Мария Александровна
Воронцовы**

В 1946 году архиепископом Китайским и Пекинским Виктором рукоположен в диакона, затем во иерея. Служил до 1950 года в городе Шанхае, с 1950-го по 1954-ый - настоятель молитвенного дома в Пекине.

С 1954 года, согласно указу архиепископа Товии (Остроумова), назначен в Казанскую церковь г. Карпинска.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Отец Михаил с матушкой приехали из Китая. Какие они добрые были, что я и не видывала еще таких.

Как кончалась праздничная служба на Пасху, сразу все к отцу Михаилу шли: певчие, алтарники, диакон и члены двадчатки. Всё наготовлено!

У отца Михаила хлопотала Феня Мелехина (Феодосия Стратоновна Мелехина), она помогала в праздники матушке Марии готовить на стол угощение. Народу много к ним приходило.

На первый день Пасхи собирались у отца Михаила, на второй день шли к Ивану Федоровичу Кузминых. У них всё готовила дочь Лида, она учительницей работала.

Ходили с нами отец Спиридон, Николай, мой муж, он тогда председателем ревизионной комиссии был, Воинков, староста и все члены двадчатки. От Ивана Федоровича на следующий день шли к отцу Спиридону. У него прихожанка из Краснотурьинска стряпала. Потом шли к куме моей Тоне - Антонине Яковлевне Надёжиной, и дальше - к нам на Республику, у нас дом на две половины с Воинковыми был, мы половину дома у сестры Воинкова купили.

За праздничным столом у отца Михаила и матушки Марии (слева направо) Татьяна и Николай Любогощинские, отец Спиридон, Аннушка (?), отец Михаил, матушка Мария, рядом с матушкой Антонина Надёжина, за ними Феодосия Стратоновна Мелехина и Мария Тростина, крайняя справа Таисия Бажина. 1960-е годы

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Когда шли к нам, у нас тетя Ксения Королёва готовила. Еще к Бажиным ходили, Таисья Григорьевна бухгалтером в Казанской работала. Так что, пока всех обойдём, и заботы не было, что покушать - каждый день в гостях. Так светлая седмица и заканчивалась. Дружно мы в церкви жили.

Рассказывает одна из старейших прихожанок Казанской церкви: Отец Михаил всегда отличался тем, что был очень аккуратный, ухоженный, в исключительно чистой одежде, ходил по городу в хорошем пальто, шляпе, и обязательно подбирал под шляпу свои недлинные волосы. Человек он был смирный, никакого лишнего слова не говорил, очень скромно себя держал, чтобы запросто разговаривать, шутить, такого не было. И в то же

время он был очень приветливый и обходительный.

Когда я заходила к ним домой, отец Михаил встречал меня на пороге, принимая пальто, а когда я уходила, он подавал его мне, помогая одеться. Я совсем не привыкла к такому обхождению и очень смущалась от этого.

Они с матушкой часто ездили к дочери Ангелине, жившей в Свердловске. А раньше отец Михаил служил в Китае, и там его китайцы носили на носилках.

Как-то при мне пришли к батюшке школьники и попросили у него Библию, что-то им надо было в ней найти для урока истории. Если учитывать, что в годы советской власти школьникам строго запрещалось и в церковь ходить, и уж тем более читать церковные книги, случай этот был редким. Отец Михаил вынес им книгу и спросил: «А вы вернете?»

Матушка и батюшка возле Рождественского вертепа в своей комнате в церковном доме, 1960-е годы

«Вернем», - ответили ему ребята, и ушли довольные.

И мне он давал интересную книжку про десять казней египетских с картинками, на которых видно, как из рек выползают жабы, налетает саранча и умирают первенцы в египетских семьях. Я тогда, в 1960-х годах работала в фельдшерско-акушерском пункте на подсобном хозяйстве. Шофера там, хорошие ребята, увидели книжку у меня, говорят: «Мы возьмем почитаем!» Дала я им книжку.

Кто-то ходил в церковь, кто-то был верующий, но не ходил, а кто-то приходил к церкви и в доме, где жил священник, бил окна. Да так старались, чтобы не только на первом этаже окна разбить, но и до второго достать. Пришлось что-то придумывать. Мой муж Михаил вместе с батюшкой решил набить с улицы на окна сетки, но встала другая проблема, надо было где-то эту сетку взять. Стали искать старые кровати, с которых муж снимал сетки. Постепенно все окна на доме затянули ими, и в таком виде дом стоял до начала 1990-х годов.

Матушка Мария Воронцова была спокойная и приветливая женщина. Она сама шила все ризы и облачения: священнические, для дьякона, алтарникам, облачения на престол, жертвенник и аналои.

Она всё шила сама, в том числе и платья, и кофты в подарок.

Одна молоденькая певчая, приехавшая в Карпинск, ходила в первую зиму в фуфайке и трикотажном подшлемнике на голове, потому, что у нее не было даже платка. Как она была рада и благодарна матушке, сшившей и подарившей ей платье. Матушка дарила прихожанам посуду, кому тарелки, кому красивый заварочный чайник.

← Прихожане в гостях у батюшки с матушкой. Второй справа в последнем ряду отец Спиридон. Впереди возле отца Михаила слепая Варвара – Сенокосова Варвара Семеновна (умерла 19 января 2002 г. в возрасте ок. 80 лет).

Отец Михаил возле дома на церковном дворе, 1960-е гг.

Виктор Николаевич Прутов:

Я стал ходить в церковь постоянно примерно в 1958 году, лет в девятнадцать – двадцать. Служил тогда в Казанской церкви отец Михаил Воронцов и диакон Борис Костромин. Отец Борис жил в доме по Трудовой улице, а отец Михаил с матушкой в двухэтажном церковном доме, в том, что стоит на церковном дворе. В двух комнатах на втором этаже жили они с матушкой, а на первом этаже была крестилка. Крестили в те годы не в церкви, а в отдельном помещении – крестильне.

Виктор Николаевич Прутов, 2013 г.

Отец Михаил приехал к нам из Китая и буквально боялся лишнего слова сказать, мало ли что, время–то какое было.

Батюшка Михаил, человек хороший, спокойный, а лучше сказать – любвеобильный, он к каждому с любовью относился. После службы выйдет на клирос, скажет певчим: «Ой, молодцы, как хорошо пели!», и все рады, в улыбке расплываются.

Как-то раз я провинился перед ним, но он по доброте своей меня нисколько не осудил. А дело было так.

Сторожиха в церкви у нас работала (жила, где Андрей Иванович жил, тоже сторож, и я иногда за сторожа оставался), а перед домом церковным, как раз под окном комнаты, где сторожка находилась, отец Михаил посадил яблоньку. И яблонька та мешала сторожу видеть церковное крыльцо и дверь в церковь. Выходить во двор без конца не будешь, а в окно глянул, видно, что никого во дворе нет, дверь церковная закрыта, у двери, у окон тоже никого нет, значит все нормально. Залезть во двор было

Протоиерей Михаил Воронцов, Карпинск, 1972 г.

проще простого, маленький деревянный заборчик только огораживал церковную территорию, а желающих напроказничать хватало. И вот сторожиха сказала мне: сруби ты, Виктор, эту яблоню. Я и срубил.

«Виктор! Что ж, ты яблоньку мою сгубил?» - только и сказал мне батюшка.

Конечно, ему деревце было жалко, он ведь потрудился его сажая, и стояла та яблонька возле дорожки в церковь, двор украшала, но мы самовольно решили убрать её. Мне бы повиниться в тот момент, а я еще и что-то грубое в ответ батюшке сказал, но он не рассердился и больше никогда не припоминал мне этого.

В советское время власти не приветствовали паломничество верующих к святыням, но, тем не менее, мы ездили, по возможности, и в Киев, и в Москву, и в Печоры. Мужских монастырей действующих всего-то и было, что в Загорске – Троице-Сергиева Лавра да Успенский Псково-Печерский монастырь.

Сначала я ездил в Псково-Печерский монастырь как паломник, а в 1972-м году приехал, чтобы остаться там пожить какое-то время.

Отец Спиридон, что служил у нас в Карпинске до 1970-го года, приехал к нам из Троице-Сергиевской Лавры и был хорошо знаком с отцом Алипием (Вороновым), наместником мужского монастыря в Печорах, еще с того времени, когда они вместе были насельниками Свято-Троицкой обители. Отец Спиридон передал со мной в Печоры поклон наместнику монастыря.

«О! Отец Спиридон – друг мой! Мы в Загорске вместе жили», - обрадовался отец Алипий, получив весточку от отца Спиридона, и сразу взял меня на работу пономарем.

Записки в алтаре Успенской церкви монастыря стояли чемоданами. Их читали семинаристы, трудники, паломники, приехавшие в монастырь потрудиться на две-три недели. Все

мы читали эти поминальники в церкви перед алтарем. Стою в алтаре, читаю, а после службы наместник, отец Алипий, посмотрит на меня и скажет, иной раз:

- Что, ты, Виктор, такой бледный – хоть тебя с хлебом бери и ешь!

Видел я там отца Иоанна Крестьянкина и мог убедиться сам, с какой любовью он относился к людям. Отец Иоанн постоянно выслушивал приходящих к нему, и так сочувствовал людям, что часто, слушая их, плакал. Так он воспринимал чужую беду, как свою. Народ уже тогда, в семьдесят втором, просто не давал ему пройти, окружая его со всех сторон.

Застал я там и отца Серафима, ризничного, в свою смену я к нему за ключами от церкви ходил, чтобы утром открывать её к приходу иеромонахов. Бывало, что я просыпал раз или два, но он меня даже не ругал. Прибегают ко мне, будят, я кое-как просыпаюсь, иду. Мне тогда монастырский врач отец Феодорит ставил на ночь уколы димедрол, заболел я что-то, а с димедрол спал, проснуться не мог. Вставать надо было мне в пять утра, ведь монастырские службы ранние.

Отец Серафим имел сан архимандрита, а носил такую старую-престарую дряхлую рясу, да к тому же, и дырявую, какую бы и нищий человек не одел. Крест свой он прятал на груди за полу и так ходил по монастырю.

Спрашивал у меня:

- Голова у меня болит, как думаешь, принять мне таблетку или нет?

- Да, конечно, примите! - говорил я ему.

Такой он смиренный был, что, будучи архимандритом, к тому времени уже сорок лет прожившим в монастыре, у меня, простого трудника, спрашивал, принять или не принять лекарство. Не хотел даже такой малости, как выпить таблетку от головной боли, делать самовольно. Отец Серафим видел меня насквозь, но по смирению своему

ничего мне не советовал, когда я все не мог решиться, остаться в монастыре или вернуться домой.

Он мог бы мне сказать: оставайся. Но зачем? Он не хотел принуждать меня, оставлял на волю Божию.

А архидиакон Нафанаил, тот строгий был. Ходил по монастырю, всё везде проверял. Как-то на крыше трапезной мы на потолке работали, он к нам залез, посмотрел, как мы работаем, сердитый был, мы не любили его. Он под кельей отца Алипия жил, казначеем потом стал, все деньги к нему стекались.

Однажды он мне говорит: «Вот, пойду сейчас на почту. Дом подарили, надо на монастырь переписывать! Морока!»

Сколько-то я пожил в монастыре как трудник, деньги мне платили - 50 рублей в месяц, потом архидиакон Нафанаил предложил мне: «В монахи не будешь постригаться?» «Что-то я боюсь, - говорю ему: - В монахи постригают, три дня надо в церкви не выходя провести в молитве. Я не знаю...»

А наместник, отец Алипий, был прозорлив. По субботам он выходил на балкон игуменского корпуса и раздавал нуждающимся деньги. Я с монахами поблизости оказался, и он вдруг в мою сторону поворачивается и говорит: «Это не наш». Но я тогда не понял, того, что он сказал.

Одна женщина просила у отца Алипия денег, сказала, что дом сгорел, а он ей: «Не сгорел, так сгорит». На следующий год она пришла к нему с повинной головой: «Сгорел у меня, батюшка, дом. Простите меня, я вас обманула».

Прожил я там лето, осень, а в ноябре заболел. Стало все тело у меня чесаться. Вот мне отец Феодорит и ставил димедрол, вроде как от аллергии, но не помогало. Тогда настоятель монастыря отец Алипий дал мне денег и отправил к врачам в Ленинград. Я там быстро обернулся, вижу, что у меня время еще есть и деньги остались, давай, думаю - на самолет и слетаю домой. Прилетел в Карпинск, в церковь первым делом пошел. Встретился с отцом Михаилом. Тут нас с батюшкой Воинков Александр Федорович и

сфотографировал, а через два-три дня я обратно вернулся в Печоры. До лета еще пожил в монастыре. Мама и отец Спиридон ко мне приезжали.

«Тебе нравится? - спрашивала она меня. - Ну, и живи тут».

Они уехали, и так мне что-то скучно стало, домой захотелось. Батюшка в монастыре не стал меня убеждать, не сказал прямо, что оставайся, только дал понять, что дома мне хуже будет, но я не послушал его и уехал.

А дома и Александр Федорович, увидев меня, сказал: «Зря ты уехал, зря не остался там», и отец Спиридон не удивился моему возвращению. «Я знал, что ты не выдержишь, не хватит у тебя терпения. В монастыре тяжело», - с сокрушением заметил он мне. А отец Михаил ни одного слова мне не сказал. Что тут говорить, все понятно. Приехал и приехал. Так что, один год, с лета 1972 до лета 73-го, я в Псково-Печерском монастыре пожил. А со временем понял, что было мне там в Печорах, как у Христа за пазухой.

Болезнь моя, как только я вернулся из монастыря, прошла, как будто её и не было. И пошел я опять работать на хлопкопрядильную фабрику.

Отец Михаил и Виктор Николаевич Прутов,
15 ноября 1972 г возле
Казанской церкви

Огаркова Ираида Ивановна, г. Карпинск:

В 1977 году я поехала в Свердловск в командировку. Села в поезд и оказалась в одном купе с отцом Михаилом. Мы разговорились, и батюшка сразу расположил меня к себе своей добротой и приветливостью. Он был очень образованный. Когда мы разговаривали, я со своего «потолка» что-то пыталась утверждать, а он мне спокойно, с расстановкой: «Нет, дочь моя, это вот так-то и так». Когда приехали в Свердловск, оказалось, что нам и дальше по пути: ему - в епархию, а мне - в Техникум связи. На прощание отец Михаил сказал, чтобы я приходила в церковь. Я пообещала, но вскоре опять уехала в командировку и забыла о нашем разговоре.

В доме по улице Мира, дом 95, где я тогда жила, на одной площадке со мной в соседях проживала пожилая женщина Александра Павловна, по фамилии, кажется, Ворошилова, точно не помню. Как-то раз, вернувшись из очередной командировки, я сказала ей, что батюшка приглашал меня придти в церковь, и даже день и время назначал, но у меня все не получалось, а вот сейчас, наконец, я решила окреститься, Что делать?

- Иди в церковь, там договоришься, когда тебе приходиться на крещение, - сказала Александра Павловна.

В церкви я нашла батюшку. Он узнал меня:

- Помню, помню, - говорит. – Давай, приходи завтра утром.

На крещение нас было трое: я и еще два молодых парня. Пришли мы рано, стоим около церкви, её еще не открыли, и никого вокруг нет.

Тогда только-только война в Афганистане началась, но эти ребята уже успели в боях побывать, а один - даже в плен попасть. Пообещали тогда ребята, что если останутся живыми и вернуться домой, то в первую очередь окрестятся.

Крестил нас отец Михаил в самой церкви, поставил на ковер, бабуля старая батюшке помогала. После крещения велел придти на причастие, а перед этим на исповедь.

На память о моем крещении батюшка подарил мне шторы на окна. Лет тридцать они висели в нашей квартире, и все, кто приходил, спрашивали, откуда такие красивые из тонкого золотистого набивного материала портьеры. А получилось так.

Соседка, Александра Павловна, заболела. У нее была астма, и в период обострения она не могла готовить. Тогда я звала её к себе покушать. Она брала свою чашку, ложку, черный хлеб, потому что у меня был только белый, и шла ко мне. И вот в очередной раз, когда я пришла за Александрой Павловной, и мы уже стояли на пороге ее квартиры, идет отец Михаил. Он пришел её проведать

- Добрый день!- поприветствовал нас батюшка.

- Здравсьте! – ответила я, удивившись и обрадовавшись неожиданной встрече.

- А вы как тут? – с улыбкой поглядел на меня отец Михаил.

- Так, я – соседка, - отвечаю и смотрю на батюшку во все глаза, и так не хочется уходить, но неудобно оставаться без приглашения.

- Ладно, - говорю, - вы беседуйте, а я поскакала домой, - и иду от них в свои двери.

Речь моя особой культурой не отличалась. Всю жизнь я работала с мужиками, все мои нелегкие годы с детства и до пенсии выработали у меня своеобразную речь, когда, как говорится, за «крепким словом» в карман не лезут. Сейчас с благодарностью вспоминаю наставления батюшки и то, каким добрым человеком он был.

Через некоторое время отец Михаил, навещавший Александру Павловну, постучал в нашу квартиру. Жили мы небогато, но я всегда старалась, чтобы все было чистенько и аккуратно.

- Вот вам подарочек, - сказал батюшка, - На память о Вашем крещении, - и протянул мне сверток

Дочка, Наташка, подросток, шустрая была, говорит:

- Батюшка, вы маме подарок подарили, а мне?

И ведь он принес ей иконочку. Небольшую, в золоченой рамочке. И когда Наташка выходила замуж, я благословила её этой иконой. Для нее и ее мужа - это святое – стоит иконочка, подарок батюшки, на самом почетном месте.

Мария Ивановна Гурьянова, прихожанка:

Когда у нас в Казанской служил отец Михаил Воронцов, мы жили со свекровью в своем доме по улице Лермонтова, и батюшка Михаил с матушкой Марией часто приходили к нам в гости на пельмени. Свекровь моя, Алевтина Евгеньевна Гурьянова, была очень набожная, она успевала и трудиться, и молиться. В церковь на службу она ходила только пешком, хотя возле нашего дома останавливался трамвай и шел до остановки 8-е Марта, откуда до Казанской оставалось в горку подняться, но мама всегда говорила, что в церковь идти - надо потрудиться. Родители наши, Николай Васильевич и Алевтина Евгеньевна дружили с отцом Михаилом и матушкой Марией, они были дорогими гостями в нашем доме. Матушка Мария заказывала нам пельмени с грибами, потому что она особенно любила грибы. В нашей большой семье в 50-е – 60-е годы все до одного, и малые, и большие, ходили в лес за грибами и ягодами. Набирали пайвами: пайву грибов и пайву ягод. Изрубим в корыте грибы с луком, настряпаем пирогов, пельменей (готовили все вместе - Алевтина Евгеньевна, я, сестры мужа - Галина, Полина), а тогда уже зовем отца Михаила с матушкой Марией, отца Спиридона, Тоню Надёжину - все к нам ходили.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Одно время мой муж Николай работал в геологоразведке, и мы жили с ним на Талице. Если автобуса до города не было, то шли в церковь на службу пешком: километров шесть-семь до Веселовки и от Веселовки еще шесть. Ночевали у Воинковых. Александр Федорович с матерью Олимпиадой Евплавной в пятидесятых годах жили за речкой.

Летом к нам на Талицу приезжали за ягодами все церковные: отец Михаил с матушкой, Бажины, Тоня

Надёжина, Иван Петрович, еще кто-то, не помню - целым обозом наезжали. У нас ночевали, а утром за ягодами шли. Приезжали они на лошадке. Сами пешком, конечно, отправлялись. Это уж кто совсем устанет, не может идти, тогда маленько посидит на телеге. Ягод уйма была. Брусника, черника, по осени – клюква. Наберут ягод, кошелки на телегу составят, Иван Петрович лошадку погоняет. Он конюхом в церкви работал.

Иван Петрович жил недалеко, хороший, добрый человек был, звонил в колокола. Семья у него была, ребяташки в церковь ходили. Перед чтением Евангелия звонили не с колокольни, а возле крыльца спускались веревки, и ими звонарь ударял в колокол, а после службы Иван Петрович забирался на колокольню и звонил во все.

Иван Петрович Тарасов

Биографическая справка:

Иван Петрович Тарасов родился в деревне Макары Вятской губернии в 1909 году. Женился на Нине Агаповне 1914 года рождения, уроженке Ставропольской губернии.

Перед войной жил в п. Новая Ляля, где родились дети Геннадий 1938 г.р. и Леонид 1939 г.р., после войны переехал в Карпинск, где в 1953 году родилась дочь Татьяна.

Жили на улице Урицкого в то время, как строили дом по улице Свободы, близко от церкви. Дом Тарасовых был № 89, а церковный, в котором жили батюшки, в том числе и отец Спиридон - № 83.

Будучи пенсионером по инвалидности, работал в церкви конюхом и звонарем. В марте 1958 года Тарасовы уехали из Карпинска.

Валентина Есаулкова, прихожанка:

Мы жили недалеко от дома звонаря Тарасова. Все звали Ивана Петровича – звонарь. С его сыновьями Геней и Леней дружил мой брат Вася, он был немного их младше - 1940 года рождения. Тарасовы уехали из Карпинска куда-то в Сибирь, а вскоре от них пришло письмо, где они писали, что у них случилось горе - их сын утонул в Енисее.

Мои родители были постоянными прихожанами Казанской церкви. В 30-х годах, когда папу раскулачили, семью из Челябинской области выслали в Богословск. До 1950-х годов мы жили на Ворошиловском поселке, а после войны папа стал строить дом в городе. При получении места под строительство, он выбирал район как можно ближе к Казанской церкви, и построил дом на улице Свободы. В двух домах, стоящих на этой улице, в то время примыкавшей к краю старого богословского кладбища, жили священники: в доме № 81 в 50-х годах – семья Виктора Александровича Кушкина, после его смерти – прихожане Казанской - Королевы, в доме № 83 в 60-х жил отец Спиридон, и до 90-х годов этот дом оставался церковным домом. Дальше по этой же стороне через лог на взгорке - дом № 89 звонаря Тарасова и следующий за ним дом Анастасии Ивановны Васенёвой. Наш дом стоял напротив дома Анастасии Ивановны, которую называли «монашкой», за то, что она всегда ходила в длинной черной сатиновой юбке, черной кофте и в платке, заколотом под подбородком на манер апостольника. Приехала Анастасия Ивановна в Карпинск жить к своей набожной тетке, прихожанке Казанской, монахине Евстолии, и так и жила здесь до самой старости, никогда не выходя замуж, постоянно ходя в церковь. Она пела на левом клиросе и помогала убирать в алтаре.

Валентина Владимировна Ильяшенко (Кириянова), г. Краснотурьинск:

Моя мама, Мария Степановна (Юдина) Кириянова родилась 22 августа 1885 г. в селении Турьинские рудники Богословского горного округа. Были у мамы близкие подруги Анастасия Ивановна Романович и Ольга Моисеевна Остапенко – мамина подружка, спецпереселенка, которую мама в 30-х годах привела к нам домой в Турьинские Рудники из Богословска. Она познакомилась с Ольгой Моисеевной в церкви - та была в отчаянном положении, без жилья, без денег. Какое-то время она жила у нас, пока не устроилась на работу в колхоз и не получила комнату.

В 1950-х годах мой муж Василий приобрел мотоцикл, и с тех пор иногда возил маму на службу в Казанскую церковь. Посадит маму в люльку, Ольгу Моисеевну кверху и везет их в Карпинск.

На большие праздники они оставались ночевать в Карпинске: иногда в доме при церкви, иногда – у Евгении Степановны.

Евгения Степановна, в постриге – Евстолия, была монахиней. Она жила вместе со своей племянницей Настенькой (Анастасия Ивановна Васенева) рядом с Казанской церковью (ул. Первомайская, дом 30.). Настенька, монашкой не была, но одевалась всегда во все черное.

В 1930-х годах они приехали в Турьинские Рудники из Вятки. Мама познакомилась с ними в Максимовской церкви. Жить им было негде, тогда она и привела их к нам домой. Месяца два Евгения Степановна с Настенькой жили у нас. Потом купили домик возле железной дороги, в районе, где сейчас городская площадь и фонтаны, а тогда проходила железная дорога – линия из Серова в Североуральск. Настенька работала

на железной дороге путеобходчиком. Жили своим трудом: держали корову, продавали молочко, ходили за ягодами. В послевоенные годы Евгения Степановна с племянницей переехали в Карпинск.

Евгения Степановна, родом из Вятской губернии, до революции ходила паломницей в Иерусалим. Рассказывала, что дорога туда и обратно заняла три года. На память паломники получали там панораму: тридцать открыток с евангельскими сюжетами и деревянное приспособление. Открытки вставлялись в приспособление, и когда на них смотрели в глазок, то они переливались. Евгения Степановна подарила нам один такой набор.²³

²³Такая же панорама висела и у Евгении Степановны дома. Прихожане Казанской рассказывали, что на престольный деревянный Крест с вырезанной из дерева фигурой распятого Спасителя принесла в Казанскую церковь одна монашка, ходившая в Иерусалим (возможно, это и была монахиня Евстолия (Евгения Степановна)– прим. Т.Ж.). Этот Крест, украшенный венком, выносили на середину храма для поклонения народу на Воздвиженье, на Крестопоклонной неделе и на празднование Изнесения Честных и Животворящих древ Господень. Отец Игорь Котомцев заказал для этого Креста специальный киот, в котором Крест находился в алтаре.

Мы заказали большую рамку и поместили в нее все изображения со Святой Земли.

Моя мама, Мария Степановна (Юдина) Кирьянова умерла в 1976 г., а монахиня Евстолия намного раньше – примерно в начале 1950-х годов.

Дом Васенёвой и дом Тарасовых на ул. Свободы, г. Карпинск

Биографическая справка:
Васенёва Анастасия Ивановна родилась 26 декабря 1900 г. в Вятской губернии. В начале 1950-х приехала в Карпинск. Была прихожанкой Казанской церкви, прислуживала в алтаре. Пела на левом клиросе.

Весной 1985 года за ней приехали племянники из Кировской области, она продала дом и уехала с ними. Умерла в возрасте около девяноста лет в доме престарелых.

Виктор Николаевич Прутов:

«Монашка» Анастасия, так ее называли, хотя она, вроде, монашкой не была, прислуживала в алтаре до меня, до 1962 года, а в 62-ом я рассчитался с угольного разреза и пришел работать в церковь, где взяли меня алтарником. Незадолго до этого приехал служить к нам в Карпинск диакон отец Спиридон, и так он хорошо пел, так красиво читал, что очень мне понравилось, и, ничего не сказав маме, я ушел с разреза. Пошел работать в церковь. Мама спохватилась, что что-то не то, спрашивает меня:

- Ты, почему на работу не идешь?

- Я в церкви работаю.

- ..?

- Я рассчитался...

Работал я на первом маркшейдерском участке, бегал по горам с рейкой при геодезической съемке.

В церкви определили меня пономарем. Выполнял я и другую работу, какую скажут.

Стали меня в горсовет вызывать. Сначала по-хорошему разговаривали:

- Что это ты? Молодой - и в церкви?

- Мне нравится, поэтому я и пошел туда работать.

Женщина по фамилии Наталуха, уполномоченная по делам религии, спрашивала:

- Они тебя уговаривали?

- Никто ничего не уговаривал, я сам.

Придирались тогда здорово, всех наших таскали.

И Антонину Яковлевну Надёжину, старосту. Она жила на Пролетарской улице, а соседка из дома напротив, что на рудоремонтном заводе работала, такая ярая была, постоянно донимала Антонину Яковлевну, кричала ей вслед всякое, как только увидит её.

И Елену Палецких, она в больнице работала медсестрой, вызывали для проработки, и Татьяну Любогощинскую, и еще многих.

От меня все же в горкоме отстали, решили, раз ходит в церковь, значит с головой немного не того. Они всех верующих считали ненормальными.

В 1968 году я пришел работать на хлопкопрядильную фабрику, мастер цеплялся ко мне. Если что-то не услышу, он мне:

- Золотом уши обвесил!

- Каким золотом? – поначалу не понимал я, о чем он говорит.

- Да тем, что в церкви нахапал, наворовал!

Ну, какое там могло быть золото. Я зарабатывал 80 рублей, а по 19-й статье двадцать рублей забирали налога, оставалось шестьдесят.

Священники получали примерно двести пятьдесят рублей, по той же 19-й статье третью часть и у них забирали. Из этих денег еще часть отдавали на «мир во всем мире», на это регулярно собирали.

Историческая справка: Отчисления «в Фонд мира», заявленные властями как добровольные, на самом деле были принудительными и абсолютно обязательными для всех епархий. Эти поборы многие годы являлись одной из мер подрыва финансовой самостоятельности Церкви.

16 марта 1961 года было принято постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о храмах». Согласно его

тексту окончательные решения о закрытии церквей и снятии с регистрации религиозных общин принимали местные органы. Увеличились налоги. Теперь по 19 статье облагались не только священнослужители, но и все церковнослужители, включая певчих. Вновь вводились ограничения на колокольный звон.

Некоторое время назад настоятелю Богословского собора иерею Илье Баршунину принесли документ, наглядно иллюстрирующий реалии тех лет, когда церковь в очередной раз была под угрозой закрытия, по крайней мере, об этом было заявлено. Но по милости Божией власти тогда обошлись тем, что запретили колокольный звон.

Документ имел следующее содержание:

«Решение исполнительного комитета Карпинского городского Совета депутатов трудящихся № 243 от 30 августа 1961 г. о запрещении колокольного звона Казанской церкви.

В связи с тем, что Карпинская школа-интернат расположена рядом с действующей Казанской церковью, коллектив работников, воспитанников и родителей школы ходатайствуют **о запрещении колокольного звона и закрытии Казанской церкви**, так как ежедневный звон колоколов отвлекает внимание воспитанников от учебы и отрицательно действует на их коммунистическое воспитание.

Исполком Горсовета решил:

Просить исполком свердловского Областного Совета депутатов трудящихся запретить колокольный звон Казанской церкви.

Председатель исполкома Карпинского городского Совета депутатов трудящихся - Окунев.

Секретарь исполкома Карпинского городского Совета депутатов трудящихся - Наталуха».

Учительница школы - интернат в 1959 – 1961 году:

Я пришла работать в школу в сентябре 1959 года. Типичное двухэтажное здание школы, деревянной, штукатуренной, стояло недалеко от церкви.

Колокола в церкви в те годы еще звонили. Никто особенно не возражал. Звонили, конечно, не каждый день, но уж когда зазвонят, ребяташки вскакивают и к окошку – смотреть. Интересно им было. Я им: «Вы, что, первый раз слышите? Послушали? Садитесь по местам! Продолжаем урок». Все садились, и урок продолжался.

Дисциплина в школе была хорошая. Директор Петр Васильевич Дручинин был человек внимательный. Он и к ребятам хорошо относился, и к коллективу учителей. Через несколько лет он уехал из Карпинска, и директором стала Анна Григорьевна Солодянкина.

Людмила Александровна Панькивская:

В 1961 году я училась в Карпинске в школе-интернате, так как у нас на Галке средней школы не было. А так как школа стояла рядом с церковью, то в один из субботников по сбору металлолома наши мальчишки, не долго думая, пошли на церковное кладбище, где было столько чугунных крестов и надгробных плит, что даже нескольких из них с лихвой хватило бы выйти в победители всех местных соревнований, и довольные, где вдвоем, где втроем, кряхтя, они притащили, да еще и не в один заход, с могил плиты и кресты. Но радость их очень скоро была омрачена.

Вслед за ними в школу пришел поп, который жил, можно сказать, на этом кладбище, и очень скоро обнаружил пропажу. Неожиданно для городских властей,

если бы им пришлось об этом узнать, директор школы П.В.Дручинин пошел попу навстречу в прямом и переносном смысле. Почти бегом он вышел на школьный двор к собравшимся у кучи металлолома ребятам:

- Вы, что делаете?! Немедленно всё унести обратно!

Все сникли и затихли.

- Там люди похоронены! Вы это понимаете! Родные им кресты поставили на могилах, а вы?!

Все молчали, было, конечно, стыдно. Всё унесли обратно на церковное кладбище, положили на свои места, и этот урок запомнили на всю жизнь.

**На кладбище возле Казанской церкви
Галышева Любовь Дмитриевна, воспитатель
детского дома, школы-интернат, ветеран
педагогического труда, г. Карпинск.**

В 1943 году меня привезли в Карпинский детский дом. Несколько двухэтажных зданий детского дома стояли недалеко от железнодорожного вокзала на улице Вокзальной. Говорили, что здесь в одном из строений до революции находился детский приют. На Вокзальной улице мы жили, а учились в двухэтажном каменном здании на углу улиц Советской и Луначарской, где сейчас находится Соборный дом, а тогда это была начальная школа № 6.

Неподалеку от детского дома, стоило лишь подняться вверх на горку, стояла Казанская церковь и вокруг нее большое кладбище. Собирались мы с подружками, человека три-четыре, и бежали туда. Батюшка знал нас детдомовских, выносил просфорки и еще, политые чем-то вкусным, кусочки белой булочки, которые мы называли «сладкие кусочки».

Народу на службы приходило очень много. В праздники церковь заполнялась людьми так, что стояли и во дворе. В такие дни после уроков мы скорее спешили туда.

Как нам, детдомовским, жилось тогда, в конце 1940-х годов? Сладостей мы никогда не видели: утром жиденькая каша, в обед – суп, в котором так что-нибудь немного плавает, и один кусочек хлеба – вот вся наша еда.

А в церкви нам, бывало, даже давали яйцо, и тогда мы делили его на всех.

Мы рвались в церковь, потому что там было что-то для нас красивое. Мы так и говорили:

- Пойдем в красивое место!

Мы ходили по кладбищу, где всегда стояла тишина, смотрели на ухоженные могилы, выбирали себе «домики». У каждой из девочек был на этом кладбище свой «домик» - на той могилке, какую кто выбрал, и ходили друг к другу в «гости». В детском доме на Вокзальной улице у нас была, конечно, своя небольшая площадка, но все на ней было привычно и не очень интересно. А здесь, у церкви, мы спрашивали у батюшки разрешения, и тихонечко играли. Поиграем, спустимся с горы – и дома.

**Девочки из детского дома г. Карпинска.
Справа Люба Гальшева, 1945-1946 гг.**

От той церкви осталось у меня теплое чувство и запомнилось доброе лицо священника. Помню деревянный балкончик над входом, где пел хор. Что они пели, мы не понимали – только слышали: «Господи помилуй!», «Господи помилуй!». Батюшка, не очень старый, красивый, как звали, не помню, учил нас, что надо перекреститься, войдя в церковь. Когда мы появлялись на

церковном дворе, он встречал нас словами: «Ну, что, соколята?» (Может, не «соколята», а «воробьята», но это было какое-то ласковое «птичье» имя). Спрашивал: «Как живете?» Мы говорили: «Хорошо живем!» Как нас учили, так мы и говорили.

Водили детдомовцев всюду строем, как в армии: в школу строем, из школы строем. Учителя и воспитатели обращались к нам только по фамилии. С населенческими детьми мы хоть и учились в одном классе, но почти не общались. До четвертого класса (до 1947 года) мы жили при железнодорожном вокзале, затем нам отдали каменное 2-х этажное здание по ул. Советской, 23 (в наст. Время, 2015 г., Наркодиспансер – прим Т.Ж.).

В школе я занималась в духовом оркестре, играла на трамбоне, вела вторую партию. Была я такая маленькая ростом, что меня не было видно из-за трубы.

В соборе, что стоит возле машзавода, на втором этаже размещался клуб, где устраивался избирательный участок. Туда во время выборов приводили школьников, участников самодеятельности на концертные выступления. Приведут нас, мы выступим, споем, станцуем, и нас тут же уведут. Запомнилось мне, что там было очень неудобно. На стене висел огромный портрет Сталина, размером метра два на три - он у меня до сих пор перед глазами, а наверху в глубине купола, темнело пятно, и в нем будто глаз или что-то такое просвечивало.

Однажды, будучи взрослой и уже замужем, году в 1959, мы пошли с мужем в клуб на танцы. Внизу в соборе размещался гараж, на втором этаже - клуб машзавода. Свекровь моя, Самосудова Мария Александровна, вечная память ей, добром её всегда вспоминаю, сказала мне тогда:

- Люба! Не ходите, пожалуйста, туда на танцы. Один раз сходили, а теперь - забудьте дорогу.

Больше в тот клуб мы не ходили.

Петя Каширов

Валентина Владимировна (Кириянова) Ильяшенко, г. Краснотурьинск:

Сегодня понедельник и мы поглядываем в окно: не идет ли мимо нашего дома Петя?

Каждый понедельник он приходит к нам в гости.

- Мама, смотри, Петя Каширов идет! – Василий, мой муж, увидел, что Петя подходит к дому и спешит сказать об этом маме. А мама уже копошится, ставит на стол для Пети обед: подает ему супчик, потом обязательно второе и стряпню.

Мы жили в своем доме. Посреди дома стояла русская печь, и мама часто стряпала.

По воскресеньям она с женщинами, и с ними Петя Каширов, ходили по старой Краснотурьинской дороге в Казанскую церковь в Карпинск.

В 1953 году я вышла замуж, и мы с мужем жили вместе с моими родителями в деревянном двухэтажном доме на углу улиц Колхозная и Клубная в

Краснотурьинске. Недалеко от нас, только по 8-е Марта, и тоже на углу, жил Петя Каширов.

Если Петя заходил к нам – все были ему рады. Он обязательно рассказывал нам, кто служил, сколько народу было в церкви, и еще добавлял, что он пел и даже вперед певчих, потому, что службу знает! И еще в колокола звонил!

Мама любила его слушать. По возрасту они с Петей, примерно, ровесники. Мама родилась в 1885 году, значит, им в то время было уже под семьдесят.

Петю все считали блаженным. Иногда он занимался тем, что пилил людям дрова. Ребята на улице дразнили его и обзывали.

Нелли Ивановна Романович, г. Краснотурьинск:

Петя Каширов, в детстве кудрявый мальчик, родом, кажется, из богатой семьи, но что-то случилось с ним, остался сиротой, сильно заикался.

Ребята бегали за ним, дразнили. Жил он у людей, то в банях ночевал, то еще где-нибудь, хоть и инвалид, но постоянно ходил в церковь в Карпинск, и ходил только пешком. Иногда шел с людьми, чаще – один. Когда в пятидесятых годах появился автобусный маршрут из Краснотурьинска в Карпинск, Петя, в то время уже старенький был, но на автобус не садился. Наши краснотурьинские прихожанки, мама и другие женщины, Анна Николаевна, Анна Федоровна, Анна Матвеевна, - все на автобусе ездили, а он – нет, только пешком.

Какие молитвенники тогда были! А Петя - так тот просто мученик.

Людмила Константиновна (Пивашова) Кукиева, г. Краснотурьинск:

Петя Каширов жил в Турьинских Рудниках с семьей своих родственников недалеко от Максимовского храма.

Дети донимали его. Увидят на улице, кричат: «Петя, тебе повестка в армию!» Он услышит и бежит от них бегом.

Всегда чистенький, аккуратно одетый, с бородкой, Петя почти каждое воскресенье ходил пешком в Казанскую церковь, а это, примерно, десять километров. У нас в Турьинских рудниках закрыли Максимовский храм еще в 1936 году.

Мама рассказывала, что, когда Петя был маленький, он выпал из окна, сильно ушибся и после этого стал немного больным на голову. Жил он в семье своего старшего брата.

Моя мама, Мария Федоровна (Дедюхина) Пивашева, хорошо знала его потому, что в её детстве они были соседями.

Большой дом Кашировых стоял на углу улиц 8-е Марта – Клубная, а напротив, через дорогу, дом купца Федора Варфоломеевича Дедюхина²⁴, моего деда (в советское время там располагался Краснотурьинский горвоенкомат). Дочери Дедюхина Надежда, 1900 г.р., и Мария, 1904 г.р., в детстве играли с Петей. На улице возле дедушкиного дома стояли круговые качели: столб с прикрепленными к нему на веревках сиденьями. Петя качал на них девочек. Причем, произносил привычное для нас слово «качели» на свой лад, говоря:

- Садитесь девчата, я вас на качулях покачаю!

Вскоре после революции мама вышла замуж за Константина Пивашева и жила на углу улиц Коммунальная – Чапаева, где сейчас находится городской рынок. В 1937 году отец, работавший маркшейдером, подвергся репрессиям, и в результате так называемых «чисток», оказался без работы. Мы вынуждены были

²⁴ Староста Максимовской церкви в Турьинских рудниках в 1930-х годах

уехать из Турьинских Рудников и через некоторое время поселились в Богословске в доме номер 14 на улице Советской, недалеко от Введенского собора.

По старой памяти и дружбе Петя заходил к нам на чай каждый раз после окончания литургии, или, как тогда говорили, обедни, в Казанской церкви. Он спускался вниз под горку, заходил к нам, немного отдыхал и отправлялся пешком домой в Краснотурьинск.

Я сама не раз была свидетельницей того, как автобус, который ходил между Карпинском и Краснотурьинском, останавливался, видя, идущего Петю.

Шофер приглашал:

- Садись!

Но Петя неизменно отказывался.

Помню, как разнеслась весть, что Петя Каширов умер.

В Пасхальную ночь он лег на скамеечку на крыльце Казанской церкви и умер.

Нелли Ивановна Романович, прихожанка малого храма Иоанна Богослова, г. Краснотурьинска.

Мама моя, Анастасия Александровна (Ивашёва) Луженкова родилась в 1902 г. в Турьинских Рудниках, и была единственной дочерью рано овдовевшего купца Александра Прокопьевича Ивашёва. Жили в двухэтажном доме по нынешней Коммунальной улице. Отец был набожный, состоял в церковном совете и пел на клиросе.

Когда весной 1936 года местные советы приняли решение о передаче здания церкви под звуковое кино, прихожане, человек десять вместе с настоятелем, отцом Ювеналием, закрылись в храме, надеясь помешать его разорению, но обманутые обещаниями властей, все же, вышли. А через какое-то время колокола с церкви сняли,

купола и колокольно разрушили, а людей арестовали, в том числе и Александра Прокопьевича.

В НКВД его заставляли отречься от Бога и обещали дать небольшой срок заключения. Но дедушка, ему было 74 года, не отрекся и по 58 статье получил 10 лет лагерей. Через три с половиной года он умер в лагере в Красноярском крае.

Когда дедушку забирали, мама была замужем, и к тому времени у них с папой родилось 9 детей, двое из которых умерли в детстве, а самая младшая из семи детей была инвалидом.

Нашу церковь преподобного Максима Исповедника закрыли, а Казанскую в Карпинске – нет, и мама стала ходить туда - душа просилась на службу.

Помню, как совсем маленькую, мама брала меня с собой в церковь в Карпинск. Дорога шла не так, как сейчас, а через завод и дальше по лесу. Стояла зима, холодно. Ручонки у меня мерзли. Мама снимала с себя свои варежки, одевала их мне. Руки у нее были горячие, варежки – теплые, я быстро согревалась, но немного пройдем, я опять замерзну. Снова и снова останавливались, она терпеливо грела мне руки, и мы шли дальше. Кругом стоял лес, но страха не было.

Папа не очень-то её отпускал на службу – детей полно. Так она утром встанет, вылезет в окошко на первом этаже и убежит. В пять часов утра уходила, чтобы успеть к службе, обедню отстоит и только часа в три возвращалась назад. Какие преданные вере были люди – просто удивляешься. Мама вернется, папа на работе. Она скорей творило ставит. Папа придет с работы, поворчит на нее – на этом и все кончится.

Любовь Николаевна Соловьева, внучка Анастасии Александровны (Ивашёвой) Луженковой, певчая малого храма Иоанна Богослова, г. Краснотурьинск.

У бабушки было одиннадцать внуков, и всех нас она поочередно окрестила, всех поочередно водила в храм, в Казанскую церковь в Карпинск.

Шли мы из Краснотурьинска пешком. Мне тогда лет 5-6 было. Когда я уставала, она тащила меня на закорках. Водила на причастие. Ночевали в Карпинске, спали в церковном доме на палатах.

В церкви она вставала в укромное место и всю службу плакала. Четверо сыновей её воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Старший сын Анатолий погиб, а трое вернулись живыми. Один из сыновей за всю войну даже ранен не был - за всех бабушка молилась, всех нас вымаливала.

Сколько помню, бабушка все время переписывала акафисты. Она исписывала целые тетради, и раздавала их людям. Книг не было, а бабушка была грамотная. У многих прихожанок были переписанные ею акафисты. Умерла она в 1979 году. Церковные бабушки читали над её телом псалтырь. Батюшка её отпевал.

Икона Знамение

Прихожанка Казанской церкви Майя Александровна: Однажды певчая Галина (Галина Ильинична Волосникова, пела вторым альтом на правом клиросе) взяла меня за руку и буквально затащила на клирос. Елена Палецких была регентом хора в Казанской. Зашел в церковь и встал на клирос Симеон, высокий, красивый, молодой человек. Он простоял с нами всю службу, и с ним было очень легко петь. Симеон не только прекрасно пел, но и умел руководить хором. После службы он тронул стоящую впереди Елену за плечо и сказал:

- Вот, что вы делаете? Вы ни одной ноты не спели правильно!

Она рассердилась и отвернулась.

Певчие заговорили с Семеном, стали его о чем-то спрашивать, но возникшее напряжение не спадало, и тут Симеон говорит:

- Каюсь я, что подарил вам эту икону!

Речь шла о большой старинной иконе Божией Матери «Знамение».

Однажды кто-то из наших прихожан обратился к Владыке Мелхиседеку с просьбой, пусть, мол, Симеон приедет к нам на приход, будет чтецом и поет на клиросе, на что Владыка, было это в конце 1980-х - начале 1990-х, ответил: Разве он поедет к вам?!

А Симеон тогда часто появлялся у нас, так как ездил по приходам, собирая деньги на восстановление где-то церкви.

Мария Степановна Целищева, жена церковного шофера Серафима Николаевича Целищева в 1959-1960 годах:

Когда я познакомилась со своим будущим мужем, то он назвался Сергеем, и все его действительно называли Сергеем. А в ЗАГС пришли, смотрю, он по паспорту – Серафим. Я ему: «А почему так?» «Да, меня все ребята называют Сергеем, - отвечает он. - я и привык». Так и я его называла Сергеем, но детям нашим все-таки досталось настоящее красивое отчество отца.

Супруги Целищевы, 1957 г.

Сначала мы с мужем жили в Кировской области, в Коспаше, что в двенадцати километрах от Кизела, а в 1959 году переехали в Карпинск. Сергей - шофер, но лесозавод тогда был на ремонте, шофера не требовались, и он устроился на разрез кондуктором в службу движения. Работа была опасная, составители погибали, а тут соседка, Гутя Молодых, у нее родители божественные были, в церковь ходили, нам сказала, что церкви как раз машину дали, и они ищут шофера. Соседи видели, что муж у меня хороший, не пьет, и тогда бабушка их, Марфа Сидоровна, передала Серафиму, что пусть он идет в церковь и там поговорит с батюшкой. Сергей пошел, и его взяли. Мы только недавно в город приехали, муж всего месяц отработал на Веселовском разрезе, но быстро рассчитался, и был принят в качестве шофера к Казанской церкви города Карпинска согласно приказу № 10 от 16 мая 1959 года, как записано в его трудовой книжке.

Устроился Серафим на работу при отце Михаиле Воронцове, и стал на серой церковной «Победе» возить, когда отца Михаила, когда отца Павла Стрельникова на

требы. Отец Павел был высокого роста, полный, в годах, жил в церковном доме по Свободе, недалеко от церкви за старым кладбищем. Две дочери у него были, большеенькие уже, лет пятнадцати-шестнадцати.

Весной 1959 года к отцу Михаилу Воронцову и матушке Марии приехала из Свердловска дочь, симпатичная, высокая, с внуком. Внук взрослый, молодой человек лет двадцати. Был какой-то праздник, и батюшка позвал нас с мужем к ним в гости. На праздничном столе было всё очень красиво. Пельмешки настряпаны маленькие-маленькие, и подавала их нам матушка Мария с бульоном. За столом все оживленно и запросто с нами разговаривали, как будто мы были знакомы много лет, матушка рассказывала, как они во время войны жили за границей, в Китае, все выпивали немного, но отец Михаил не пил. Ему надо было идти на вечернюю службу. Внук говорит отцу Михаилу:

- Деда! выпей, хоть немного!

А отец Михаил:

- Нет! Служба есть служба.

И не выпил с нами нисколько.

Отец Михаил с матушкой Марией жили на втором этаже дома, что стоял во дворе церкви, а на первом этаже размещался **отец Борис Костромин**, высокий, симпатичный, очень хороший, с матушкой Александрой и двумя маленькими детьми, мальчиком и девочкой. Раз на Пасху я с мужем пришла к церкви. Серафим дежурил, и еще милиция за порядком

смотрела. Я с крестным ходом вокруг церкви обошла, народу много, на улице холодно. Подошла ко мне матушка Александра, говорит: «Пошли к нам. Что ты тут будешь мерзнуть. Пока Борис служит, поспишь у нас на его кровати, а то это долго. Служба кончится, они будут еще пасхи и куличи освящать – пойдем, поспишь у нас». Так я всю ночь у них проспала, и проснулась, когда отец Борис зашел в дом. Смотрю, он крестится, молится - радостный после службы пришел.

Матушка Александра рассказывала, что в Тагиле они с Борисом жили рядом. Борис должен был рукополагаться в диаконы, но перед тем ему надо было сначала жениться, иначе после уже будет нельзя. Родители Бориса сказали сыну, что давай посватаемся к Александре, она девка хорошая, умная, рукодельная. Пришли сватать её, она согласилась, и сыграли свадьбу.

На первом этаже в церковном доме плохо топились печи. Летом Андрей Иванович Виноградов, он тогда, кажется, старостой был, разобрали с Серафимом всё по кирпичику и заново её переложили. И потом печь хорошо

топилась и грела и наверху у отца Михаила, и внизу у отца Бориса.

Работы в церкви хватало. Летом взялись красить шпиль на колокольне и пригласили Серафима помочь. Он трудолюбивый был, общительный, ни от какой работы не отказывался, помогал всегда охотно. Часто с Андреем Ивановичем они пилили и кололи дрова. С работы отец приходил с гостинцами от матушки Марии. Я стряпать не умела, и наш маленький сыночек Витя всегда радовался матушкиным пирожкам и булочкам.

Еще помню, что в церкви, в каморке, как заходишь –

налево, под колокольней, жила сторож Полина. Она была то ли татарка, то ли чувашка, не замужем, одинокая, и работала в церкви.

На фотографии два церковных сторожа: Мария и Полина. Полина справа, конец 1958 года.

В церкви мы познакомились с Тоней Надёжиной, она там казначеем работала и Таисией Бажиной, бухгалтером. Тася и Тоня спрашивали нас:

- Вы не венчаны?

- Нет.

Они тогда Серафиму говорят:

- Ты здесь работаешь, если хочешь – тебя батюшка обвенчает.

Договорился Серафим с отцом Павлом Стрельниковым, на какой день приходите нам и сказал мне, чтобы я готовила платье. А у меня как раз было новое платье.

Венчались мы с полным светом.²⁵ Тоня с Тасей держали нам венцы, хор пел, и все было, как положено. Батюшка давал нам из чашечки пить «Кагор». Сначала должен был пить Серафим. Он пьет, а отец Павел улыбается, говорит ему: «Ты много не пей, жене оставь!»

Праздничный обед готовила Тоня, она знала, что надо приготовить на стол, и еще выпечки настряпала. Приехал отец Павел, матушка Александра в красивом, с юбкой в складку, платье - сама сшила. Отца Бориса не было, он с детьми остался дома.

Когда мы с мужем, еще живя в Коспаше, расписывались, свадьбу не играли. Свекор предлагал, но мы отказались. Родни у меня там не было, денег мало, а здесь в Карпинске мы, вроде только год, как приехали, а уже столько добрых людей по церкви узнали: и батюшек с матушками, и отца Бориса с Александрой, и Тоню Надёжину, и Тасю Бажину, и Андрея Ивановича Виноградова – все были очень доброжелательные.

²⁵ Выражение «венчаться с полным светом» означает, что свет в храме, когда не было электрического освещения, был за счет свечей у аналоя, вокруг которого священник обводит жениха с невестой, у икон, а главное, на паникадиле, на котором помещалось их более трех десятков (в Казанской церкви). Понятно, что чем больше свечей зажжено, тем светлее, торжественнее в храме и тем больше, соответственно, сумма пожертвования. Не все венчающиеся имели такую возможность. В рассказе Марии Степановны Целищевой сохранилось это старинное выражение как образ ушедшего времени. В 1960-х годах на паникадиле в Казанской церкви стояли электрические лампочки и, судя по всему, на венчании оно включалось полностью. Но вот как пишет о своем венчании в Богословском соборе с певчей Ниной Александровной Шмаковой ее муж Иван Григорьевич Шмаков: «22 сентября 1913 года (я) женился на 20-м году, взял себе подругу жизни Ниночку 18 лет, с которой был знаком 5 лет. Венчал священник о. Симеон Гвоздев с псаломщиком Сергеем Степановичем Богоявленским. Свадьба очень простая. **В церкви горел только подсвечник у аналоя** и без всяких свах. На дому был отслужен молебен отцом Симеоном».

Отец Михаил стал болеть и в конце пятьдесят девятого года они с матушкой уехали в Свердловск (отец Михаил Воронцов вернулся на приход Казанской церкви г. Карпинска в сентябре 1961 года). Приехал вместо него из Серова черноволосый, невысокого роста батюшка – отец Антоний Кондратьев. Матушка его жила в Серове, и он стал гонять машину не по назначению. Придет машина за матушкой, а у неё печка топится, ватрушки с творогом пекутся, машина стоит, ждет, потом везет её в Карпинск. На следующий день опять увозит в Серов и так до тех пор, пока машину не забрали. Люди стали жаловаться, что вызывают батюшку к больному причастить или человек умирает и хочет исповедоваться, а машина опять в Серове - за матушкой ушла. В конце концов, из исполкома пришли и сказали, что поступило заявление с жалобой, и машину у церкви изымают. Главный в городе по машинам Заломов сказал, что первый покупатель – шофер.

- Хочешь? – предложил он Серафиму. – Бери машину себе.

Но у нас разве такие деньги были? И машину городские власти забрали. А в трудовой книжке у Серафима появилась запись: «1/VII-1960 Уволен в связи с упразднением должности шофера».

Серафим Николаевич Целищев (слева) со своим сватом и другом - Ильей Трофимовичем Шкотиным (справа), дедушкой иерея Ильи Баршунина, настоятеля Казанской церкви с 2004 по 2008 г.

Историческая справка:

13 января 1960 года принято постановление ЦК КПСС «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах». Согласно постановлению советские власти начали **изымать причтовые дома и автомашины**, находившиеся в пользовании общин. В ряде городов были созданы группы содействия уполномоченным по делам религии для усиления мер по реализации постановления.

Из отчета уполномоченного по Свердловской области:

«Путем личной проверки на местах и контроля работников исполкомов местных Советов в 1960 году были выявлены следующие нарушения..... По всем случаям нарушений приняты соответствующие меры. Например, не только прекращено незаконное приобретение автомашин общинами, но все 9 легковых автомашин, незаконно приобретенных, у церковных общин изъяты и переданы в госфонд. В настоящее время во всей области ни у одной общины нет автомашин. Есть только одна машина у епископа...Проводятся мероприятия по ослаблению материальной базы церкви.

...После бесед с епископом еще в 1959 году он резко сократил свои выезды на приходы, но в кафедральном соборе служит еще очень часто... В 11 церковных приходах резко ограничены районы деятельности духовенства, а выезды в другие населенные пункты допускаются только с разрешения исполкомов...В результате принятых мер в 1960 г. из 3 человек, подавших заявления в духовные семинарии, ни один не поступил» (А. Н. Марченко Социально-экономическое положение церковных служащих в СССР (По данным Уральского региона)

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Когда в очередной раз мы вернулись жить в Карпинск, приехав теперь уже из Йошкар-Олы, Николай, устраиваясь на работу, обратился в школу, что стояла напротив церкви. Его приняли вести бухгалтерию. Но уполномоченная горисполкома по делам религии буквально стала изъедать его, никак не оставляла нас в покое: как это так - в школе дети учатся, а школьный бухгалтер в церковь ходит! Подсылала женщину подглядывать за Николаем, бывает ли он на церковных службах. Он тогда стал стоять в алтаре и старался до окончания службы не выходить.

Директор школы Солодянкина знала, что жившая рядом с церковью сотрудница следит за Николаем Ефимовичем, и предупредила её: «Будешь шпионить, уйдешь с работы! А будешь держать язык за зубами – останешься».

Вызвали меня с Анисьей Григорьевной Антоненко, старостой, в горисполком:

- Да как это вы!.. Как это вы! – с порога давай кричать на нас уполномоченная.

- А вы мне не «выкайте», - я бойкая была и все говорила прямо, как есть.

- Не ходите в церковь, мы вас с работы снимем!

- Ничего вы мне не сделаете. Пойду в другое место работать, - отвечаю ей.

Я санитаркой работала, чего мне было бояться.

Проверяющие в церковь приходили постоянно, смотрели книги записей крещения, венчания, отпеваний, проверяли каждую строчку.

**Анисья Григорьевна Антоненко – староста,
Александра Ивановна Киселева – бухгалтер, 1960-е гг.**

Историческая справка:

После 1961 года был введен учет и контроль всех таинств в церкви, стало необходимо записывать паспортные данные: кто и когда венчался, крестился и прочее.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Как-то уполномоченный из Свердловска приехал, спрашивает меня по поводу крещений:

- По документам записываете?

- Когда приходят с документами – по документам, - отвечаю ему.

- Если люди без документов, в таком случае вы обязаны отказать. Крещение – только по документам!

- А я вам не подчинюсь! Люди с детьми приезжают с участков на автобусах, а я что буду их назад отправлять?!

- Я вас сниму с работы, и мы возьмем сюда другого человека.

- А я и не нуждаюсь! Другого, так другого!

Знакомая секретарша из горисполкома, встретив меня на улице, по секрету шепнула мне, что проверяющий тогда сказал:

- С зубами там у них работники.

Конечно, мы старались как-то выходить из положения, если люди просили окрестить или повенчать без записи. Приехали из Серова, просят повенчать, я пишу, что прошло крещение, а станут данные проверять, поглядят, поглядят – нет таких, опять меня вызывают:

- Никакого Бога нет! – кричит на меня уполномоченная. А я ей:

- Вот будете умирать и узнаете, есть Бог или нет.

Больше не вызывали.

Людмила Александровна Панькивская:

Бабушка несколько раз приводила меня в Казанскую церковь на причастие. Поскольку мы жили на Галке, то девять километров от поселка до Кытлымской дороги (до Башеневки) мы шли пешком по лесу, потом на попутных лесовозах (20 км) ехали в город, останавливались ночевать у знакомых, а утром рано отправлялись на службу. Сейчас трудно уже представить, как добирались в город жители поселков Каквинские Печи, Башеневка, Гота, Каква, Галка, Антипинский и других, в том числе и тех, что располагались поближе к городу, таких, как Талица. За один день обернуться в город и обратно было практически невозможно, а тем более, если шли с детьми. Но, тем не менее, несмотря ни на что, бабушки несли и вели своих внуков крестить и причащать.

Утром мы не ели, и бабушка меня предупредила: «Батюшка будет тебя спрашивать, ела ты или нет, ты отвечай, что не ела». Я все поняла. Пришли в церковь, народу очень много, достояли до причастия, я подошла,

мне 5-6 лет было, значит это год 1954-55-й, бабушка спрашивает:

- Ты утром ела?

Но спросил он меня как-то не очень внятно, и мне показалось, что он спрашивает, ем ли я вообще, или не ем!

- Ем! – бойко отвечаю ему.

Бабушка оставил меня стоять и громко с амвона спросил:

- Чей ребенок?

Баба Саша протиснулась между людьми и подошла к священнику:

- Да не ела она сегодня!

И обращаясь ко мне, сказала:

- Ты ж не ела сегодня! Что ж ты придумываешь?

Ну, тут общими усилиями, разобрались, и я причастилась.

Историческая справка:

Датой начала антирелигиозной компании и наступления Хрущева на церковь можно считать 16 октября 1958 года, когда Совет министров СССР принял постановление о налоговом обложении доходов Церкви. Был повышен налог с земельных церковных участков, включая кладбища при монастырях.

В 1958–1959 гг. местные финансовые органы и уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви получили задачу от своего руководства усилить контроль за доходами епархий, церквей, монастырей и духовенства.

Так, по результатам проверок, проведенных уполномоченными уральских областей в 1958 г., общий декларируемый доход духовенства составил 2 580 тыс. р., сумма уплаченного государству налога — 1 079 тыс. р.

Таким образом, государственный налог на доходы духовенства доходил до 40%. (А. Н. Марченко. Доходы православного духовенства и налоговая политика власти в период Хрущевской антирелигиозной кампании 1958-1964 годов (по материалам Уральского региона))

В октябре 1958 г. ЦК КПСС издал секретное постановление «О недостатках научно-атеистической пропаганды», предписывавшее партийным и советским организациям развернуть наступление на религиозные пережитки в сознании и быту советских людей. 8 мая 1959 года был основан журнал «Наука и религия» и началась кампания по пропаганде агрессивного атеизма, сродни той, что уже была в 20-е годы.

С начала 1959 года в городской газете «Карпинский рабочий», являвшейся печатным органом Карпинского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся появилась рубрика «На антирелигиозные темы», печатавшая на протяжении почти десяти лет статьи «Я больше не служитель церкви» (17 июля 1959 г.), «Дом атеиста» (11 сентября 1959 г.), «Почему я отрекся от веры», «Путь к атеизму» и так далее.

Можно представить содержание и тон статей по нескольким небольшим отрывкам из них, приведенным ниже.

«Об отсталых традициях и религиозном фанатизме», «КР» от 27 декабря 1959 г.:

«В нашей стране окончательно подорваны социальные корни религии, - пишет кандидат философских наук В. Елфимов. - Большинство советских людей давно не верят в бога и свободно от различных религиозных суеверий. Религиозные традиции проявляются в самых различных формах. В далеком прошлом религиозные обряды сопровождалась человеческими жертвоприношениями.

Люди, охваченные религиозным фанатизмом, приносили в жертву богу себя и своих близких. История религии полна фактами жертвоприношений. Их совершали и наши далекие предки – славянские племена. У некоторых из них был такой жестокий обряд: ежегодно 24 июля (по старому стилю) под музыку или пение топили девушку в реке. Это была жертва богу солнца. Позднее в России наблюдались самосожжение, добровольная смерть от голода и т.п. Эта отрыжка мрачного прошлого, нет-нет, да и проявит себя и в наши дни...Пережитки старины, в частности религиозные пережитки, очень живучи. Они хватают слабовольных, тащат их в затхлое болото далекого прошлого, одурманивают сознание, сковывают волю и унижают их человеческое достоинство. Против этих пережитков надо неустанно бороться всеми средствами научно-атеистической пропаганды и разносторонней культурно-просветительной работы».

«Спутники и религия», Е.Фаддеев, «КР» от 18 ноября 1959 г.:

«...Церковники издавна утверждали, что над Землей находится «твердь небесная», где обитает бог со своими ангелами...Наука опрокинула «расчеты» богословов раз и навсегда. Ни искусственные спутники Земли, ни межпланетная станция, периодически удаляющаяся от нас почти на полмиллиона километров...не обнаружили никакой «тверди небесной»... Завоевание человеком космического пространства наносит сокрушительный удар по религиозным взглядам. Человек ныне творит такие дела, которым могло бы позавидовать любое сверхъестественное существо, если бы оно было. И эти дела приведут всех людей к полному отказу от религиозных догм».

Такое событие, как первый полет человека в космос атеистические власти не могли не использовать в своей борьбе за умы и души людей. Эта борьба не ограничивалась только статьями в газетах. В частности, в лице своих уполномоченных давались и прямые указания, как, например, митрополиту Алма-Атинскому Иосифу (Чернову), сказать проповедь о полете Юрия Гагарина.²⁶

«Братья и сестры! – сказал Владыка Иосиф по случаю полета первого в мире космонавта в околоземное пространство. - Вы знаете, в какое время мы живем, какой прогресс совершается в мире! Много ученых изобрело много хорошего!

А слышали вы – последнее событие произошло: наш молодой человек - Юра Гагарин – побывал в космосе!

И оттуда вернулся!

А ему, когда он полетел, Хрущев Никита Сергеевич сказал: «Юрочка, посмотри, есть там Бог или нет?»

И так – **Юрий Гагарин Бога не видел...**

А Бог его видел! И благословил!»

(«Свет радости в мире печали. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф»)

«Разоблачая догмы церковников», «КР» от 24 июля 1964 г

«Коммунистическая партия всегда рассматривает борьбу против религиозной идеологии как составную часть революционного преобразования общества. И это не случайно, потому что религия, будучи в корне

²⁶ В Казанской церкви г. Карпинска несколько раз служил диакон Серафим Петрович, когда приезжал в гости к родственникам из Алма-Аты. До середины 1970-х годов он был иподиаконом митрополита Иосифа.

противоположной науке, пагубно действует на мировоззрение людей.

С победой социализма в нашей стране ликвидирована главная социальная основа религии – эксплуатация человека человеком. У нас развенчана мировоззренческая опора религии – идеализм, господствует материалистическая философия. Однако тяжелое наследие прошлого – религиозные пережитки глубоко вторглись в сознание некоторой части людей, мешает им быть подлинными творцами коммунистического общества. Поэтому в настоящее время борьба с религиозной идеологией приобретает еще большее значение.

Как же обстоит дело с атеистическим воспитанием трудящихся в нашем городе? В целом, можно сказать, что за последние годы антирелигиозная пропаганда несколько улучшилась. Членами секции по атеизму в 1964 году прочитано 87 лекций, усилил свою деятельность клуб атеистов, работающий на общественных началах при Дворце культуры угольщиков в г. Волчанске. Общественники клуба подготовили и провели шесть диспутов и вечеров, на которых с помощью практических опытов по физике и химии разоблачали религиозные суеверия и догмы.

В результате в первой половине 1964 года число совершенных религиозных обрядов жителями г. Волчанска по сравнению с первым полугодием 1963 года значительно сократилось. Уменьшилось количество обрядов и в целом по городу.

За последнее время несколько оживилась атеистическая работа в Доме культуры угольщиков, заметно усилила свою деятельность и общественная комиссия по контролю за соблюдением законодательства о культах, созданная при исполкоме городского Совета. Проводимая антирелигиозная пропаганда и работа комиссии по контролю за соблюдением служителями

культы советских законов способствовали сокращению религиозных обрядов, совершаемых в церкви. Однако на этом успокаиваться нельзя.

Абсолютные цифры религиозных обрядов, а особенно доходы церкви все еще велики. Предстоит упорно и настойчиво проводить индивидуальную работу с каждым верующим.

К сожалению, у нас имеются люди, которые не верят в бога, а совершают религиозные обряды. Например, окрестили своих детей Кас. Л.Т. – грузчик машзавода, Ник. Ю.А. – шофер автобазы, Кам. А.Ф. – штукатур ЖКО треста «Вахрушевуголь». Окрестил ребенка, а затем и сам обвенчался житель города Волчанска Сем. В.И.

Мы должны разоблачать ложь, лицемерие и хитрость церковников, их жажду к деньгам. Такими качествами был наделен известный в городе В. – бывший староста церкви. Установлено, что этот «святоша», забыв о грехах праведных, тянул из храма божьего все, что возможно, а потом эти же вещи умудрялся продавать церкви. Можно не сомневаться, что этим недугом страдают и теперешние служители культа.

Надо признать, что комиссия по законодательству и работники горфинотдела слабо еще контролируют церковь в ее финансовых делах, не разоблачают всевозможные махинации церковников.

Служители культа даже идут на такие проделки. Они стремятся спить комсомольцев, которых мы направляем в определенных целях в церковь в большие религиозные праздники. Но наши посланцы оказываются стойкими и не идут на хитрость и провокации «матушки» Анисьи – церковного старосты Антоненко. Цель такой провокации – скомпрометировать в глазах верующих членов ВЛКСМ.

Атеистическая работа – большая, кропотливая. В ней должны принять самое непосредственное участие работники культпросветучреждений, преподаватели школ,

органы ЗАГСА, горздравотдела и лекторы-атеисты. Надо больше проводить различных живых увлекательных мероприятий, постоянно разъяснять населению о вреде религиозной идеологии. Только общими усилиями мы можем освободить сознание верующих от религиозного дурмана, привлечь их к плодотворной борьбе за построение коммунистического общества».

А.Н. (Уполномоченная по делам религий
Горисполкома г. Карпинска)

После ухода Н.С. Хрущева с поста руководителя страны антирелигиозное давление на людей начинает уменьшаться. Так за весь 1968 г. в городской газете «Карпинский рабочий» только однажды, в июльском номере, была напечатана очень маленькая заметка «Семинар атеистов».²⁷

Историческая справка:

С июля 1961 года согласно постановлению властей священник больше не возглавлял «двадцатку» (исполнительный орган прихода), а был наемным сотрудником и, таким образом, лишался каких-либо прав в общине. Теперь «двадцатка» имела полное право расторгнуть с ним договор без объяснения причин.

²⁷ После «перестройки» конца 1980-х годов газета «Карпинский рабочий» начинает печатать материалы по истории Казанской церкви, Богословского собора, поздравления к большим церковным праздникам, статьи священников Казанской церкви и интервью с ними. С 2008 года в газете появляется ежемесячная рубрика «Православный листок» на одной полосе, а с 2013 года по инициативе настоятеля Казанской церкви иерея Антония Шубинова, поддержанное редактором газеты О.И. Брулевой, ежемесячное 8-страничное православное приложение «Ковчег».

Виктор Николаевич Прутов:

Старушки церковные несли в церковь и мед, и консервы, и пироги, и конфеты, хотя в основном, это всё было не очень-то доступно не только по деньгам, но и в силу царившего тогда, так называемого, «дефицита», но священникам они готовы были последнее отдать. Другое дело – что доставалось из этого батюшке? С другой стороны, законы в отношении к церкви были такие, что если бы увидели, что прихожане что-то дают священнику, хоть какую-то копейку, то его тут же лишили бы регистрации.

Рассказывает (В.И.Б.), одна из старейших прихожанок Казанской церкви:

В большие праздники матушке Марии давали в церкви с панихиды два пирожка. Сколько раз я видела, как она несла их на блюдечке из церкви в дом.

Часто в церковь с проверкой приходила уполномоченная из горисполкома, она даже носовой платочек из рук прихожан забирала, когда они, заказывая отпевание, подавали носовой или головной платок как пожертвование на панихиду за душу усопшего.

Отец Михаил служил долго, до двух часов, а с четырех часов начиналась вечерняя служба, и так почти каждый день. Пока в храме было два священника, примерно до начала 70-х годов требы совершали, сменяя друг друга попеременно: неделю один служит в церкви, другой – на требах, потом меняются. В любой день, в любое время можно было прийти и позвать батюшку исповедать и причастить больного или умирающего.

Народу в храме много, перед службой, а то и во время службы начнут сначала потихоньку кто-нибудь меж собой разговаривать и дальше больше – уже стоит гул в церкви от разговоров, тогда отец Михаил выйдет из алтаря, станет

на солее, посмотрит на народ – люди не сразу, но постепенно замолкнут. Он не отчитывал, не упрекал, что вы, мол, проявляете неуважение, или, разве можно ходить и разговаривать во время службы, ничего не говорил, и люди понимали и очень уважали батюшку, даже те, которые имели над ним власть.

На воскресной литургии выходил батюшка с чашей, читал молитву для причащающихся, и затем всегда напоминал, чтобы причастники сделали земной поклон.

Когда крестил детей, перед тем, как заносить маленьких и заводил больших мальчиков в алтарь, а девочек поднести к иконостасу, к иконе Божией Матери, велел матерям посреди храма перед солеей сделать три земных поклона, и потом над ними читал молитву и тогда уже отпускал.

Священникам больничный лист не давали. На нашем участке была хорошая врач – Лушникова Надежда Васильевна. Батюшка часто простужался, да и просто в силу возраста он был не очень здоров. Она назначала ему лечение, а я ходила к ним делала уколы, банки, приносила лекарства. И еще Надежда Васильевна через ВТЭК оформляла заключения, что батюшка по состоянию здоровья нуждается в санаторно-курортном лечении и тогда на этом основании в епархии ему давали отпуск.

Как-то ночью прибежала за мной сторожиха – батюшке стало плохо. Оказывается, он простыл, и матушка насыпала ему в носки горчицы, а у него сердце схватило.

Я сделала укол камфары, и приступ прошел.

Четырнадцать лет я проработала в деревянной больнице по Советской улице у Ивана Павловича Грухина.

Главврач знал, что я в церковь хожу, но никогда не ругал меня. Вызовет в кабинет:

- Опять сообщили, что вы ребенка покрестили.

- А что случилось? Я ведь не убила, а покрестила.

Он помолчит, посмотрит на меня:

- Ладно! Идите.

Человек он добрый был. Как весна настает, ближе к лету, он меня спрашивает: «Вы все на огороде посадили?», отвечаю ему: «Картошки нет». «Приходите», - и даст нам на посадку картошки.

Однажды вызвал меня к себе и говорит: «Надо заменить фельдшера на подсобном хозяйстве».

В больницу на Советской мне было близко добежать, а на подсобное - это же за речкой - далеко.

Он мне:

- Да только на один месяц!

- На месяц? - я с неохотой согласилась. И проработала там двадцать шесть лет, до самой пенсии. Так что, ко мне как к фельдшеру батюшка с матушкой часто обращались.

И батюшка, и матушка были исключительно добрые и культурные люди, они всегда искренне благодарили.

Когда не придешь, батюшка поможет пальто снять, примет его, всегда приглашали за стол, если это было время обеда, или когда я заходила к ним после работы. Мне было ужасно неловко, а они были замечательные люди.

Часто тогда я видела отца Михаила, печатающего на машинке.

В праздники и в воскресенье матушка ставила на стол малюсенький графинчик с красным вином, может коньяком, я не знаю точно с чем, блюдечко с мелко нарезанной и красиво уложенной селедочкой, а мне было удивительно, мы так не ели – всё такое малюсенькое, и рюмочки с наперсток, и эта селедочка.

- Валентина Ивановна, - батюшка всегда обращался ко мне только так, хотя я была на тридцать с лишком лет младше их с матушкой. – Давайте, рюмочку, выпейте для аппетита.

Матушка постоянно шила. Все ризы, все облачения в храм на престол, жертвенник, аналои, подарки – мне она сшила блузочку, всё матушка шила сама.

Отец Михаил с матушкой много помогали своей дочери Ангелине и внуку и часто ездили к ним в Свердловск. Говорили, что их дочка знала пять языков и какое-то время работала переводчицей.

Виктор Николаевич Прутов:

За свечами мы ездили в Свердловск. Отправлялись вдвоем, втроем, свечей много брали, мешка четыре по тридцать-сорок килограмм. В поезд грузим, бывало и пять мешков, проводницы ворчат: «Опять церковники со своими свечами». Приходилось им денежку сунуть.

В пост по воскресеньям служили Пассии, в воскресенье читали акафисты на распев, Всегда на молебен заказывали акафисты Николаю Угоднику, Божией Матери, Спасителю и другие.

В это же время, году в 1963-1964-ом приезжал в Карпинск из Свердловска внук отца Михаила Воронцова. Возрастом примерно, как я или немного постарше, может года с тридцать пятого, работал он инженером, а сюда, кроме того, что проведать своих, он уже не первый раз приезжал сплавать по Какве. Лодка у него была в рюкзаке, байдарка, алюминиевый каркас которой разбирался и складывался. Я его на мотоцикле увозил к пионерскому лагерю за Веселовкой.

Церковный актив

Александра Ивановна Киселева

Тамара Семеновна (Киселева) Першина, дочь:

Александра Ивановна (Исакова) Киселева родилась в Богословском заводе 2 апреля 1915 г. Родители Иван Иванович Исаков (1880 - 1942) и Павла (Неверова, родом из Надеждинска, 1884 – 1950) имели четверо детей: Марию 1902 г.р., Ивана 1905 г.р., Клавдию 1913 г.р., Александру 1915 г.р. и сына Александра 1917 г.р. (умершего в 17 лет в 1934 году). Отец Александры

Ивановны, Иван Иванович, работал бухгалтером у управляющего Богословским медеплавильным заводом. Жили на улице Огородникова (до революции Верхотурская), дом 4, построенном на двоих с братом Павлом Ивановичем Исаковым.

Александра росла в семье, где все, и дети, и взрослые, каждое воскресенье ходили на службу. За стол не садились, не перекрестившись, и не вставали без молитвы.

У Исаковых был баркас, вмещающий до 15 человек, на котором с семьей и родными катались в праздники по реке Турье. На Рождество и на Пасху в гостях у Исаковых собиралось до ста, а то и больше ста человек родни. Имели две лошади, одну ездовую и одну рабочую, которую отдавали в найм на Угольные копи вывозить руду (уголь).

Младшая из детей, Александра Ивановна окончила финансовый техникум в Свердловске, жила в Карпинске, работала бухгалтером-ревизором в ОРСе на Угольных коях. В 1938 году познакомилась с Семеном Игнатьевичем Киселевым, приехавшим на Урал из Белоруссии после окончания

техникума и работавшим заведующим магазином. Через год после знакомства Семена забрали в армию, где он учился на офицерских курсах, воевал на Великой Отечественной войне, был тяжело ранен в 1944 году и закончил её в звании майора. В феврале 1945 г. Семена Игнатьевича комиссовали по ранению с инвалидностью первой группы. Он вернулся в Карпинск, работал начальником лагеря для военнопленных, женился на Исаковой Александре Ивановне, родились дети: Владимир 1945 г.р., Борис 1947 г.р., Галина 1949 г.р., Тамара 1951 г.р., Надежда 1953 г.р., Валерий 1956 г.р.

Александра Ивановна работала в ОРСе и в Казанской церкви бухгалтером. Умерла 13 мая 1992 г.

С протоиереем Стефаном Булдаковым (слева направо) пред. рев. комиссии Анна Николаевна Иванова, бухгалтер Александра Ивановна Киселева, казначей Андрей Иванович Виноградов, староста Воинков Александр Федорович, помощник старосты Тростина Мария.
1952 – 1954 гг.

Николай Васильевич Гурьянов

Биографическая справка:

Николай Васильевич Гурьянов родился на Вологодчине в 1902 году. Праздновал только день своего Ангела – 27 июля по ст.ст./ 9августа по н.ст., память блаженного Николая Кочанова, Новгородского Христа ради юродивого. Дня рождения его никто не знал.

Воевал в Великую Отечественную войну, был контужен, и от этого болел и страдал до самой смерти. Попал в плен.

После освобождения из плена был конвоирован в Карпинск и заключен в зоне, пока проводилось расследование обстоятельств пленения и определение степени его вины. После освобождения к нему приехала жена Алевтина Евгеньевна, сыновья Василий, Михаил и дочери Галина (в замужестве Прохорова Галина Николаевна) и Полина.

Николай Васильевич, работал на конном дворе и, насколько ему позволяла работа, постоянно ходил в Казанскую церковь, состоял в церковной «двадцатке». Его жена Алевтина, дочь Галина и сноха Мария также были постоянными прихожанами Казанской церкви.

Умер 7 февраля 1975 года на празднование свт. Григория Богослова.

Мария Васильевна Гурьянова, сноха:

Родители моего мужа, Николай Васильевич и Алевтина Евгеньевна Гурьяновы жили в половине двухквартирного дома напротив конного двора, по Лермонтова, 42.

В небольшом «финском» домике общей площадью 30 кв.м. мы жили: родители, бабушка, брат свекрови, четверо детей, двое из которых со своими семьями - всего одиннадцать человек. Жили дружно, на всех держали козу и кур, но всегда сажали много картошки, которая очень выручала.

Свекор и свекровь, сколько мы с ними прожили, никогда ничем никого из нас не обидели.

По воскресеньям и в праздник, мы со свекровью, обязательно пешком, шли в церковь, хотя трамвай останавливались рядом с нашим домом, но Алевтина Евгеньевна считала, что надо потрудиться, идя в церковь.

Свекор, Николай Васильевич, несмотря на то, что у него были частые приступы эпилепсии, и они могли случиться с ним в любое время и где угодно, все равно постоянно ходил в церковь.

Свекровь умерла в 1966 году в 64 года, а Николай Васильевич пережил ее почти на 10 лет.

**Рядом со
священником, отцом
Спиридоном, сидит
Николай
Васильевич
Гурьянов**

Гурьянова Мария Васильевна

Биографическая справка:

Мария Ивановна Гурьянова родилась 3 декабря 1931 года в селе Александровка Хмелевского района Кировской области в семье, где их у родителей было семеро детей. В конце 1940-х годов приехала в Карпинск на работу. Почти двадцать лет трудилась на разрезе, на выборке угля, мотористкой. В 1966 году перешла на Карпинскую хлопкопрядильную фабрику.

Вышла замуж за Василия Николаевича Гурьянова, родились дети. Работала в церкви, продавала свечи, была старостой. После нее, в конце шестидесятых годов, старостой стала Антонина Надёжина.

Мария Ивановна Чувашова

Биографическая справка:

Мария Ивановна родилась ок. 1900 года. Имела 4 класса образования.

Вышла замуж за Константина Ивановича Чувашова, вырастила двух дочерей: Алевтину, 1929 г.р. и Маргариту, 1938 г.р. Жили в Краснотурьинске в своем доме по улице Микова.

Мария Ивановна работала заведующей столовой. Муж трудился в пекарне в Карпинске, и поэтому в 1949 году Чувашова купили в Карпинске дом возле Загородней улицы и переехали в него жить из Краснотурьинска. Скоро Константин Иванович тяжело заболел, его разбил паралич, и пятнадцать лет Мария Ивановна ухаживала за парализованным мужем. Постоянно ходила в Казанскую

церковь, где в конце 1960-х - начале 1970-х годов была старостой прихода.

Года за два-три до смерти стала страдать от сердечной недостаточности. Только последние три дня лежала, и очень тихо и неслышно умерла 3 января 1974 года.

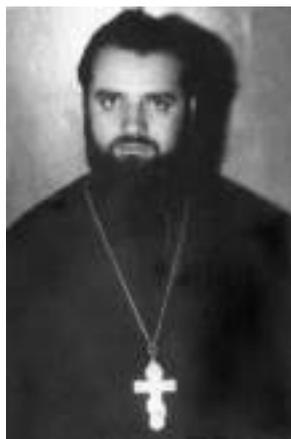
Мария Ивановна Чувашова (вторая справа) во время приезда владыки Климента в Казанскую церковь. Слева от Владыки настоятель - иерей Михаил Воронцов. Карпинск, 1968 г.

Церковный актив в гостях у отца Михаила и матушки Марии Воронцовых. Крайняя слева сидит Мария Ивановна Чувашова – председатель церковного совета Казанской церкви г. Карпинска

На фотографии ок. 1970 – 1972 года, кроме отца Михаила, мы видим еще одного священника (второй справа). Тот же священник и на фотографии, найденной М.С. Бессоновым в архивах вместе с анкетами отца Михаила и отца Спиридона, которые наши священнослужители заполняли в горисполкоме в 1969 году.

С октября 1970 до апреля 1971 года в Казанской церкви служил сначала диаконом, а затем священником отец Иоанн Иващенко, возможно, что это он.

Псалом 22

- 1** Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит.
- 2** На месте злачне тамо всели мя, на воде покойне воспита мя.
- 3** Душу мою обрати, настави мя на стези правды имене ради Своего.
- 4** Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мной еси, жезл и палица твоя, та мя утешиста.
- 5** Уготовал еси предо мною трапезу, сопротив стужающим мне, умастил еси елеом главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна.
- 6** И милость Твоя поженет мя вся дни живота моего, и еже вселити ми ся в дом Господень, в долготу дней.

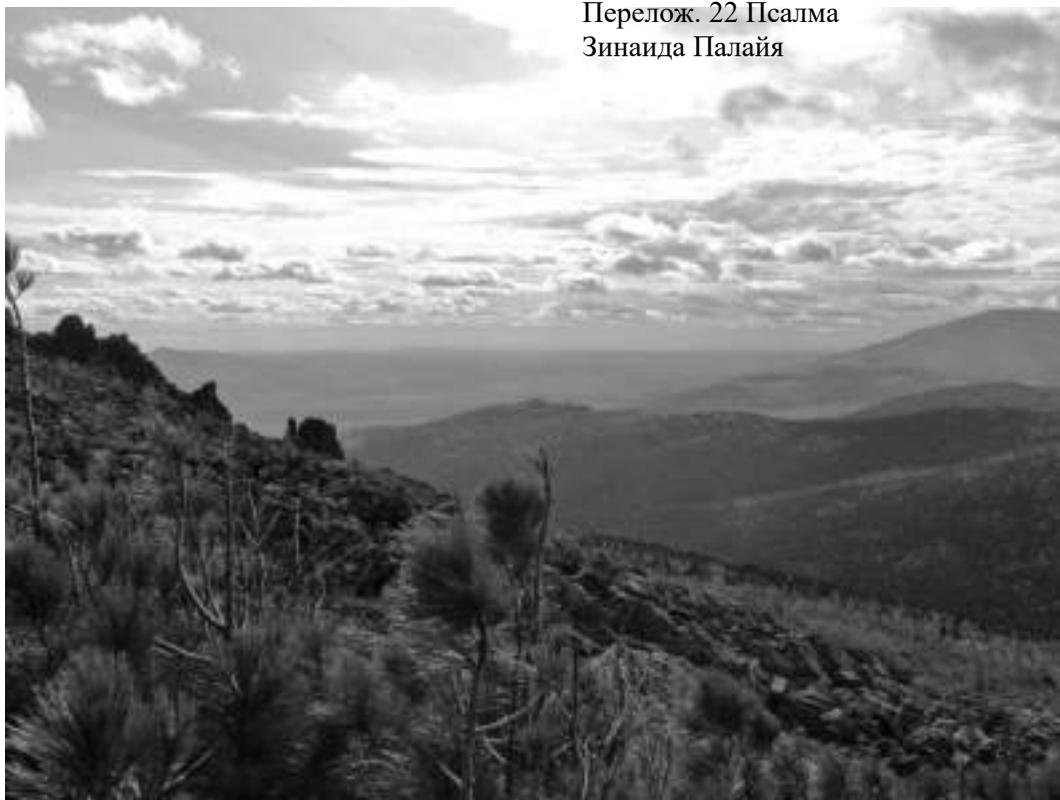

**«Господь пасет меня, ничем не обделяя,
Он воспитал меня на тихих берегах.
Возносится над тучными полями
К нему душа спокойна и легка.**

**Не убоюсь я даже смертной сени:
Ведь рядом жезл и палица Твоя.
Устроил мне за трапезой веселье
Напротив притеснителей моих.**

**И голову мою ты умастил елеем,
И чаша на пиру всегда вином полна,
И милости Твоей, что так меня лелеет,
В Твоем доме не исчерпать до дна».**

Перелож. 22 Псалма
Зинаида Палайя

Ольга Ивановна Стрюкова, прихожанка Казанской церкви г. Карпинска:

В 1966 году у нас родился сын Игорь, сразу окрестить его не получилось, крестили уже года в два-три. Я взяла свою старшую дочь Валю, и мы пришли в Казанскую, где отец Михаил его окрестил.

А скоро я опять пришла к священнику и говорю ему:

- Батюшка, меня судить завтра будут.

Отец Михаил даже не стал уточнять, где судить, за что судить, - понял, что меня будут судить на работе товарищеским судом, за то, что я окрестила своего ребенка, но всё же спросил:

- За что?

- Сына окрестила.

- Не переживай, - сказал мне батюшка – Ты окрестила сына, за что тебя судить? Ты же не убила его.

Он ушел в алтарь, вышел оттуда с книгой, поставил меня перед алтарем и над моей головой прочитал молитву.

- Все будет хорошо, Бог управит! И сын твой будет хорошим.

Но я боялась, что завтра все сотрудники соберутся и будут меня судить.

На следующий день, я пришла в больницу, где работала санитаркой, и вижу, что привезли очень тяжелого больного, медсестры и врач - все около него. Всю смену с ним отваживались, и про меня забыли. Только на другой день Маргарита Семеновна Воложенинова, старшая медсестра, вспомнила обо мне, но время уже ушло, да и не хотелось ей меня судить, говорит:

- Я напишу, что все провели, что товарищеский суд твое дело

рассмотрел.

Так что все, слава Богу, обошлось. Но у мужа моего были неприятности. К нему на работу тоже поступили сведения о крещении сына.

В 1965 году мой муж, Николай Павлович Стрюков, был избран депутатом Карпинского городского Совета депутатов трудящихся, и как только там стало известно о крещении ребенка, его с депутатов сняли.

Маргарита Семеновна Воложенинова, старшая медсестра в горбольнице:

Мне пришлось сочинять протоколы несостоявшегося товарищеского суда, и из Горздравотдела сильно перепало.

Когда заведующая Горздрава узнала, что наша санитарка окрестила ребенка, то вызвала меня к себе:

– Как это так?! Почему вы такое допустили?

И потом каждый день звонила:

- Вы всё еще на своем месте сидите?

- ...

- Как это вас держат? Почему до сих пор не уволили?

Она просто изводила меня, и я, конечно, очень расстраивалась.

Однажды заведующая отделением П. С. Бархатова увидела, что я плачу, спрашивает:

- В чём, в чём дело?

Я ей рассказала, что каждый день мне звонят из Горздравотдела и спрашивают, почему я все еще работаю на своем месте, почему меня до сих пор не уволили. И всё из-за того, что наша работница окрестила ребенка.

Полина Сергеевна рассказала об этом мужу, он в те годы работал в Карпинске прокурором.

Валерий Иванович вызвал к себе заведующую Горздравотдела, поговорил с ней, и всё прекратилось.

Галина Александровна Дума:

В начале декабря на улице мороз и ветер, но мы, наконец, пошли крестить Сашу. Ему уже пошел второй год, и на эту субботу как раз у мужа попал выходной. Зашли в церковный дом: печка вытоплена, тепло, на полу домотканые половички, купель стоит, передний угол весь в иконах заставлен и на маленьком стульчике сидит старенький батюшка.

Отец Михаил встал нам навстречу и приветливо обращаясь, спросил: «Вы родители? Крещёные?»

- Да, - кивнули мы.

Это было в 1978 году. В тот день крестили только одного нашего сына.

После крещения из дома, что стоит на церковном дворе, мы перешли в церковь.

Отец Михаил в алтаре Казанской церкви

Там служительница сразу же велела мне встать на колени возле маленького Распятая, стоящего справа от входа:

- Вставай! Ниже голову опускай!

Она уверенно, пригнала меня к полу.

- Ниже, ниже, грешные, ведь, - сочувственно приговаривала она.

Остановившись возле соли, отец Михаил принял Сашу из рук отца, чтобы занести его в алтарь, а тот, шустрый, сразу хватил священника за бороду.

- Что ты? Бо-ро-да-то у ме-ня не при-кле-ен-ная! - произнес батюшка, слегка прерываясь, как бы по слогам, пытаясь отвести Сашину ручку в сторону. Тут подошла бабуля церковная помочь батюшке, а он ей:

- Ни-че-го, ни-че-го! Всё хо-ро-шо.

На железной дороге, где в то время работал мой муж, конечно, узнали, что Дума окрестил своего ребенка, но начальник ни слова упрека ему не сказал, напротив, когда у нас возникла необходимость поехать с Сашей в Свердловск в больницу на консультацию, он помог нам с билетами. Тогда ведь трудно было, и начальник отдал нам свои бронированные билеты.

Но когда я с больным сыном пришла на прием к врачу у нас в Карпинске, мне с порога не преминули сказать:

- Что? Ребенка окрестили и к нам пришли?

А я им:

- Ну, да! К ветеринару не пошли!

Когда родился второй сын, свекор, говорит:

«Неча дитю бесом бегать, и этого надо крестить».

Муж уже с железной дороги ушел и работал в снабжении на рудоремонтном заводе. Вот там-то, как узнали, так стали прорабатывать:

- Как ты мог?!

И так далее..... С тех пор еще долгое время, как линейка или собрание, так все мужа разбирали и стыдили.

← Высокий мужчина, стоящий слева от батюшки - протоиерей Анатолий Головин из Свердловской епархии.

В конце 1979 года батюшке был доставлен Указ архиерея о почислении его, протоиерея Михаила Воронцова, за штат. На покой.

Отец Михаил служил в Казанской церкви нашего города с 23 ноября 1954 года по октябрь 1979 года.

Рассказывает (В.И.Б.), одна из старейших прихожанок Казанской церкви:

Когда отец Михаил с матушкой уехали из Карпинска, батюшке было, без малого, 90 лет.

Они совсем немного прожили в Свердловске, и матушка умерла. Батюшка еще раз приезжал в Карпинск. Он надеялся, что ему дадут здесь дожить, тем более что церковный дом был свободен - в нем никто не жил. Но те, кто мог бы ему помочь, отказали.

Отец Михаил, старый и немощный, вышел из церкви, сдерживая слезы. Ему хотелось бы закончить свои дни здесь, возле Казанской, но Бог судил иначе.

Елизавета Истомина, что жила рядом с церковью, позвала батюшку к себе переночевать, так как поезд в Свердловск отправлялся только вечером следующего дня, но отец Михаил отказался. Он поблагодарил её и ушел ночевать к другим людям. На следующий день он уехал.

Когда Батюшка умер, родные сообщили в Карпинск о его смерти, и те из прихожан, кто смог, ездили к нему на похороны в Свердловск.

Отец Михаил Воронцов родился в день празднования «Казанской» иконы Божией Матери.

Он был офицером царской армии.

После революции 1917 года вынужденно покинул Родину, и долгие годы провел в эмиграции.

Он вернулся в Россию в 1954-ом.

И почти четверть века служил в Казанской церкви нашего города.

Сорок пять лет прошло с тех пор, как батюшка ушел на покой и уехал, но до сих пор многие вспоминают его с огромной любовью и благодарны ему за то тепло, которым он смог согреть души людей даже при мимолетной встрече.

Отец Михаил Воронцов в последние годы своего служения в Казанской церкви города Карпинска, конец 1970-х гг.

Отец Василий Губаль

Майя Александровна Литвина, прихожанка:

«В 1984 году я пришла в церковь. Служил тогда отец Василий, высокий, красивый, лет сорока возрастом. Две

чудесные дочки у него были, Женя и Лиза, которые нас, прихожан, поздравляли открытками на все праздники.

Часто отец Василий проводил ночные службы, не только на Рождество и Пасху, но и на

большие праздники и иногда под воскресенье.

Начинались они в десять часов вечера и продолжались вместе с литургией до пяти утра. Прихожане стояли строгими рядами до самого амвона. Мало, кто присаживался по немощи своей на скамейку. Все были старые, я самая молодая. Относились прихожанки ко мне со вниманием. Жизнь приходская кипела. Трудились в самом храме и на территории, субботники проводились регулярно. Это было кипучее место – церковная ограда. Очень много облачений в церкви было. На всех аналоях, а тогда они были из реек и покрывались сверху атласными юбками и накидками того цвета, который полагался в праздник или период между праздниками в соответствии с богослужебным уставом.

Каждому празднику обязательно служили отдание праздника, и после отдания меняли облачение. Так что менять, стирать и гладить, ремонтировать и что-то шить заново приходилось, чуть ли не каждый месяц, а еще и

батюшкины ризы и рясы - собирались целые тюки, которые раздавались прихожанам частями, и попеременно многие в этом помогали.

Когда я первый раз пришла на исповедь, то не знала, как исповедоваться. Сторож меня научила. Спрашивает: Ты постилась?

- Нет, конечно.

- Тогда не ужинай вечером, только кусок хлеба и стакан чая, и приходи. И напиши свои грехи на бумажке.

Я написала. Ничего не знала, не понимала даже толком, что грех, что не грех, всякий вздор написала.

Исповедовал отец Василий и утром перед литургией, и вечером после службы.

Вечером он сначала проводил общую исповедь, зачитывал грехи, люди слушали, каждый находил свое и, когда очередь доходила, то говорили батюшке уже каждый то, в чем раскаивался.

Вечером на исповедь оставалась тьма-тьмущая народу, человек по шестьдесят, и просто физически невозможно было батюшке обстоятельно выслушать каждого.

В конце литургии отец Василий выходил к народу с крестом, и в то время, пока люди шли ко кресту, мы всем храмом вместе с батюшкой пели молитвы.

Народу в воскресные дни приходило человек 150, вкруговую - 200, в поминальные дни до 500 прихожан собиралось, так что пока люди подходили ко кресту, успевали спеть несколько молитв.

Батюшка слегка взмахивал рукой и запевал, народ подхватывал: «Богородице Дево, радуйся», «Заступница усердная» и еще в воскресенье обязательно молитву с вечернего богослужения «Воскресение Христово видевше».

По запричастном стихе хор часто пел «К кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей» и народ плакал.

Отец Василий Губаль служит Пасху в Казанской церкви

Епископ Платон (Удовенко) в Казанской церкви, 1982 г.

Епископ Платон (Удовенко) с 1973 года Аргентинский и Южноамериканский в 1980 году назначен на Свердловскую и Курганскую кафедру, которую возглавлял по декабрь 1984 года. Казанская церковь, Карпинск, 1982 г.

Голос у отца Василия был богатый, с красивым тембром, и в то же время, если можно так сказать, культурный, ничего в его голосе не выпирало, не давило.

После литургии в воскресенье обязательно служилась лития, читались акафисты, так что всё заканчивалось около двух часов, и уходить из храма не хотелось.

Первое время я ходила на воскресную службу, чтобы услышать проповеди отца Василия, которые он говорил после чтения Евангелия. Очень короткие, минут на пять-семь, они хорошо запоминались, и когда я возвращалась домой, то успевала по памяти почти дословно записать их в тетрадь. В то время в церковной лавке продавались только свечи. Ни книг, ни икон – ничего не было, ни Евангелия, ни Библии, ни молитвословов. Купить какую-то религиозную литературу было просто невозможно. Утренние и вечерние молитвы переписывали друг у друга вручную. Так что тетрадка с проповедями отца Василия заменяла мне тогда духовное чтение. К сожалению, в связи с переездами тетрадь эта у меня не сохранилась, но некоторые проповеди я помню до сих пор, например, о пьянстве.

Когда люди насадили виноград и стали делать вино, то они не знали, что самое опасное свойство вина, лишать человека чувства меры. Современное выражение «пить в меру» - ложное, потому что человек, выпивший немного, первое что теряет, это меру.

В другой проповеди батюшка рассказывал о том, что племена Каина и Сифа, детей Адама и Евы, умножившись, жили по разные стороны гор, разделяемые цепью вершин, чтобы развращенное племя каинитов, детей первого на земле убийцы, каким был Каин, не оказывало дурного влияния и не смешивалось бы с благочестивым потомством Сифа. Женщины каинитов, очень красивые, холеные, живя только для наслаждения, ничем не занимались.

Со временем потомки Сифа стали задумываться, глядя на горы, а что же там, за вершинами? И вот, подталкиваемые любопытством, они перевалили через горы, и увидели, что там тоже живут люди, а когда спустились с гор, то встретили красивых женщин - дочерей каинитов. И сыны Божии - благочестивые потомки Сифа, взяли в жены дочерей человеческих – каиниток и тем испортили свой род. Так потомки Авеля не проявили осторожность, желая непременно узнать, что же там, в неведомой для них долине, за что расплатились развращением своего потомства.

Все перемены на приходе обычно происходили Великим постом. После отъезда отца Василия, прослужившего в Карпинске 8 лет, в течение 4-х месяцев настоятельствовал отец. Иоанн Голдич. Великим постом 1988 г. приехал священник Андрей Иванков, он служил в Казанской только один год - до Вербного воскресения 1989

Иерей Василий Губаль с прихожанами. Карпинск, 1980-е

Отец Василий и владыка Мелхиседек с прихожанами, 1987 г.